ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ВИКТОР БУРЦЕВ
АЛМАЗНЫЙ ДОЖДЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все изменилось на Земле. Нет деревень, проселочных дорог, лугов и пастбищ. Нет даже неба. Человечество укрылось от Космоса в бесконечно огромных городах под куполами.

…Нулевой уровень Европейского Купола, Трущобы. Вечер. Нескончаемый дождь. Поднимающаяся вода угрожает потопом. Под монотонный шум дождя случайно оказавшиеся вместе люди рассказывают истории об Алексе. Алекс – бесстрашный наемный убийца. Алекс – обманутый Конторой парнишка. Алекс – благородный разбойник. Алекс борется с Сатаной. Алекс карает предателя… За окнами не только дождь и ночь. За окнами – Гончие, существа, искусственно созданные для того, чтобы искать, догонять, жестоко рвать человеческую плоть. Гончие пришли за Максом. Для Макса не будет утра. А для Алекса?..

- Виктор Бурцев
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.
  - «Видеть то, что не видят другие»
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.
  - «Сидящие»
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.
  - «Псевдобожественная трагедия, или Маленькая пьеса со странным финалом»
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. 60 минут до нападения.
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. 47 минут до нападения.
  - «Дальше – тишина?»
  - Нулевой уровень Европейского Купола». Трущобы. 33 минуты до нападения.
  - «Мертвый, Неоновый свет, или Снятся ли «крысе» цветные сны?»
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. 12 минут до нападения.
  - Нулевой уровень Европейского Купола. Утро.

Виктор Бурцев
Алмазный дождь

…В который раз на старом пустыре я запускаю в проволочный космос свой медный грош, увенчанный гербом, в отчаянной попытке возвеличить момент соединения…

И. Бродский

ВСТУПЛЕНИЕ
Трущобы.

Место, где кипит жизнь. Где она рождается, где она умирает, где она гниет, не в силах исчезнуть навеки. Это место, где за день можно нажить себе столько врагов, что хватит на всю жизнь. Это место, где зреет Завтра. Готовое взорваться, плюнуть в лицо дню сегодняшнему и наступить ногой на его смердящий труп.

В трущобах не нужно беспокоиться о будущем, если ты ухитрился доказать, что имеешь право на это будущее. Жилье находится по мере необходимости, еда по мере поступления, деньги… Деньги, как повезет.

А поэтому спектр возможностей в трущобах невероятно широк. Именно тут можно найти работу на день, которая накормит на целый год, и проститутку на ночь с таким фатальным набором болезней, что и целой врачебной клинике не разобраться. Впрочем, врачебную клинику тут тоже можно найти. Подпольную, конечно.

Кто-то видел мертвецов, свободно разгуливающих по улицам. Кто-то видел особо опасных государственных преступников. Кто-то ничего не видел, и таких большинство.

Трущобы. Возможно все. Новое тело. Старое тело. Герои прошедших дней, легендарные личности, которым не нашлось места в новой жизни.

Тут есть место всему. Не стоит удивляться.

Умереть, ожить и снова умереть, на этот раз навсегда.

Ворота между адом и раем, в тени которых приютился балаган. С какой стороны? Кто знает?

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.

Она устала просто так висеть под потолком и гореть. Она устала быть бессловесным предметом. Простенькая лампочка накаливания внезапно замигала желтым, нездоровым светом, привлекая к себе внимание. Моргнула в последний раз и, подтверждая тезис о том, что темнота это отсутствие света, погасла.

В тот же миг, как собаки по умершему хозяину, тревожно завыли все устройства бесперебойного питания, сообщая, что через пятнадцать минут вся пока работающая техника превратится в бесполезный хлам.

Человек в виртуальном костюме дернулся. В радужном стекле виртуального шлема отразилась темнота.

– Дерьмо! – со вкусом произнес человек.

Виртуальность медленно и неохотно вытаскивала свои щупальца из его сознания.

Пятнадцати минут подпитки электричеством как раз хватит, чтобы закрыть все потоки, вернуться в этот грустный аэропорт, называемый телом. Всю трагедию такого события могут понять только наркоманы, которых отпускает исключительно удачный «приход», пилоты-стратосферники, возвращающиеся домой, и киберы, жители виртуальности.

Когда настороженные, мигающие желтым огоньки на источниках бесперебойного питания сменились панически красными, человек снял шлем и вынул из своего тела контакты, бросив их безжизненными змеями на пол.

– Дерьмо! – снова повторил человек. Раскосые карие глаза безразлично окинули темную лачугу, в которой он жил. Белки глаз прошиты красной паутинкой сосудов – человек был утомлен. – В следующий раз сломаю «Электросети».

Человека звали Керк. Он и сам не смог бы вспомнить – кличка это или настоящее имя. Да и какая разница? Керк, и все тут. Почти киборг. На кой черт киборгу имя и фамилия? Жив, и ладно.

Он подрабатывал мелким взломом, подделкой копирайтов, воровством. Грязной и низкоуровневой работой в виртульности, единственном месте, которое было Керку по нутру, и, конечно, он никогда бы не смог поломать структуру защиты такой серьезной организации, как «Электросети». Не по Сеньке шапка.

Еда, терминал и электричество. Все, что было необходимо

Керку для жизни. Иногда наркотики. Еду он воровал, отнимал, реже покупал, пуская все деньги только на терминал и сопутствующие программы. Электричество воровалось у государства, что являлось естественным делом для этих мест.

Текущая крыша, грязь, насекомые-мутанты, люди, недалеко ушедшие от насекомых, сомнительные связи и подозрительный статус без пяти минут кибера… Шелуха. Все это не имело значения.

Все, что имело значение для Керка, заключалось в еде, терминале и электричестве.

И иногда – в наркотиках. Иногда. Не часто, только в экстренных случаях… Ну, вы понимаете.

Виртуальность отмывала его грязную жизнь, латала дыры в бесконечно сменяемых домах и одежде. Кормила.

Виртуальность непорочная и чистая во веки веков.

Но сейчас один из основных столпов, на которых базировалась жизнь Керка, пошатнулся.

– Хрень какая, даже не позвонить никому… Хрень, одно слово. – Он взглянул в забранное прозрачным пластиком окно. Пластик уже износился и был прорван в нескольких местах, потерял прозрачность.

Керк отколупнул грязным пальцем ссохшиеся, мутноватые частички полимера, и через образовавшееся отверстие на него посмотрела серая, мокрая и пахнущая псиной улица.

Дождь, который лил уже несколько дней, наводил щемящую смертную тоску.

«И ширнуться нечем», – подумал Керк.

Мысль о «ширеве» навела его на еще более мрачную мысль об отсутствии денег, долгах… Нужно было срочно что-то делать.

Керк резко выдохнул, хлопнул ладонями по бедрам, затянутым в кожаные черные, с кислотными разводами брюки.

– А не пойти ли «за покупками»?!

«Пойти за покупками» означало на местном жаргоне отправиться на поиски приключений. Осмотреть местность, набить какие-то объекты для краж или точки для дальнейших переездов… Говоря упрощенно – устроить променад.

Что Керк и сделал, нырнув с разбегу в серую влажность улиц.

Мимо. Мимо. Автоматические забегаловки. Заляпанные грязью окна подвальных помещений. Мимо. Мимо. В грязных подворотнях сияющие чистотой рекламные голограммы. Единственный источник света в придонном пространстве сросшихся над головой домов мегаполиса. Мимо. Мимо. Тело человека. Живое? Тянется тонкой струйкой что-то темное… Куртка смята, кажется, что она вдвинута куда-то внутрь. Мимо.

Мимо. Тут уже нечего брать…

Улицы, переулки, люди, киберы, дождь.

Трущобы, огромный отстойник, перевалочный пункт для многочисленных отбросов разноцветного общества, илистое дно, где таятся хищники, олицетворение ужаса для толстых карасей верхнего мира.

Когда Керк вернулся домой, в окнах горел свет…

«Хорошенькая новость… Дьявол, хорошенькая новость… Кого это принесло?» – лихорадочно думал он, осторожно поднимаясь по лестнице.

Такие неожиданные визиты, мягко говоря, не поощрялись в этом районе. А если по-серьезному, то за такое дело можно получить заточку между ребер. Запросто. Человеческая жизнь ценится значительно дешевле «благоустроенного» жилья.

Вспотевший кулак крепко сжал обработанный на станке конусообразный штырь ладони в три длиной. Это оружие представляло достаточную опасность для бродяг, отважившихся на такое рискованное дело, как захват чужого помещения. Керку случалось отбиваться этим оружием от небольшой банды охотников за органами. И теперь он был исполнен решимости отстоять свои права на занимаемую площадь.

Керк поднялся по лестнице и осторожно толкнул незапертую дверь. Петли его не выдали. В прихожей было темно, из-под двери в комнату пробивался жидкий желтоватый свет…

Сглотнув слюну, Керк постарался успокоить не в меру разыгравшееся сердце. Не получилось…

Один шаг. Другой.

По спине противно катились холодные капли дождя, попавшего за воротник. Какой-то мусор поскрипывал под тяжелыми военными ботинками. При каждом новом звуке Керк замирал и прислушивался.

Рука осторожно потянулась к пластиковой ручке. Медленно. Медленно. Как сонная ящерица, замерзшая в ночи страха.

– Входи… – раздался приглушенный голос из-за двери. – Входи, не бойся.

«Вот это номер! – ошарашенно подумал Керк. – «Не бойся» Надо же… Это в свою-то квартиру!»

Он действительно считал эту брошенную халупу своей квартирой…

За дверью ждали.

Керк кашлянул и решительно повернул ручку. Дверь с легким скрипом («Странно, раньше не скрипела») отворилась, впуская хозяина.

Мягкий свет слабосильной лампочки заливал помещение.

Терминалка и системы жизнеобеспечения были аккуратно сдвинуты к стене. Керк обратил внимание, что ничего не было тронуто или отключено, просто сдвинули, а центр комнаты занимал невысокий столик, покрытый белой тканью. Такой чистой, гипнотически белой, если бы не два-три красных пятнышка размером в десятикопеечную монету.

Композицию довершала небольшая коробочка с какими-то хирургическими инструментами, на глаза Керку попали также обрывки ниток. В комнате никого не было.

Внутри похолодело…

«Если какая-нибудь сволочь подписала меня на органы… Крышка. Не отмахаюсь… Вот попал так попал». – Керк сделал шаг назад.

– Нет-нет, не уходите, – послышалось со стороны кухонного агрегата, и в круг света вошел человек.

Керк сразу вцепился в него внимательным взглядом.

Темно-русые волосы, падающие на лоб. Бесцветные глаза, зрачки которых больше смахивают на черный срез дула. Рост средний. Телосложение… Ну, так себе. Ничего особенного. Правда, есть очень неприятное ощущение, что захоти человек оказаться рядом с Керком, то сделал бы он это одним движением. Во всем его облике что-то от стремительности змеи перед атакой.

Портрет дополнялся полуспущенной с одного плеча кожаной рубахой («натуральная кожа, между прочим. Дорогая. Или бронежилет, кто его разберет?») и свежим шрамом в области груди. Через глянцево поблескивающий заживляющий коктейль можно было увидеть черные остья хирургических ниток. Правая рука аккуратно уложена на перевязь.

Керку доводилось видеть таких людей. Слава богу, не часто и только в полицейской хронике.

Убийца. Может быть, профессионал, может, военный кибер, может, и то и другое. Не самурай, а именно убийца. Самураи одеваются ярко, по-сумасшедшему, привлекая к себе клиента и проблемы, действуя по старому кодексу, гласящему: «Самурай стремится к смерти». Этот – нет! Этот стремится выжить и жить так, как ему хочется.

– Вы хозяин этой квартиры? – Человек обладал довольно приятным голосом.

– Да, – тихо ответил Керк и понял, что его сейчас убьют. Штырь вывалился у него из рук.

– Очень хорошо, – ответил человек, с любопытством окинув взглядом самодельное оружие. – Зовите меня Максом. Вы…

– Керк… Просто… – Керк почему-то смешался. Что-то смутило его: то ли необычная дружелюбность гостя, то ли

откровенно выдуманное имя, присвоенное этим страшноватым человеком.

– Действительно просто, – подтвердил Макс и что-то кинул на белый столик. Большой черный пистолет.

Керк смотрел на этот предмет, резко выделяющийся на белой ткани, и чувствовал, как отпускает невероятное напряжение. Как начинают мелко дрожать колени, как подступают слезы.

«Господи, я ведь чуть-чуть не обмочился, – беспомощно подумал он. – Ведь эта штука была у него в руке… Все время. Оказывается, мне очень хочется жить… Оказывается».

– Входите, что вы в дверях встали, – продолжил Макс. – Вы, я надеюсь, не станете возражать, если я останусь у вас некоторое время? На улице на редкость плохая погода.

Керк тяжело сглотнул и затараторил:

– Конечно-конечно… Я не против, конечно… Я, собственно, собирался в скором времени съезжать, так что если вы хотите остаться надолго…

– Нет, – прервал его гость. – Надолго не планирую. Только пока дождь не прекратится.

Керк подумал, что дождь – явление довольно постоянное, но ничего не сказал. Титанический город являл собой целый мир, со своим климатом и своей экологией. Где-то наверху, в верхних ярусах города, наверняка светило солнце, дули чистые ветры… Но не тут. Не в трущобах. Макс, вероятно, отлично знал об этом, и его «пока дождь не прекратится» означало просто вежливую форму фразы: «уйду, когда надо будет».

Макс тем временем присел возле столика и начал собирать хирургические принадлежности. Керк отважился подойти к своей терминалке. Взялся за контакты, не зная, что делать.

– Вы виртуальщик? – спросил Макс.

– Да…

– А практикуете что?

– Что?

– Я имею в виду, чем на жизнь зарабатываете? Понимаю, вопрос в этих местах неуместный, но все-таки. Знаете, никогда не знаешь, какое знакомство может пригодиться.

– Да-да… Я понимаю. Мелочами всякими. – В голове Керка мелькнула дурацкая мысль: «А вдруг полиция?!» Он отогнал непрошеную гостью и продолжил: – Копирайты, мелкий взлом… Всякие шумовые эффекты…

– Это как? – Гость даже не поднял головы от столика.

– Это так, поддержка крупных прорывов. Знаете, когда кто-то ломает что-то большое, нужно распределить давление защиты. Создать множество целей. Так труднее засечь направление

главного удара.

– Ага. – Макс осторожно сворачивал белую тряпочку. – Понимаю. Это знакомо.

Керк набрался наглости. В конце концов, это его квартира!

– А вы?..

Гость повернул голову в сторону хозяина.

Взгляд прозрачных глаз сделался прицельным. Керку показалось, что его моментально обыскали, поставили лицом к стенке, завязали глаза и прицелились в затылок.

– Я коммивояжер… – произнес Макс с нажимом.

– Понял… понял… – Керк закивал головой и брякнул невпопад: – А у нас электричество отключают. Иногда.

Наступила пауза. Затем гость пробормотал:

– А у нас на кухне газ… – и вернулся к прерванному занятию.

«Дьявол, что ж я говорю? Что я нарываюсь? Надо успокоиться… – Керк потер вспотевший лоб. – Надо успокоиться…»

– Я у вас надолго не задержусь, – произнес Макс в никуда. – Пережду дождь и уйду.

– Дождь?

– Да. – Макс оторвался от складывания вещей. – Я уже говорил это? – Он ухмыльнулся. – У меня случаются небольшие провалы в памяти. Особенности одного ранения. В моей профессии…

– Коммивояжера, – вставил Керк и прикусил язык.

– Да, коммивояжера, очень опасная профессия, я вам скажу, случается разное. В одном из своих туров я получил рану в голову. Три месяца валялся по клиникам.

– Три месяца? – переспросил Керк. Лежать в клинике так долго мог позволить себе только очень-очень преуспевающий человек.

– Именно. Серьезная рана. При нынешнем уровне медицины… Три месяца… – Макс сделал вид, будто не понял подвоха. – И, как видите, с последствиями.

– А что вы продаете?

– Разное… – Макс покрутил в воздухе пальцами. – Очень разное. Иногда просто работаю посыльным. Знаете, приношу послания от одних людей другим.

– Послания?

– Ну да… – Макс поднял с пола маленький чемоданчик и аккуратно уложил туда инструменты, тряпочку. Керк вытянул шею. В чемоданчике что-то блеснуло. Тускло, как может блестеть только вороненая сталь.

– Понятно… – протянул Керк.

За окном с новой силой припустил унявшийся было дождь.

«Если это продлится хотя бы до условной полуночи, то в трущобах можно будет объявлять тревогу. Подвалы затопит на хрен, не говоря уж о канавах и прочих бомжатниках, – уныло подумал Керк. – На средние ярусы охрана, конечно, не пустит, и начнется давка».

В трущобах никогда не бывает полудня, не бывает солнца, в лучшем случае – унылый серый туманец, покрывающий то, что тут иногда называют небом. В трущобах никогда не бывает полуночи, луны, свет многих тысяч фонарей, рекламных огней верхних ярусов превращает ночь в грязный серый сумрак, который гораздо опаснее полной тьмы. Город. Конгломерат многих городов, стран. Европейский Купол.

– Крупно припустил, – заметил Макс, глядя в окно. Через дыры в пластике были видны сплошные потоки воды, низвергающиеся с туманных небес.

– Крупно, – грустно согласился Керк. – Еще чуть-чуть, и уровень воды начнет подниматься. Поплывем…

– Не поплывем, этот дом стоит достаточно крепко. Тут неподалеку Седьмая Северная опора, а архитектура в зоне опор всегда отличается прочностью. Даже на дне.

– Вы, я смотрю, все знаете…

– Естественно, – улыбнулся Макс. – Я же коммивояжер, бываю везде.

Керк подумал, что не успел заметить, как Макс перестал играть «крутого парня». Просто переменилось что-то в мимике, незаметно что-то исчезло в интонациях… Начни он разговор подобным образом, действительно можно было бы подумать, что перед тобой стоит коммивояжер. Керк даже чуть-чуть засомневался: может быть, не было пистолета и был ли тот чемоданчик с блеском вороненой стали внутри?

Нет, был. И есть. Вон он, стоит возле ножки стула.

Макс с самого начала дал понять, с кем имеет дело хозяин дома. Во избежание.

И, наверное, правильно сделал.

Керк вздохнул и направился в угол, к терминалу.

– Что ты собираешься делать? – В невинном вопросе Макса прозвучало что-то, требующее немедленного ответа. Наверное, вороненая сталь.

– Собираюсь забраться в виртуальность… Если ты не будешь возражать. – Керк тоже перешел на «ты».

– Нет, что ты, не буду… – Коммивояжер расплылся в улыбке, но тот другой, которого Керк видел в начале беседы, подозрительно сощурил глаза: – Если кто-то придет? Я тебя

разбужу?

Керк неопределенно пожал плечами:

– Виртуальность – это не сон… Я вполне нормально осознаю происходящее, просто это… – Он задумался. – Все реальное как бы идет фоном. Понимаешь?

– Понимаю, – уверенно кивнул Макс.

Он снова потянулся к своему чемоданчику. Керк не стал подглядывать. Чему быть, того не миновать.

Когда вымышленный мир мягко проник в сознание Керка, ему было уже на все наплевать. На убийц, прикидывающихся торговцами, на торговцев, которые на деле были убийцами, на дождь, на бомжей, на власть. Керк был далеко. Он был другим. Огромным, маленьким, могучим, беспомощным, всепроникающим…

Описывать это бесполезно, как бесполезно описывать то, чего нет, но все подсказывает, что оно есть. Так невозможно описать словами Бога. А виртуальность была самым великим божеством этого времени.

«Мне нужна служба безопасности города… – думал Керк, лавируя в потоках нулей и единиц. – База данных. Служба стрим-новостей… Я просто импульс для вас… Случайный посетитель… Вы не знаете, откуда я…»

Когда перед ним возникла приемная, он знал, в какую дверь нужно пройти. «Запрос» – значилось на табличке. Керк повернул ручку и вошел. Интерпретатор виртуальности мигом состряпал стол, стулья и клерка, сидящего напротив.

– Здравствуйте, – приветливо, но не слишком тепло сказал клерк. – Вы хотели бы получить данные о каком-то событии, человеке, дате?

– Мне нужны данные о человеке.

– Ваш допуск?..

Керк выложил на стол чистый лист бумаги. База данных службы безопасности была самой простой для взлома. Для нее не требовалось почти никаких знаний. Только использование определенных программ, способных зациклить охранный модуль. «Чистый лист» был из этой серии.

Клерк уперся в него взглядом, как будто никогда до этой поры ничего подобного не видел. Позади него образовалась дверь, в которую и вошел Керк.

Говорили, что Департамент Защиты Общественной Информации, в сокращении – ДЗОИ, собирается нанять действительно хороших программистов для усовершенствования модулей защиты. По виртуальности проходила информация, что это уже произошло, но новые модули пока не пущены в дело или

пущены, но работают очень хитро… Насколько такие слухи достоверны, Керк не знал, да и особенно не интересовался. Он, как и большинство людей, зарабатывающих на жизнь незаконной работой в виртуальности, не думал о будущем. Будет новый модуль защиты, будет и новый взломщик…

Кружение световых пятен, вспышек… Разводы разных красок по холсту, и в это все кто-то стреляет из мушкета разными цветами. Кляксы…

Вот что увидел Керк, войдя в дверь. Тут нечего было интерпретировать, тут была чистая информация, просто поток данных. База.

– Запрос, – произнес Керк.

– Параметры? – спросил приятный женский голос.

«Странно, почему автоматические интерпретаторы всегда разговаривают женским голосом?» – удивился Керк и передал программе параметры из визуальной памяти.

– В списках не значится.

– Проверить по спискам жителей.

– Не значится.

– По спискам, поданным в розыск.

– Не значится.

– По любым другим спискам!

– Запрос не ясен.

– Логично… Мне требуется максимум информации на этого человека.

– Запрос находится вне моей служебной компетенции, вам, возможно, необходим анализатор. Запросить?

– Да.

– Анализатор к вашим услугам, – произнес тот же самый голос.

– Мне требуется информация по этому человеку. – Керк снова вытащил слепок из визуальной памяти.

– В разработке… – Кружение световых пятен немного замедлилось.

Керк терпеливо ждал продолжения. Он знал, что сейчас от места, где находится он, по всей виртуальности расходятся круги. Круги повышенной активности, загрузки каналов, расширенных запросов. Конечно, все это существовало только в его воображении, как и вся виртуальность, если вдуматься. Живое воплощение абстрактного мышления. Однако именно по этим воображаемым кругам можно было просчитать место входа Керка в виртуальность. Чем и занималась, точнее, должна была заниматься, Служба Безопасности Информационных Технологий, сокращенно – СБИТ. Метод старый, надежный и повсеместно

известный. Во время крупных прорывов массой мелких волнений обычно прикрывали основное направление удара. Мелкие волны создавали такие сошки, как Керк, А в основном направлении шла тяжелая артиллерия, стационарные киберы при поддержке кустарных ИскИнов.

В идеальном случае оперативники СБИТа, постоянно висящие в виртуальности, должны были отслеживать нелегальный вход в Виртуальность и обрывать входной канал вместе с автоматическим уведомлением полицейских сил района о местонахождении правонарушителя. Однако отследить несанкционированный вход, произведенный из трущоб, не представлялось возможным из-за огромного количества подобных правонарушений, а уж выслать по обнаруженному адресу патруль было вообще чем-то из разряда утопий.

Такое положение дел и позволяло Керку сидеть в виртуальности днями. Иногда без перерыва на еду…

– По запрошенным параметрам удалось обнаружить несколько видео. Документальной информации нет. Налоговой информации нет. Полицейской информации нет. Доступ ограничен. Показать видео?

Керк задумался. Найти видео можно было на любого жителя города. Контрольные камеры, висящие на улицах, в кафе, ресторанах, любых общественных местах, а часто и в квартирах, складировали фиксированную информацию в бездонные просторы виртуальных баз данных. Тот факт, что по поданному запросу не обнаружено никакой полицейской информации, означал, что криминала в видеороликах нет, потому что любой мало-мальски криминальный оттенок в видео тут же фиксировался в персональном деле жителя города. Естественно, что все персональные дела находились в ведении полицейского департамента. Однако, судя по всему, и дела-то на Макса в полиции не было…

– Да, показывай, – отдал приказ Керк.

В тот же миг его продрогшее тело опалило, обожгло. Показалось, что стало нечем дышать. Перед ним, вечным жителем трущоб, горело солнце. Настоящее солнце верхних этажей…

Люди. Улыбки. Слова. Мельтешат, толкутся. Ходят. Живут.

Керк не видел своего гостя, хотя тот встречался на всех видеороликах. Керк видел только этот мир. Мир, в котором ему не жить… Наверное, никогда.

Керк почувствовал, что задыхается.

– Отбой… – вырвалось из его груди сдавленное карканье. – Прекрати…

И снова кружение световых пятен, цветовых вспышек…

Разводы разных красок по холсту, и кто-то стреляет из мушкета разными цветами. Кляксы…

– Вы хотите прервать анализ личности? – поинтересовался женский голос.

– Да.

– Выполнено.

Что-то шевельнулось в голове Керка.

– Постой, что ты сказала?

– Запрос не ясен.

Керк плюнул и восстановил данные из оперативной памяти.

Как будто со стороны он увидел себя, медленно прокрутил события до появления видеороликов. Два слова обожгли его, как то Солнце, которое он видел только в несуществующем мире…

«Доступ ограничен».

Керк провел рукой перед глазами, закончил работу с программой. Теперь он снова был просто в Виртуальности. Просто человек. Просто нелегальный вход. Или выход?

«Доступ ограничен».

Эти слова означали, что запрашиваемые данные находились в ведении властей Всеевропейского Анклава. Сообщества Городов, высшей формы государственной власти на континенте. Попасть в эту базу данных было не по зубам никому. Титаническая информационная структура Анклава никак не соприкасалась с аналогичными структурами городов.

В нее возможно войти, только находясь в физическом контакте с главным ИскИном. Любые запросы посылались в Анклав через физическую почтовую службу.

Человек, все сведения о котором хранились в базах Анклава, был очень крупной шишкой, криминального или правительственного уровня, не важно.

– Выход, – скомандовал Керк.

Пространство потеряло объем, съежилось, упало к ногам. Из тела медленно уходили остатки Мечты. Вместе с контактными разъемами.

Когда Керк снял с себя все провода и ощутил себя в тусклой реальности, в комнате кроме него и Макса был еще кто-то.

Керк кинул косой взгляд на гостя:

– Ты же обещал разбудить. Макс пожал плечами:

– Но ты же не спал… Сам сказал, реальность не пропадает для тебя, а остается фоном.

Третий человек удобно расположился возле стены. Он сидел прямо на полу, совершенно игнорируя тот факт, что под ним уже образовалась лужа. В воздухе ощутимо попахивало псиной.

– Ты кто? – спросил Керк, для верности пощелкав в воздухе

пальцами, отчего пришелец оторвался от созерцания потолка и уставился на Керка.

– Тебя что интересует? – вопросом на вопрос ответил сидящий у стены. – Код сборки или идентификационный номер в государственном регистре? Последнего у меня нет.

Он говорил вызывающе, как говорят только киберы.

– Понятно… – протянул Керк, стараясь определить, насколько серьезная проблема свалилась на него на этот раз.

– Сомневаюсь, – отрезал кибер и снова откинулся к стене, вперив взгляд в потолок.

Кибер с полувзгляда может отличить другого кибера. Или недокибера, но к нему и отношение… совсем другое.

Керк покосился на Макса, но того, похоже, мало интересовали взаимоотношения хозяина и гостя. Макс сидел на стуле, вольготно откинувшись на спинку, и рассматривал потоки воды за окном.

– Не дергайся, – сказал кибер в пространство. – Я уйду, когда дождь кончится.

«Старая песня, где-то мы это уже слышали…» – грустно подумал Керк.

– Что там снаружи?

– Паршиво, – пожал плечами кибер. – Вода прибывает. Аварийные сливы не справляются. Канализационные стоки сдохли первыми. Помоечники к себе все дыры законопатили. Им-то что, заняли коллекторы и сопят себе в противогазы, сволочи. А мы теперь захлебывайся.

– Действительно паршиво…

– А чего ты ожидал? – Кибер зло усмехнулся.

– Кстати, к нам еще гости… – как будто в сторону сказал Макс.

– Кто еще? – Керк испугался. Не неведомого гостя, а той остроты чувств, которая позволяла Максу так ориентироваться в ситуации.

– А я откуда знаю… Сам у него спроси. – И Макс указал Керку на дверь.

Действительно, в дверях стоял человек, закатанный с ног до головы в искусственную кожу. Крупные косицы волос свисали мокрыми сосульками через прорези в костюме. Подбородок и лоб были также затянуты в кожу.

– Монаха нам только не хватало! – иронически заметил кибер, оглядывая пришедшего человека с ног до головы. – Святой отец, вы обознались, тут не ночлежка, и не приют, и уж тем более не церковь.

– Возможно, и не хватало, – согласился монах. – Такова,

значит, была воля Всевышнего. А то, что это не церковь, я и без тебя вижу.

– Неужели? – удивился Макс.

– Именно так, – подтвердил монах.

– Ну хорошо, – легко согласился Макс. – А подружку вы нам когда собирались представить?

Монах несколько минут помолчал, оценивающе оглядывая Макса. Потом шагнул в тем ноту дверного проема и за руку вывел жен скую фигурку.

– Тоже неплохо, – заинтересованно прокомментировал событие кибер.

Монах посмотрел на него пристальнее, глаза его ухватились за незаметные глазу детали одежды и клановые метки кибера.

Керку был знаком такой взгляд. Монах пытался определить, «под кем» живет и работает столь вызывающе ведущий себя полумеханизм-получеловек.

Кибер в ответ насмешливо созерцал подругу монаха.

Чтобы как-то разрядить обстановку, Керк кашлянул и обратился к пришедшим:

– Ладно, раз пришли, то оставайтесь… Но только как к вам обращаться?

Монах отвел взгляд от кибера и ответил коротко:

– Я Логус. А ее зовите Циркуль… Кибер презрительно фыркнул.

– Логус? – переспросил Макс. – Вы исповедуете Всемирный Порядок?

– Да.

– И имя Логус означает просто набор букв, годный для идентификации себя в миру? Монах кивнул.

– Замечательно, – подвел итог Макс и кивнул в сторону Керка: – Это хозяин дома, я и все мы – гости. Как я понимаю, только на время дождя…

– А он обещает быть довольно длительным, – перебил его Логус.

– Совершенно верно, – снова перехватил инициативу Макс. – Потому предлагаю как-нибудь занять себя. Тогда у нас получится нечто вроде групповой терапии. Слышали про такую?

– Это когда куча придурков выворачивают душу в компании? – спросил кибер.

– Довольно приблизительно, но суть ты верно схватил.

– Жаль, я думал, это похоже на групповой секс. – Кибер посмотрел на подругу монаха.

– Даже не думай, – ответила она, опуская толстый зад на пол возле противоположной от кибера стены. – В тебе что-нибудь

замкнет от напряжения.

– И что вы предлагаете конкретно? – спросил монах.

– Ну… – Макс провел рукой по лицу. – Например, начать рассказывать друг другу истории.

Кибер захихикал. Циркуль закатила глаза и пожала плечами. Монах промолчал.

Макс посмотрел на Керка, но и тот особенного восторга не выказал.

– Ну как хотите, предложение остается в силе… – Макс развел руками. – Кстати, что у нас за окнами?

– Ничего утешительного, – сказал Керк, глянув на бытовой терминал. – Вода прибывает. В промышленной зоне отключены все потребители электричества, некоторые заводы встали. Жертвы… это мелочи… Паника, конечно… Канализация затоплена или просто не работает… Ничего хорошего, короче.

– Значит, ждем гостей, – высказал туманное пророчество Логус и упал рядом со своей подругой.

В первый раз их атаковали через час.

Впрочем, атакой это было назвать трудно. Просто мелкая банда бомжей, стронутых с мест обычного своего обитания, попыталась занять помещение, пока еще пригодное для житья.

В трущобах царили естественные законы, по которым тот, кто мог доказать свое право на что-либо, владел этим. Свободных домов, старых, рассыпающихся баракообразных строений, было в достатке. Занимай, живи, обустраивайся, если не боишься. Однако и тут находились люди, стремящиеся жить еще более легко. Бомжи. Ночуя просто на улицах, в подвалах, кочуя с места на место, банды бомжей не жили. Они существовали. Питаясь отбросами.

Такая жизненная позиция была бы понятна, следуй ей люди увечные, слабые, старые… Но нет. Бомжи трущоб Великого Города были нормальными, половозрелыми, голодными до чужого мужиками, трусливыми, а потому злыми. Невероятным образом гигантский улей городской жизни порождал трутней. Особую прослойку в среде придонного андеграунда.

Особенно стараться, чтобы скинуть бомжей с лестницы, не пришлось. Керк увидел, как сверкнуло что-то в руках кибера. Одна из серых, грязных теней осела бескостным мешком. Кто-то крикнул… И лестница опустела.

Позади что-то щелкнуло, но, когда Керк обернулся, Макс уже прятал тяжелый металлический предмет в сумку, потеряв всякий интерес к происходящему.

– Воняет, – сморщилась Циркуль. Ее волосы начали подсыхать, и Керк с удивлением обнаружил, что она не так уж и

плоха, как показалось вначале.

– Хм… – Логус посмотрел на кибера. – Эффективно, но старомодно. Клинки в ладонях?

– Ну, не всем же из пушек шмалять, – проворчал кибер и занял прежнюю позу.

Монах брезгливо поморщился и столкнул тело бомжа вниз. Оно неопрятным кулем прокатилось по ступенькам. Керк вдруг почувствовал тошноту.

Он отвернулся и пошел к терминалу. Сел, тупо глядя на бегущие по дешевому монитору строчки сообщений. Где-то затопило заводские подвалы, где-то произошел прорыв нечистот, где-то вспыхнул бунт группировки «Братья Травы». Один источник сообщал, что восстание подавлено силами патруля, другой утверждал, что «Братья» продолжают активно действовать и нанесли серьезный ущерб правоохранительным силам. Комментаторы переругивались, делали намеки на чью-то профессиональную несостоятельность…

– Что, хозяин, тошно? – тихо спросил кто-то за плечом.

Керк обернулся и увидел Макса, неслышно подошедшего сзади. От него пахло потом и еще чем-то, от чего щипало в носу, вероятно заживляющей смесью.

– Вижу, что тошно, – подтвердил Макс. – Только ты уж крепись, потому что гости твои не настроены на сантименты, как ты сам заметил. А этот приход не последний, и гости еще будут. У тебя оружие есть?

– Нет, – ответил Керк.

– А обращаться с ним умеешь?

– С чем?

– Резонный вопрос, но глупый. Или ты умеешь обращаться с оружием, или нет. Вопрос «с чем» уже вторичен. Как я понимаю, у тебя только та заточка?.. – И, не дождавшись ответа, Макс порекомендовал: – Так держи ее наготове. – Он внимательно посмотрел на Керка, а потом сказал громче, чтобы слышали все остальные: – Они вернутся. И как мне кажется, не одни. Имеет смысл выставить охранение. У кого-нибудь есть идеи?

Все молчали, и только кибер сказал:

– Ты предложил, ты и идеи выдвигай. Инициатива, сам знаешь…

– Чего-то подобного я и ожидал… – пожал плечами Макс. – И кое-что приготовил.

Он направился к своему чемоданчику и вытащил несколько предметов.

Черную коробочку он кинул Керку:

– Найдешь, куда подключить?

С остальными он вышел на лестницу.

Пока Керк возился с подключением, подошел монах. Помялся, постоянно оборачиваясь через плечо. Наконец, словно собравшись с силами, спросил:

– Ты этого… – он кивнул головой в сторону лестницы, – знаешь давно?

– Которого? – спросил Керк неприветливо.

– Того, что охранные системы пошел ставить… Как его?..

– Макс?

Логус кивнул.

Керк открыл было рот, чтобы сказать, что вообще не знает этого Макса, но почему-то остановился и вместо этого спросил:

– А тебе какое дело?

– Да никакого, в сущности, просто он уж очень похож на одну личность. Я сюда забрался не от дождя… Просто большой переполох в небе. Патруль туда-сюда, сканерами так и чиркают. Сам понимаешь… На всех столбах афишки висят, голографические… Денежки предлагают. – Монах помолчал, а потом выложил, как козырную карту: – И переселение на сектор вверх…

– Не интересует, – буркнул Керк, понимая, к чему ведет Логус.

– Ну как знаешь… Если надумаешь, дай знать.

Монах отошел к своей подружке.

– Хозяин, включай! – донеслось с лестницы.

Керк надавил на единственную сенсорную кнопку на панели черной коробочки.

Некоторое время ничего не происходило, а потом терминал вместо привычной новостной стрим-ленты вдруг начал демонстрировать заливаемую водой улицу.

– Потянет. – Голос Макса звучал удовлетворенно.

– Что это? – спросила Циркуль.

– «Крысятница», – ответил Макс.

– Ну конечно, всем все стало понятно…

– Теперь все пространство вокруг дома контролируется, – пояснил Макс.

– Пока только кусок улицы, – неуверенно заметил Керк.

– Это только пока. Если начнется шевеление, мы об этом узнаем. Насколько я могу судить, положение еще не такое критическое… Иначе тут было бы веселее… Кстати, мое предложение остается в силе.

Никто не прореагировал.

Монах индифферентно разглядывал потолок, что-то про себя напевая. Циркуль занималась собственными ногтями, а киберу

вообще на все было наплевать, его тело странно подергивалось.

– Чего это он? – спросил Керк у Макса.

– Под воду попал… Неудачно… Какими-то там швами или еще чем… Теперь колотится. Керк удивленно поднял брови.

– А чего ты ожидал? – спросил Макс. – Он же «левый», это сразу видно. Собрали в подвале и пустили… Таких знаешь сколько… Хотят много, но платить не желают. А любителей сбагрить паленый брак с завода найдется немало. А может, просто на органы распродался, и все. Поставил что подешевле да попроще…

Кибер явно слышал этот разговор, но никак не прореагировал.

– Кстати, это мне напоминает одну историю… Хотите – расскажу?!

– Да пошел ты… – равнодушно произнес Логус.

– Пусть говорит, – прошептал кибер. – Пусть говорит…

Циркуль встала и начала рыться в коробках, сваленных кучей в углу.

– Что ищешь?

– Одеяло, – раздраженно ответила она. – Не видишь, его крутит… Козлы…

Керк встал, достал потертый спальный мешок:

– У меня только это… Циркуль вырвала у него из рук спальник и подошла к киберу. Взяла его за руку:

– Выдвинь!

– Что? – Глаза кибера затуманились. Он с трудом осознавал происходящее.

– Выдвинь эти свои… – Циркуль потрясла его руку.

– Да отвяжись ты от него, – подал голос из своего угла монах.

– Пошел в задницу, – деловито сказала Циркуль. Она располосовала спальный мешок лезвием из руки кибера, превратив его в большое одеяло.

Странно было видеть, как из живой плоти выдвигается острое, изогнутое лезвие, как коготь, как шпора у петуха.

Циркуль завернула уже бредящего кибера в импровизированное одеяло. Села рядом.

– Ну, давай, – сказала она. – Трепись. Макс пожал плечами и спросил у Керка:

– У тебя визуализатор есть?

– Старый… – ответил Керк, ища глазами необходимый прибор. – Разрешение там не очень…

– Пойдет любой, – заверил его Макс. – И даже лучше, если не самый новый. Полного погружения, сам понимаешь, не нужно.

Керк тем временем раскладывал голографические эмиттеры,

раздавал обручи. Киберу обруч натянули по настоянию девушки. Такая забота с ее стороны была довольно странной. Это отметили все, особенно Логус, который, наблюдая заботу своей подруги о кибере, стал еще более язвительным и злым.

– Эта история, собственно, из очень далекого прошлого, – начал Макс. – Еще не было одного большого города, еще не было Анклава и до этого тупика было еще далеко. История не несет в себе никаких поучений, да и морали особенной нет…

– Кончай, а… – попросила Циркуль. – А то у меня уже лоб чешется… Старье какое-то нацепила…

Керк закрыл глаза. Визуализатор уже начал свою работу. Все погрузилось в темноту.

Где-то в черном небе выплыла красная надпись, и Керк понял, что Макс так представил название своей истории…

«Видеть то, что не видят другие»

… Мы однотонны и однолики.

Егор Летов

Дверь открыл молоденький друид. Посмотрел на пришедшего тусклым взглядом. Довольно пристально посмотрел, но как-то тускло. Алекс уже знал, что такой взгляд у человека может быть тогда, когда этот человек и не человек даже, а так, нечто вроде управляемой машины. Сейчас глазами этого молодого на Алекса смотрел начальник охраны. Решал: пропускать или нет. Образ, передаваемый через привратника начальнику, раскладывался на составные детали, анализировался и отсылался дальше. Куда – кто знает? Уж точно не молоденький друид и даже не начальник охраны. Через некоторое время высшему начальству передавалась точная и максимально полная информация о вошедшем.

Людьми друиды были только внешне. Независимо от ступени посвящения каждый из них был киборгом. Кто-то в меньшей степени, кто-то в большей. Кто-то еще сохранял свежесть натуральной кожи, а кто-то довольствовался специальными материалами, имитирующими человеческую кожу. Друиды были людьми новой культуры. Может быть, настолько новой, что она еще не дала ростков на грязной почве поствоенного перекроенного мира. Друиды не рекламировали себя, не лезли вперед. За ними было будущее, они не спешили.

Наконец молодой друид вяло качнул головой. Алекс вошел в крохотную прихожую. Дверь за спиной закрылась, молодой привратник сел на стул, сложил руки на коленях и замер. Алекс подождал немного, а затем слегка толкнул его в плечо. Друид открыл глаза, словно включился. Затем медленно поднял руку и указал на неприметную дверь.

Понятно. Алекс открыл дверь и попал в коридор. Такого же серого цвета, как и прихожая… В коридоре было множество дверей. Неширокие светящиеся полосы вдоль стен освещали коридор зеленоватым светом.

Церемониал приема посетителей у друидов был не на высоте.

В конце коридора распахнулась дверь, из которой изливался свет, яркий и несколько чужеродный в этом пыльном серо-зеленом коридоре. Алекса явно приглашали. Что ж, он не заставил себя долго ждать.

В комнате, куда он вошел, его встретил друид, которому на вид можно было дать не более тридцати. Алексу пришлось круто

изменить свое мнение после того, как друид повернулся и посмотрел ему в глаза. Такие глаза может иметь камень, поросший мхом, вросший в жизнь, как в землю. Друид был стар.

– Зовите меня Гюнтер, – произнес друид, опускаясь в кресло и указывая Алексу на точно такое же, стоящее напротив. Больше никакой мебели в комнате Алекс не заметил. Прямоугольное пространство со светящимся потолком и два кресла.

– Вы немец? – спросил Алекс.

– Я друид, – ответил Гюнтер, ничуть не изменившись в лице.

Алекс сделал жест, обозначающий согласие со словами собеседника.

– Вы хотели сделать улучшение? – после некоторой паузы спросил друид.

– Да. Если так можно выразиться. Может быть, улучшение. Может быть, модификацию. – Тон, которым Гюнтер сказал слово «улучшение», Алексу не понравился.

– Улучшение зрения? – Друиду было явно все равно, как его клиент предпочел бы называть операцию.

– Да.

– А точнее?

– Один глаз. Правый…

– Вы уже были нашим клиентом. – Это был не вопрос, а констатация, и Алекс не стал лишний раз открывать рот. Голос Гюнтера звучал бесстрастно. – Вы усиливали память, меняли часть костной структуры ребер и рук, делали мышечную оптимизацию и заменили кое-какие нервные волокна. Замену органов мы не берем в расчет. Мне кажется, что вы должны просмотреть каталог возможных улучшений для глаз. С учетом предыдущих операций я покажу вам не весь список, а только ту его часть, которая, на мой взгляд, могла бы вас заинтересовать.

Друид на мгновение отвел глаза в сторону, и Алекс заметил, как взгляд Гюнтера затуманился, стал тусклым, как у молодого привратника, что впустил Алекса в здание. Друид определенно с кем-то связался. Может быть, с основной базой данных, может быть, с кем-то из сотрудников. Через секунду дверь позади Алекса распахнулась и ему на колени лег толстый каталог в черном переплете. Алекс с изумлением осознал, что держит настоящую бумагу. Твердую и чуть шершавую.

– Верже, – с внезапной грустью произнес ДРУИД.

– Что такое верже? – спросил Алекс, проводив взглядом другого друида, который принес каталог.

– Дорогая бумага прошлого столетия, – ответил Гюнтер. – Она была дорога в прошлом столетии.

– Почему вы не используете машины, компьютеры? – Алекс

поймал себя на том, что рефлекторно начал говорить с друидом, как с дикарем.

– Мы используем, – сказал Гюнтер и взглядом указал на каталог. – Первая часть посвящена улучшениям цветовосприятия, вторая часть – улучшениям ночного видения, третья – конгломерирует первые два. Цены указаны после описания, в стандартной местной валюте.

Алекс наугад открыл страницу, ощущая, как движется бумага под его руками. Перелистнул еще несколько страниц, не читая.

– Я и так знаю, что мне нужно.

– Да? – Друид оживился, или это показалось?

– Мне нужна система слежения и наводки. С ограниченным управлением на руки.

– Почему с ограниченным? – Гюнтер смотрел в сторону.

– Я не люблю терять контроль над любой частью своего тела. Да, система наводки под пистолет.

– Почему не под ружье? – Друид по-прежнему изучал что-то в стороне.

– По кочану, – неожиданно для себя произнес Алекс.

Гюнтер оторвался от созерцания пола и посмотрел на Алекса. И то хорошо.

– Мы не производим таких операций, – спокойно сказал друид.

Алекс ждал.

– Задешево… – наконец добавил Гюнтер.

– Я и не требую сделать мне это за две копейки.

Друид помолчал с отсутствующим видом. Его отсутствие настолько явственно ощущалось в комнате, что Алексу захотелось потрогать Гюнтера, чтобы проверить – не с голограммой ли он общается.

Вскоре друид вернулся, явно чем-то обеспокоенный. Он посмотрел на Алекса и спросил, четко артикулируя:

– Кому мы обязаны вашим визитом? – Алекс понял, что сейчас общается не с Гюнтером, а с кем-то, кому друид предоставил свое тело для разговора с Алексом.

Алекс назвал имя человека, который направил его сюда, и понаблюдал за реакцией друида.

Вернувшийся из «откуда-то» Гюнтер, ни слова не говоря, проводил его в другую комнату… Друиды всегда делали операции быстро. Сразу.

Операции на глазном яблоке всегда самые неприятные. Можно быть более чем на пятьдесят процентов киборгом, можно иметь руки-манипуляторы и совершенную память, измеряемую террабайтами, можно иметь сердце из пластика и синтетические

управляемые нервные окончания, но всегда тяжело, психологически тяжело подставить хирургу глаза. Даже если хирург – друид, точный как машина.

И всегда нелегко лежать после операции в темноте. В слепой темноте, изредка прерываемой рваными всполохами восстанавливающихся нервов. Поэтому прооперированных накачивают наркотиками до предела, чтобы исключить возможные осложнения…

Телу было хорошо. Хорошо и свободно. Хотя Алекс знал, что он пристегнут к креслу так, что пошевелиться совершенно невозможно. Телу было легко, словно над ним плыли мягкие пуховые облака… Тело овевал ветер, прилетевший с земляничных полян… И просверки срастающихся глазных нервов казались сверкающими гранями алмазов.

Друиды обладали самыми сильными и самыми редкими галлюциногенами, они сами синтезировали эти вещества и никогда не продавали их на сторону. Только в пределах колонии. Только тут, после операции, обязательно после операции, клиент мог насладиться неведомыми ему ранее удовольствиями и ощущениями.

Алекс лежал в наркотической дреме уже два или три дня. Ему отводился еще один день на освобождение от последствий наркотического опьянения, после чего заживляющие повязки снимут. Каждый день к нему приходил Гюнтер и информировал его о том, сколько времени Алекс находится в клинике и сколько ему еще осталось, как проходит заживление нервной ткани. Видимо, это делалось для того, чтобы Алекс не терял связи с реальностью. В этот раз все было так же… Но только разговор с Гюнтером был оборван на середине. Он как раз ввел последние капли своего зелья и уже начал что-то говорить… Затем разговор прервался. Гюнтер замолчал, и что-то большое и достаточно тяжелое упало Алексу на колени, чуть ослабла стягивающая правую руку лента. Алекс еще успел что-то спросить, но потом ощутил, как его подняло в воздух и понесло вверх. Потом вниз… Снова вверх… Сквозь облака и ветер, травы проросли сквозь Алекса, жуки пробегали по его нервам. Стало хорошо, захотелось смеяться… Одна только мысль преследовала его в этом сладостном сне – что за странный свист он услышал за миг до того, как разговор с Гюнтером прервался. Или это только послышалось? Мысль затерялась, осталась где-то позади.

Первое, что увидел Алекс, когда наконец освободил руку и осторожно стащил со своих глаз повязку, была голова Гюнтера. Прямо у него на коленях. А тело лежало где-то под операционным столом. Белое покрывало, под которым лежал

Алекс, было залито кровью, уже успевшей основательно застыть коричневой коркой. Алекс избавился от наголовных повязок и освободил левую руку. Осмотрелся. В комнате было пусто. Дверь в комнату была распахнута. Алекс был бы плохим наемным убийцей, если бы не освободил тело от закрепляющих лент в считанные минуты. Встал. Тело слушалось достаточно хорошо. В зрении Алекс пока не заметил особенных перемен. Наблюдая за дверью, он осмотрел тело. В голову пришла совершенно неуместная шуточка: «В лесу обнаружен труп, без признаков насилия и без головы».

Выходя из здания, Алекс не встретил ни одного живого человека. И ни одного живого друида. Он обнаружил операционные, где видел приблизительно одинаковую картину. Зарубленные друиды и мертвые пациенты на столах.

В крохотной прихожей смотрел в никуда молодой друид-привратник. Алекс задержался в этом помещении. Наклонился над разрубленным наискосок телом. Похоже, даже на собственную смерть привратник смотрел не своими глазами.

Миловидная девочка, только что поступившая на работу в качестве новой ведущей на один из престижных каналов стрим-новостей, позволила себе слегка поморщить свой очаровательный носик, когда на экран выплыли фотографии разрубленных тел. Она спокойно прочитала текст о жестоком нападении неизвестных террористов на колонию-клинику секты друидов и перешла к другим сообщениям и репортажам. В тот же вечер она была уволена за несостоятельность, что поставило жирный крест на ее карьере. Заведующий каналом считал, что ведущий должен быть абсолютно невозмутим, даже если читает сообщение о всемирной катастрофе, а в студии кого-то расстреливают.

Утро. Почему оно всегда такое розовое? Каким бы серым ни был мир вокруг, утро всегда пытается окрасить его в какие-то нежные цвета…

Летом солнце встает рано. И, может быть, поэтому в эти часы так хорошо спать? Может быть, поэтому в эти часы никто не выглядывает из окон и не шумит в ответ на два хлопка, гулко прокатившиеся по улице? Или из-за розовой истомы, что навалилась на город, мусороуборочная машина свернула в переулок, едва завидев упавшего на дорогу человека с дырой в голове? Вряд ли…

Алекс даже успел разглядеть глаза водителя за стеклами мусоросборника. Вытаращенные. И дергающаяся щека. С этим все ясно, он сегодня утром ехал по совсем другой улице и ничего не видел. Вот и ладно.

Телом, лежащим на асфальте, Алекс не интересовался. С

расстояния пяти метров он бил без промаха. Один выстрел в грудь, второй в голову. Точно в лоб.

Странная штука человек. Был, шел куда-то, обидел кого-то или встал на пути у кого-то… Потом два выстрела, и две свинцовые капли превращают человека в тело. Без опознавательных знаков. Просто тело. Чья-то память будет хранить его живой образ, а от тела избавятся, как от ненужной игрушки.

Алекс повернулся и, особо не спеша, пошел по утренней улице. Ему предстояло замести следы, сделать один звонок и получить деньги с безымянного счета в представительстве заграничного банка. Дело завершено. Простое дело. Кого-то этот пожилой человечек не устроил. То ли знал много, то ли думал, что знает. Однако знания его явно не защитили.

Алекс миновал целый квартал, когда понял, что за ним следят. В нескольких десятках метров позади за ним шел высокий, ничем, кроме своего роста, не выдающийся человек. Алекс свернул с намеченного пути и начал углубляться в дебри микрорайона. Человек не отставал. Можно было уйти… Но почему-то, Алекс даже сам не понял почему, уходить не хотелось. И Алекс, завернув за угол, направился к ближайшей станции подземки.

Естественно, на станции никого не было. Служащие корпораций, ранние пташки, добираются до своих рабочих мест на транспорте корпорации, а всем остальным еще нечего делать в такое время на станции метро. Пустота. Алекс зашел за колонну, достал пистолет и стал наблюдать за входом.

Никого! Либо слежка ведется на высоком уровне, на очень высоком… Либо пора вспомнить поговорку о пуганой вороне.

Подошел поезд. На лестнице по-прежнему никто не появился. Поезд, резко зашипев, закрыл двери и умчался, всасывая мусор за собой в шахту.

Никого.

Станция была знакомой. Тут у Алекса имелись пути к отступлению. И довольно неплохие. До ближайшего поезда, судя по часам, еще было минуты полторы. Хватит.

Прыгнуть на полотно просто, сложнее попасть на довольно узкую дорожку для служебного пользования. По ней можно идти. Алекс пробежал десяток метров по этой дорожке и нырнул в стенную нишу, толкнул дверцу и оказался в совершенно другой подземке. В лабиринтах ходов, которые использовались при строительстве метро, а потом были оставлены за ненадобностью. Ходить просто так тут было опасно. Слишком велик риск наткнуться не на того человека… Или на нечеловека. А то и

просто заблудиться, запаниковать и выскочить из лабиринта точно под поезд. Карты таких проходов не существовало в принципе, поэтому искать кого бы то ни было в этих темных коридорах было совершенно бесполезно. Сам Алекс знал всего лишь несколько тропинок, несколько путей, которые выводили его в определенные точки города, и пользовался ими только в случае крайней нужды.

Под ногами что-то хлюпало, влажно поблескивали стены. Единственными источниками света в этих коридорах были ручейки слизи, комки светящейся грязи, отходов большого мегаполиса. Что гнило в этих кучах мусора, что давало нежный и мягкий, словно пыль, зеленоватый свет, Алекс не знал. Вряд ли тут было что-то радиоактивное, городские службы следили за уровнем, вероятно, какие-то химические реакции…

Коридор, по которому шел Алекс, был хорошо освещен. Почему-то именно в этом коридоре скопилось большое количество светящегося мусора… Стараясь не шуметь и не наступать в скопления «осветительной» грязи, Алекс продвигался вперед. Замирая перед черными провалами пересекающихся туннелей, постоянно держа оружие наготове. В темноте что-то шевелилось, вздыхало. То ли оседала многолетняя грязь, то ли бегали крысы, то ли ворочались немногочисленные в этих местах городские бездомные, еще более страшные, чем крысы.

Конец пути был близок. Совсем близок, когда из-за поворота вдруг показалась фигура человека. Алекс замер. Рассмотреть детали при таком освещении было невозможно, можно было различить только силуэт. Обычный человеческий силуэт… Впрочем, кто знает, что сейчас может скрываться под внешностью обычного человека?

Алекс держал человека на мушке, прислушиваясь к звукам за спиной. Стрелять не хотелось. Во-первых, пистолет без глушителя и звук разнесется по коридорам, предупредив всех, что в туннелях посторонний, а во-вторых, два убийства за один день…

Фигура стояла абсолютно неподвижно, и Алекс вышел из-за поворота. Показалось, что помнит эту фигуру… Рост! Этот человек шел за ним, там, на улице. Почти наверняка он!

Нужно было что-то делать. Либо стрелять, либо говорить. Стрелять не хотелось. Ой как не хотелось!

– Что вам нужно? – спросил Алекс.

– Доделать работу, которую вы заказали. – Голос у человека был бесцветный.

– Кто вы? – спросил Алекс, уже напрягая палец на спусковом крючке.

– Я друид. Ваш глаз не работает. Это не нуждалось в

подтверждении, и Алекс промолчал.

– Ваш глаз не заработает без инициализации. Для этого, как вы сами понимаете, требуются наши программные ресурсы. Без них это будет обычное прооперированное глазное яблоко, на нервные окончания которого насажены какие-то схемы. Вы заключили с нами договор, и мы собираемся выполнить свою часть.

– И для этого нужно лезть в каналы подземки?

– Мы хотим изменить оплату нашей работы. Нам необходимо было с вами поговорить. Лично.

– То есть…

– Мы запустим ваш глаз, но не возьмем денег. Более того, вы получите… подарок.

Алекс молча обдумывал ситуацию. Становилось ясно, что перед ним не человек. Перед ним киборг. Причем человеческого в нем осталось… В лучшем случае какие-то части мозга. Только киборг не заблудился бы в каналах подземки. И только киборг мог в этих каналах найти Алекса. Очень хороший киборг.

Алекс видел перед собой легенду. Кибердруида. С большой буквы. Все друиды в чем-то киберы, но этот особая статья. Единственный в своем роде. Не имеющий аналогов. О нем в официальных информационных каналах невозможно найти ни строчки. Ни единого упоминания. Только легенды, только городские сказки. Ему приписывали самые разнообразные свойства и возможности. И вот он стоит посреди вонючей, светящейся лужи. Живой, но уже мертвый.

По спине Алекса пробежали мурашки. Он видел перед собой Тело. Оно стояло перед ним, двигалось и говорило, мыслило и реагировало. Но все равно это было Тело. То, во что превращается человек, когда в его голову врывается пуля, когда в его голову вторгается смерть.

Алекс понял, что нужно друидам в качестве оплаты. И он спросил:

– Почему вы не сделаете это сами? Вы же можете.

– Не в данном случае.

– А почему я?

– Вы были ближе других… – Друид помолчал и добавил: – И лучше.

– Какие-то особые пожелания? – Алекс даже не особенно понял, что заставило его согласиться… Может, просто усталость? Выполненное задание, путешествие по коридорам…

– Никаких. Постарайтесь сделать это побыстрее, но точных сроков мы не называем. – Друид помолчал, а затем добавил, словно извиняясь: – И… постарайтесь добыть нам его голову.

– Этого я не обещаю.

Вместо ответа друид кинул Алексу сверток. Развернулся и произнес, уходя в боковой коридор, где что-то тут же завозилось, зашипело:

– Диск одноразовый, на нем программа инициализации вашего глаза. На нем же находятся необходимые вам данные.

И словно растворился в темноте переходов, полных грязи, слизи и чего-то шевелящегося и омерзительно живого.

Глаз работал идеально. Легко виделось перекрестье прицела. Органически вписывалось в зрительный образ, не мешало и могло исчезнуть, повинуясь мысленному приказу. Руки сами находили нужное положение для стрельбы и вели цель в зависимости от ее перемещений. Удобно. Алекс поймал себя на том, что улыбается, глядя на мир через прицел своего нового глаза.

Нападения на колонии начались два года назад. Колонии друидов всегда были одновременно чем-то вроде закрытых клиник и больших общежитий. Друиды спали, ели и работали в них. Информация снаружи поступала через друидов-информаторов, специально приспособленных к получению данных.

Поскольку отличить друида от обычного человека довольно сложно, отношение к ним в обществе было, как ни странно, спокойным. Друиды не были безобидной религиозной сектой, на которой можно выместить зло. Они не были козлами отпущения для человеческих инстинктов. Лезть на рожон и становиться поперек дороги у киборгов никто не хотел. Тем более что за ними велся неусыпный надзор Технической Службой Сил Безопасности, которая следила за уровнем кибернетических изменений у всех граждан и у каждого друида в частности. Государство гарантировало, что человек не станет кибером в полном смысле этого слова. Не выше пятидесяти процентов внутренних изменений. Если у человека обнаруживалось технических новшеств более нормы… он переставал быть человеком и оказывался вне закона. Как Кибердруид.

Вот почему нападения на колонии друидов показались совершеннейшей неожиданностью. Нападения всегда удачные и всегда исключительно жестокие. Без свидетелей и без лишнего шума. Просто в какой-то момент, вдруг, обнаруживалось, что колония мертва. Набита мертвыми телами и мертвой техникой.

Нападающий действовал в одиночку. Он был вооружен каким-то длинным холодным оружием, вероятно мечом. И владел им виртуозно, что было сложно представить в современных условиях.

Вырезая колонии целиком, нападающий не оставлял после

себя никаких сообщений, требований или меток. Он делал свое дело и исчезал. Это была война на уничтожение.

Обеспокоенные друиды смогли снять кое-какие данные с видеопамяти нескольких убитых. Остатки слегка размытых изображений. Просто картинки, которые не поддавались анализу.

Алекс внимательно изучил эти изображения, вызвав их из памяти… И ничего не понял. Человек, затянутый в черное. Маска. Глаза, судя по всему, карие. И размытая блестящая линия меча в момент удара…

Друиды создали новую систему безопасности, сложную систему переходов, возникающих в стенах дверей и перемещающихся комнат. Друиды превратили свои наиболее крупные колонии в лабиринты. Некоторое время нападений не происходило. Однако последние события показали несостоятельность и этого метода…

Другой информации друиды Алексу не предоставили. Хотя ее наверняка было больше, Алекс это чувствовал, как, бывало, чувствовал в моменты опасности, с какой стороны будет выстрел. Но раз заказчик считает, что инфорнации достаточно… значит, заказчик так считает. Алекс не придерживался девиза «Клиент всегда прав», но обычно не любил спорить с заказчиком в отношении информации. Правило «Много знаешь – меньше живешь» Алекс усвоил железно.

Однако как найти этого неведомого убийцу? Алекс был убийцей, наемником, а не частным сыщиком. Ему предоставляли информацию точную, простую и ясную. Кто, где и по каким часам его там можно застать. И видеофрагмент с описанием. Все. Алекс шел и делал свою работу. Но бегать, искать… Хотя это могло оказаться интересным.

Алекс ощутил какое-то забытое, давно похороненное в сером пепле его холодной души чувство. Заглушенное наркотиками, опасностями и чужими смертями.

Алекс ощутил интерес к жизни. Какую-то цель… С этого момента работа начала превращаться в тонкое искусство.

В комнате было тепло. Сехаку, японец, оставшийся жить после плена в стране, куда его забросила военная машина, сидел на возвышении в центре комнаты, уютно поджав под себя ноги, и наблюдал, как его жена разливает по чашкам чай. Легко, аккуратными движениями, без суетливости. В его узких глазах отразилось удовлетворение.

Он посмотрел на часы. Без четверти восемь. Скоро придет сын. Сегодня день, когда он приходит для отдыха. Значит, сегодня они будут пить чай втроем. Это хорошо. Сехаку удовлетворенно вздохнул и прикрыл глаза, словно большой кот,

который греется у огня. Он был уже немолод, но сила в его руках не угасла, спину не согнула старческая немощь. Сехаку был еще и великолепным нейрохирургом, что обеспечивало ему безбедное существование.

В прихожей послышались шаги. Почти бесшумные. Сын.

Сехаку решил, что жить на этом свете все-таки не так плохо, как кажется на первый взгляд. Нужно только уметь выбрать правильный ракурс.

В первую очередь Алекс вспомнил, что он знает про холодное оружие. В частности, про мечи и тому подобные вещи. Оказалось, что весьма мало. Почти совсем ничего. Алекс хорошо владел ножом, но и только. Кто мог предположить, что кому-то понадобится использовать в качестве оружия уничтожения такую архаичную вещь, как меч?

Однако друидов убивали. И убивали именно мечом, а не ножом или пулей. И убивали успешно. Ни один из них не применил огнестрельного оружия. Не применил или не захотел применить… Или не успел… Таких «или» было много.

Алекс разбудил все каналы получения информации. Все, до чего он мог дотянуться, собирало данные по одному вопросу. Меч. Типы, классификация, техника, производство, частные коллекции, металлы, история. Данные копились, сортировались, и вскоре Алекс владел серьезной теорией по длинно-лезвийному холодному оружию. Алекс знал, какие бывают мечи, знал разницу между западными и восточными клинками, знал разницу в областях применения, возможные варианты защиты, основы техники боя… К концу дня Алекс понял, что знает не все… Но достаточно, чтобы оставить этот вопрос в покое. Он не продвинулся к цели ни на шаг. Только нагрузил свою память излишней информацией.

Голова болела. От долгого сидения перед голографическим монитором тошнило. Все расплывалось перед глазами. Алекс встал. Комната немного покачнулась, но устояла. Доигрался.

Алекс подумал, что давно уже не вылезал из своей конуры, кроме как на выполнение работы. Определенно стоило провести вечер в свое удовольствие.

Новообретенный интерес к жизни подталкивал Алекса к развлечениям. Деньги существуют для того, чтобы их тратить.

Чтобы умереть, нужно немного. Нужно упасть. А упасть еще проще. Это вообще очень приятно – падать. Нужно только умыться мертвым светом веселых городских кварталов. Окунуться в стоячую воду баров, в непостоянные потоки игорных домов, в темные озера публичных домов. Немного. Только окунуться и умереть. Потому что жить после этого просто невозможно.

Незачем. А часто и не на что.

Алекс уже пронесся горящим метеором по барам, ночным улицам и вскоре осел с парой одноночных подружек в каком-то публичном доме. И еще через некоторое время, лежа на большой постели, тяжело дыша, Алекс оставил все мысли о киборгах, друидах и убийствах. Вкус жизни холодил губы и подсвечивал мир вокруг.

Только хотелось чего-то еще.

Алекс посмотрел на женщин, находившихся рядом. Кажется, было три… Или две? Если две, то значит, что они были на уровне трех. Здорово!

«Но чего же не хватает?» – Алекс задумался. Хотелось легкости, полета…

– А не навестить ли нам Тамбурина? – вслух подумал Алекс.

– А кто это? – тут же подняла голову одна из девиц и хихикнула.

– Это… Ну… Это торговец наркотиками, – сказал Алекс, и женщины захихикали громче. А через некоторое время уже просто хохотали во все горло.

– Хм… – задумчиво посмотрел на них Алекс. – Вам он, видимо, уже не нужен, Вам и так… хорошо!

Женщины не унимались, но послушно встали, оделись и отправились на улицу вместе с Алексом искать Тамбурина.

Улицы полыхали огнями. Голографические зазывалы использовали невероятный язык жестов, чтобы завлечь перспективного покупателя. Все разработано лучшими психологами, социологами и призвано давить на подкорку несчастного человеческого мозга, подталкивать его войти в этот бар, магазин, публичный дом. Оставить тут свои деньги, забыть про завтра… Зачем оно? Его же нет!

А Тамбурин нашелся, как всегда, в закутке за голографической рекламой кока-колы. Только на этот раз он был не один. С Тамбурином был какой-то в хлам пьяный, именно пьяный, а не обкурившийся или нанюхавшийся, детина. Здоровый и плечистый… Вот только очень плохо стоящий на ногах.

Девицы, увидя Тамбурина, так и покатились со смеху… Причины смеха Алекс не понимал, но смеялись они весело, и от этого было как-то легко на душе.

– Привет, Там, – сказал Алекс. – Как дела идут?

– Здоровеньки, Алекс, – ответил Тамбурин, отпихивая от себя пьяного детину. – Дела – как видишь. Докатился совсем…

– Неужели так плохо? – спросил Алекс, наблюдая, как здоровый амбал покачивается на ногах.

– Не так, но плохо. Убери от меня этого… придурка!!! –

завопил Тамбурин.

Подружки покатились со смеху. Им стало трудно стоять, и они привалились к стенке…

– Что ты им наколол? – спросил Тамбурин, глядя на девиц.

– Самое забавное, что ничего. Ну… кроме естественных гормонов… Может быть, они сами накидались где-нибудь. А что это за тип? – И Алекс указал на пьяного.

– А я знаю?!! Я его впервые вижу!! Ввалился ко мне… Я уйти не успел. Бормочет что-то. Охрану вызывать не хочется…

– Так его выставить?

– Да… Валяй. Только без рукоприкладства… Мне тут потом убирать…

Алекс не стал указывать Тамбурину на то, что в его закутке не убирались с того самого момента, как сюда впервые ступила нога человека. Он направился к пьяному молодцу, который настойчиво пытался облапить Тамбурина и поцеловать.

– Эй… Эй, друг.

Пьяный повернулся к Алексу:

– Чего? – Вопрос был задан не самым дружелюбным тоном.

– Ничего. Тебя звать как?

– Эрнест, – ответил амбал и покачнулся.

– Клиника… – про себя пробормотал Алекс и подошел ближе: – Ты чего к нему пристал?

– К кому?

Алекс молча указал на Тамбурина.

– К Сашку? – Эрнест оживился. – К Сашку, что ли? Так он ведь чувак, в натуре, наш! Я его просто… я его просто люблю!!!

– Любишь? – Алекс посмотрел на Тамбурина.

– Люблю!!! – Голос Эрнеста был похож на очень пьяную сирену. – Как братана!

– Почему он тебя Сашком кличет? – спросил Алекс уже у Тамбурина.

– А я знаю? Он как вошел, так сразу «Сашок, Сашок»… – Тамбурин пожал плечами. – Ты меня знаешь… Я не Сашок. Не Сашок я!

Последние слова он буквально выкрикнул в лицо Эрнесту, который снова попытался облапить его.

– Эрнест, Эрнест… посмотри сюда. Ты ошибся. – Алексу уже самому становилось смешно. Бить парня с таким именем явно не хотелось. А просто так он не уйдет.

– Кто ошибся? Я ошибся… Да я!!! – Эрнест покачнулся. Затем развел руками и… упал.

Проблема решилась сама по себе. Эрнест ударился головой и на время вырубился.

– Как он достал, – пробормотал Тамбурин, наклоняясь над большим телом парня. – Что с ним теперь делать?

– Да выкинем… И все, – предложил Алекс.

– Не… – Тамбурин задумчиво взлохматил длинные патлы. – Жалко. Он ведь в общем-то ничего чувак.

– Да? – Алекс заинтересованно посмотрел на Тамбурина. – Слушай… А ты с ним?

– Что? – недопонял Тамбурин.

– Ну… – Алекс сделал неприличный жест.

– Ты что, сдурел?! Я… Да… – Тамбурин начал заикаться.

– Да ладно. Не оправдывайся… Я человек широких взглядов… – Алекс едва сдерживался.

– Я… Да пошел ты!!! – Тамбурин плюнул и, не обращая внимания на смешки, спросил: – Что с этим делать?

– Ну ты сам решай… тебе видней… – Алекс усмехнулся.

– Козел, – прокомментировал Тамбурин. – Ладно… Давай оттащим его… К выходу поближе.

В момент перетаскивания Эрнест очнулся и, увидев девиц, громогласно взревел:

– Девочки!!!

– Ох, блин, – пробормотал Тамбурин.

Затем Эрнест заметил, что его тащат. И… заплакал. Обычный пьяный переход, когда буйство сменяется слезными причитаниями. Эрнест жаловался на свою судьбу, на свою жизнь и одновременно что-то лепетал о своих заслугах, достоинствах… В этом потоке словесного мусора Алекс вдруг уловил знакомое слово. И отпустил свой «край» Эрнеста. Тот даже не пошевелился, оказавшись на земле.

– Ты чего? – спросил Тамбурин.

– Ты что сказал? – спросил Алекс, наклоняясь над Эрнестом и морщась от мощного запаха перегара.

– Когда? – плаксиво переспросил Эрнест.

– Про кузнеца.

– Кузнеца?.. Да! – У Эрнеста снова произошел переход на буйную сторону. – Я кузнец!!!

– Потише… И подробнее. Кузнецов же нет… уже.

– Я! Я есть! – проникновенно выдохнул Эрнест, заставив Алекса снова поморщиться. – Последний.

Тамбурин отошел к девочкам и уже вешал им какую-то лапшу, отведя их к другой стене. Алекс огляделся и спросил:

– Про какой меч ты говорил? Эрнест сделал страшные глаза и приложил палец к губам.

– Ты мне нравишься… – наконец сказал он. – Я тебе расскажу.

Из последовавшего за этим потока слов, ругани, хвалебных од

в собственный адрес Алекс вынес одну очень интересную мысль: Эрнеста нельзя было отпускать просто так. Ему нужно было дать вылежаться. И заняться расспросами только наутро.

– Тамбурин! – Алекс повернулся в сторону, где предположительно находился Тамбурин. – Пусть он у тебя полежит. Все равно вырубился. Кольни ему… За мой счет, чтобы к завтрашнему дню он был еще у тебя. Я зайду утром.

– Хорошо. Зайди… – сказал Тамбурин, аккуратно укладывая одну из девиц на землю возле стены. Вторая девица уже лежала там.

– Эй! А ты что им вкатил? – спросил Алекс, наблюдая за действиями Тамбурина.

– Да ничего… Мелочи всякие. Моего изобретения. Ты хоть соображаешь, кого ты сюда притащил?

– Кого? Шлюхи какие-то…

– Шлюхи. – Тамбурин оперся спиной о стену. Выглядел он устало. – Они в борделе шлюхи, а тут они стукачки. Платные осведомители. У меня на таких детекторы висят на каждом углу. Ты хочешь, чтобы у меня проблемы были? Тогда проще было бы просто меня сдать. Ты меня иногда удивляешь…

Алекс провел рукой по лицу. Сглотнул. Вкус жизни был кисло-горьким. На удивление…

Наутро проспавшийся Эрнест получил дозу какой-то химии из арсенала Тамбурина и сделался на удивление разговорчив, что избавило его от множества проблем.

Память у него была хорошая, и события многолетней давности он помнил так, словно они произошли с ним вчера.

Он тогда был изрядно молод, но уже был довольно неплохим техником и, как все молодые люди, склонен ко всякого рода авантюрам. Склонность эта толкала его на изучение самых разнообразных сторон своей профессии. Эта склонность и привела его в ряды старой и ныне благополучно обезвреженной террористической группы «Сыны Леса».

«Сыны Леса» стремились вернуть человека к природе. Чтобы он отринул искусственные костыли и пошел по Земле своими ногами. «Сыны Леса» упускали из виду одно. Человек давно уже потерял свои ноги, и идти ему было просто не на чем. Поэтому выбить из-под него костыли означало просто поиздеваться над калекой. «Сыны Леса», как воинствующие идеалисты, этого не поняли и, поскольку никто не ринулся в царство Матери Природы сломя голову, решили загнать человека в рай пинками. Эрнест провел в их среде много времени и занимался тем, что собирал хитроумные устройства для подавления любых сигналов. Эти устройства, с успехом использующиеся в армии, были запрещены,

и по закону за их применение полагалось три года исправительных работ. Однако «Сыны Леса» этим не интересовались и вышибали искусственные костыли у человечества все активнее и активнее, пока за них не взялись службы государственной безопасности.

Перед тем самым моментом, когда группа перестала существовать по причине тотальных арестов, к Эрнесту пришел человек. Японец. И попросил, очень любезно попросил, уделить ему двадцать минут его, Эрнеста, драгоценного времени. Эрнест, отношение к которому у самих «Сынов Леса» было не очень, слегка ошалел от подобного обращения и был настолько очарован, что уделил японцу целых три часа своего драгоценного времени. Эти часы прошли в вежливых разговорах, из которых Эрнест понял, что имеет дело со специалистом очень высокого уровня, но в области, несколько отличающейся от его собственной. Японец был классным нейрохирургом. Эрнест всегда питал слабость к специалистам, что и стало причиной столь длительной беседы. Позже Эрнест даже удивлялся, насколько общей и бессодержательной была беседа. Обо всем и ни о чем.

Вернувшись на место дислокации родной группы, Эрнест застал площадь, оцепленную представителями разного рода государственных служб. Главари «Сынов Леса» имели глупость оказать сопротивление и были элементарно расстреляны на месте. Остальных со скрученными руками грузили в грузовики.

Поняв, кому он обязан своей свободой, Эрнест проникся к японцу искренней любовью и, поскольку идти ему было некуда, вернулся к дверям дома, где вел вежливые разговоры с нейрохирургом.

Союз нейрохирурга и микроэлектронщика оказался плодотворным, и вскоре были созданы не имеющие аналогов сенсорные датчики, миниатюрные сканеры для ночного видения и прочие приятные мелочи. Денег это Эрнесту не приносило, но он был настолько благодарен своему невольному спасителю, что работал бы совсем бесплатно. Но японец кормил Эрнеста и выдавал ему иногда энную сумму денег.

Останавливаться на всех деталях, которые породил их союз, Алексу не хотелось, и он направил Эрнеста на мысль о кузнеце.

Эрнест, под действием Тамбуринова зелья, разговорился окончательно и поведал, что последней вещью, которую он создал, был меч. Для этого пришлось произвести такую массу нестандартных работ по металлу, что Эрнест с тех пор с гордостью именовал себя Кузнецом!

Алекс попросил рассказать конкретнее о мече и о тех модификациях, которые Эрнест произвел.

Оказалось, что старый, непонятно каким образом сохранившийся у японца меч после того, как побывал в руках у Эрнеста, приобрел ряд интересных способностей. В частности, подавлять любые электронные системы, с которыми входил в соприкосновение, уничтожать компьютерную память и разрушать логические электронные структуры…

Идеальное оружие для террориста, который специализируется на информационных системах.

Досадным оказалось то, что Эрнест не смог точно описать своего благодетеля. Физиогномическая память у Эрнеста отсутствовала начисто. Место, где они работали, Эрнест тоже вспомнить не мог. Хотя очень старался и даже всплакнул по этому поводу. Имена, как и следовало ожидать, тоже совершенно выпали из его головы.

Наконец Эрнест заявил, что устал и хочет выпить. И у него болит голова. Тамбуриново зелье, похоже, переставало действовать.

– Тамбурин! – позвал Алекс. Откуда-то вынырнул Тамбурин.

– Что?

– Он под действием этой твоей штуки не может врать?

– Нет.

– Точно? А направлять память по ложному следу?

– Нет.

– Что ты ему вколол?

– Ты не знаешь. Никто не знает. Это мое личное изобретение. Ты, может быть, помнишь, я химик.

Алекс это помнил.

– А ему это не повредит?

– Нет. Это средство просто привело его в состояние дурашки-болтуна. Он питает к вопрошающему чувства, которые может испытывать только к очень близкому человеку. Как к матери. Или к любимой жене. Каждый твой вопрос вызывает в нем чувство, схожее с эмоциональным оргазмом, а его ответ, заметь, правдивый ответ, приводит его вообще чуть ли не в состояние экстаза. И наоборот, отсутствие ответа его сильно огорчает. Интересная штучка, правда?

– Да уж… У тебя много таких… штучек?

– А тебе зачем? – спросил Тамбурин, слегка прищурившись.

– Много будешь знать, мало будешь жить.

– Хм… – И Тамбурин отвалил.

Алекс сунул Эрнесту заранее приготовленную бутылку и тоже ушел, захватив у Тамбурина новую порцию «колес».

Алексу было над чем подумать. Картина начала вырисовываться.

«Искать в толпе сложно. Но в этом есть удовольствие.

Впрочем, его в толпе точно нет.

Он редко бывает в людных местах. Раньше бывал. Теперь нет.

Интересно, он видит людей так же или как-то по-своему? Что он чувствует, когда они задевают его локтями? Смотрят на него и принимают его за обычного человека… Да, что он чувствует, когда про него думают, как про человека? Или, может быть, он считает себя человеком?»

Полы длинного плаща развевает ветер. Меч удобно укрыт в складках плаща. Спрятан, но достать его можно в один миг. В один миг стать воином. Из обычного человека.

«Интересно, все эти люди тоже считают меня человеком?»

Людям было все равно. Они шли по своим делам, и их совершенно не волновало поведение молодого узкоглазого господина в плаще. Среднего роста, черные уложенные волосы, довольно привлекателен и на вид преуспевающ, но почему-то проститутки скользят по нему совершенно равнодушным взглядом. Проститутки знают людей гораздо лучше остальных граждан. Проститутки знают людей, до всех остальных им просто нет дела.

Алекс продвигался среди каких-то манифестантов. В последнее время манифестации по самым разнообразным поводам проходили чуть ли не каждый день. Двигаться по улицам в такие дни было довольно затруднительно.

Алекс расталкивал людей, стремясь пробраться на другую сторону улицы. Зная, что миновать людскую реку перпендикулярно направлению движения не получится, Алекс шел наискосок, медленно, но верно смещаясь к нужному ему месту на противоположной стороне. Черный провал подворотни уже был в нескольких шагах, как вдруг в спину что-то врезалось и чуть не сбило Алекса с ног.

Нападавший оказался в слякоть пьяным мужиком, обезумевшие глаза которого указывали на некоторый процент галлюциногенов в том пойле, которое он сегодня в себя влил. Мужик был настроен агрессивно и уже замахивался для очередного удара, когда нога Алекса воткнулась ему в коленку. Жест чисто рефлекторный. Не стоило привлекать к себе внимания… Нужно было уйти. Но… Просто рефлекс. Так получилось.

Странно, но мужик охнул и отступил, выпучив глаза еще больше прежнего. Не должен был так себя вести пьяный в дым, да еще под наркотой, человек, впавший в буйство. Не должен был.

Толпа обтекала Алекса и его «противника», словно река, обтекающая два тяжелых камня. Коллективный разум у толпы

был на уровне. Толпа не хотела связываться, и поэтому образовала в своем гигантском теле маленькую дырочку, в которой удачно помещались Алекс с человеком, успешно имитирующим опьянение.

Пауза затянулась. Мужик, хлопая глазами, смотрел на Алекса, Алекс в свою очередь смотрел на мужика, не теряя из виду происходящее вокруг. Он также заметил, как две статичные фигуры в теле толпы вдруг сорвались с места и исчезли в той самой, нужной Алексу подворотне. Мужик это тоже заметил, вдруг заревел что-то нечленораздельное и скрылся в том же направлении.

«Кидалы, – подумал Алекс, выходя на тротуар. – Как невероятно пошло работают. Удивительно пошло! Топорно».

Стратегия ограбления, родившаяся в имбецильных мозгах трех кидал, была проста. Пьяный мужик докапывается до какого-нибудь неудачливого человечка. Ну пьяный, что с него возьмешь. С пьяным никто связываться не будет. Всем просто плевать. Оттеснит он кого-то в подворотню… Ну и что? А там, в подворотне, уже два молодчика ждут. Саданут шокером, и готово. Очнулся человек гол и бос. Если вообще очнулся. Органы, конечно, брать не будут, уровень не тот, за такое «мясники» их самих по частям разберут, а вот вещи снять… Без проблем.

Алекс уже давно не сталкивался с преступным дном. Находясь в верхней части преступной пирамиды, он отвык от приемов и замашек уличной шантрапы. Даже «мясники», охотники за органами, были выше, чем те, с кем только что столкнулся Алекс. Кидалы – парии. Пушечное мясо в серьезных делах, и надо же… Выбрали себе жертву. Такие долго на улицах не живут. Надо же знать, кого можно трогать, а кого… А от кого лучше бежать с визгом и поджав хвост.

Некоторое время Алекс наблюдал за манифестантами, а потом свернул в свою подворотню.

Там оказалось людно.

Старая компания. Двое кидал с псевдоподвыпившим мужиком прижимали к грязной стенке щуплого японца в плаще. Японец не привносил ни звука, только, делая короткие, грациозные движения, отступал от наседающей на него тройки. Работать в группе кидалы не умели, поэтому друг другу мешали.

А японец…

Алекс вдруг понял, что японец играет с тремя нападающими, строя из себя испуганную жертву. Он отступает, делает шаги вправо, влево… А три неуклюжих идиота натыкаются друг на друга и никак не могут выбрать момент, чтобы навалиться, задавить. Потому что такого момента нет и не будет.

Алекс встал в тень и замер там, наблюдая за чужой игрой. Далее некоторая зависть взяла.

«Пьяный» не выдержал первым, может быть, действительно был слегка навеселе… Он рванулся вперед, в левой руке у него блеснула железка. Кастет с выдвижными иглами. Оружие улиц и подворотен. Оружие малолетней шпаны, очень странно смотрящееся в здоровенной волосатой ручище.

Оно так в ней и осталось. Вот только рука вдруг отделилась от тела и упала в грязь к ногам атакующего. «Пьяный» завалился прямо на свою руку… Закричал… Точнее, нет. Не так. За миг, сотую часть секунды до падения, тщедушный японец оказался за его спиной и махнул руками. Свист. Просверк. И уже на землю падает не человек, а разрубленная надвое кукла. Еще живая… Но это ненадолго… Крик оборвался вместе с тяжелым, липким звуком упавшего тела.

Кидалы застыли.

«Не ваш день», – пробормотал Алекс себе под нос.

Однако затишье длилось недолго. Оба, не сговариваясь, рванули в разные стороны.

Дальнейшие действия японца Алекс смог воспринять только благодаря большой практике убийств и большому опыту ведения боя под «квази».

Японец не двигался, он почти исчез. Превратился в некое туманное пятно. Три, наверное три, точнее Алекс не смог разглядеть, шага в сторону убегающего на улицу, и японец застыл в выпаде. Низкая стойка, прогнулся вперед, в вытянутых руках меч. Укол. Другой конец меча вышел из груди человека, который замер изогнутым в дугу.

Мгновенный снимок. Два застывших тела, словно большой лук со стрелой. Дарение смерти и принятие дара. Только Алекс смог оценить всю красоту этой картины. Этого мига.

Тело упало.

Второй кидала ненамного пережил своих товарищей. Он уже был у арки выхода, когда рядом с ним, словно из воздуха, возник японец. Оттолкнулся… и побежал ногами по стене. Скорость, с которой он это проделал, была непостижимой.

«Это не «квази», – понял Алекс. – «Квази» не дает такого эффекта».

Человек вскрикнул. Меч оказался возле коленного сгиба правой ноги кидалы и перерезал сухожилия. Кидала упал на одно колено. Японец, оттолкнувшись от стены, приземлился за спиной коленопреклоненного человека и смахнул тому голову начисто. И, не останавливаясь, сделал сальто назад. Замер. Алекс понял, что на японце нет ни капли крови. Он проделал все настолько

чисто и быстро, что сумел не запачкать свою одежду.

Идеально.

Стер кровь с меча. Спрятал меч. И превратился в тщедушного японца в сером плаще… Невзрачный и неприметный в толпе.

Несколько кварталов Алекс шел за ним. Где-то в новом восточном районе японец исчез. Завернул за угол, а когда там же оказался Алекс… На небольшой улочке было пусто. Где-то позади бренчали колокольчиками уличные торговцы, звучала странная, непонятная речь. Восточный квартал.

Дом встретил Алекса прохладой и покоем. Неожиданная усталость сковала плечи. Тело требовало отдыха.

Все это дело, круто замешенное на восточном колорите, Алексу изрядно поднадоело. Он терпеть не мог загадок, а необъяснимые вещи злили его. И вообще…

Алекс хорошо запомнил выражение лица того парня в сером плаще, когда он рубил руки и головы трем недоноскам, неспособным подняться над своими мальчишескими привычками. Кидал было не жаль, они были глупы, а глупые не выживают в этом мире. Таков закон. Но японец…

Он убил их с невозмутимым видом. Без эмоций. Как будто выкинул окурок. В этом было что-то неприятное, что-то непонятное Алексу. Часто он и сам не проявлял лишних эмоций в момент выполнения задания, но только когда приходилось делать это на большом расстоянии. Есть разница – снять деловика через оптику с расстояния в километр или рубить живого человека в куски мечом. Когда Алексу приходилось действовать на короткой дистанции, он, несмотря на большой опыт, не всегда мог справиться с эмоциями. А японец уложил троих так, будто порезал кусок колбасы.

Но скорость, с которой он действовал… От этого сладко ныло под ложечкой.

Алекс упал в кресло. Достал черный пакетик с «колесами», взятыми у Тамбурина. Высыпал их на ладонь… Химия…

«Когда-нибудь я переберу с дозой и выжгу себя этим дерьмом…» – пришла ленивая мысль.

Как пришла, так и ушла. Алекс уже привык жить с этим. Привык. Наркотики давно стали частью его организма. Конечно, можно было бы отправиться к тем же друидам и пересадить здоровые органы, что, впрочем, Алекс и так часто делал, и вообще сменить всю кровь, избавиться от зависимости. Вот только зачем? Такая ниша в его жизни… если она опустеет, то чем ее заполнить? Чем? Алекс хмыкнул. Стало ясно, что вкус к жизни пропал в очередной раз и надолго. Развлечения не волнуют… Хочется побыстрее выполнить очередное задание. И все. И

потом…

Алекс рывком схватил пару таблеток и проглотил их разом. Замер, ожидая. Затем черты его лица словно потекли, расслабились, стали нечеткими. Как и мир вокруг.

Думать о том, что будет после очередного задания, Алекс не любил.

Мир оставался распыленным довольно долго.

«В Восточном квартале редко бывает ветрено. Тут можно не держаться за полы плаща, опасаясь, что он раскроется под очередным порывом сумасшедшего воздуха и покажет все, что призван скрывать. Зато тут множество ловких воришек, которые могут незаметно для жертвы обчистить даже внутренние карманы. Часто эти воришки киберы. Немножко киберы. И поэтому они меня не интересуют. Ведь я ищу не их. Они пусть опираются на свои костыли. Им так нужно чувствовать пульс времени, думать, что они принадлежат к новой эпохе, что они прогрессивны. Они даже не ведают, что они – пережитки старого. И новая эпоха уже не имеет на них никаких видов. Мне жаль их. Я защищаю их. От новой эпохи. Потому что в новых временах их уже не будет».

Маленький японец идет вдоль затемненных витрин. Проходит сквозь голограммы. Проходит мимо людей. Мимо ночных торговцев. Его узкие глаза держат в поле зрения всю улицу. Темно-карие глаза выделяют киберов среди людей. Выделяют и оставляют в покое. Не имеет значения. Совсем не имеет значения. Где-то искусственный глаз, где-то манипулятор вместо руки, где-то перестроенная стимуляция половых органов… Мелочи. Простые, доступные обыкновенному человеку мелочи. Простительные простому человеку.

«Другое дело тот, другой. Он совсем другое дело. Отключить его означает убить символ новой эпохи. Оттянуть неизбежное время, когда человек перестанет быть доминирующим видом на Земле. Оттянуть приход… Киберы не могут стать частью природы. То есть могут, но не должны».

Маленький японец движется по Восточному кварталу, прижимая к телу меч, который ему сделал его отец. Маленький японец методично обшаривает своими глазами улицы. Что там, за этими глазами? Камеры?

«Видеть то, что не видят другие. Видеть то, что не видят другие», – маленький японец повторяет это как молитву. Молитву солдата, ведущего свою войну. Войну одного за всех.

Алекс уже три часа кружил по Восточному кварталу. Ноги начали уставать. Внимание постепенно притуплялось. Он уже несколько раз терял японца из виду и с большим трудом находил

его снова.

Как он вышел на него… История совершенно отдельная. Какие тайные ниточки пришлось привести в действие, документы какой давности поднять? Но вот дело, затянувшееся на неделю, близилось к завершению. Алекс испытывал к нему уже отвращение вместо азарта. Скорее закончить. И все. И… Алекс прервал мысль. Думать о том, что будет потом, вредно.

Японец был тот самый, Алекс был в этом уверен. Абсолютно. Именно этот худенький и невысокий желтолицый человечек разрубил трех неудачников в переулке, двигаясь с невероятной скоростью и пластикой. Именно этим мечом были зарублены друиды. А меч прятался именно под этим плащом, в котором гуляет сейчас маленький японец.

Осталось только застрелить его. И делу конец!

Вот только японец не позволял этого сделать. Он постоянно двигался и двигался по улицам, как раз там, где нападение на него не могло пройти незамеченным.

Мимо проплывали витрины, яркие голограммы, рекламирующие публичные дома, лотки торговцев. Торговцы будут сидеть тут до утра, когда, по их мнению, наконец можно будет пойти домой без опаски наткнуться на дикого охотника за внутренними органами. Статистика, правда, указывала на то, что нападения происходят именно по утрам. Но страх перед темнотой неистребим в человеке.

Японец двигался как заведенный. Алекс начал вспоминать, что на этой улице они уже были. Или нет? Нет. На этой улице был он, а на хвост японцу он сел только на следующей. Неужели японец пойдет на второй круг?!!

Алекс понял: что-то должно измениться. Прямо сейчас. Насторожился.

Маленький японец подошел к перекрестку, к начальной точке своего путешествия. Встал. Сделал шаг направо и вдруг резко обернулся. Его глаза встретились с глазами Алекса на мгновение. Алекс тут же опустил взгляд и намерился пройти мимо, чтобы потом снова выйти на японца. Но тот вдруг направился в ближайший подъезд.

Млея от непрофессионализма собственных действий, Алекс направился туда же.

То, что японец заметил Алекса, совершенно не оставляло сомнений. Только почему-то он не стал заметать следы, не стал прятаться. Он дал Алексу шанс и кинул своеобразный вызов. Как воин, нашедший достойного противника.

Один из самых благоприятных моментов для нападения – момент, когда человек заходит в подъезд. Когда он занят дверью,

перешагивает через порог, переходит в иные условия освещения. Очень удобно. Алекс это знал и принял соответствующие меры. Теперь Алекс был на охоте. Ушла усталость, стало легче дышать.

Однако нападения не последовало. Японец стоял на верхней площадке и смотрел на Алекса. Он совершенно спокойно вел себя под дулом пистолета. Настолько спокойно, что это наводило на размышления.

Через мгновение японец двинулся по ступеням наверх.

Алекс спрятал пистолет. Это было приглашение. Не вызов, но приглашение. В другое время Алекс не стал бы колебаться. Момент для убийства был благоприятен, и надо было им воспользоваться. Но любопытство, неистребимое, вечное и смертельно опасное, любопытство заставило его подниматься по грязным ступеням.

Слишком необычным было это задание. Слишком. Для его выполнения Кибердруиду следовало поискать кого-то, в ком фантазия умерла начисто. Кого-то другого.

Сегодня Сехаку принимал гостей. По нынешним временам это большая редкость.

Гость сидел напротив, неудобно поджав под себя ноги. Гостя привел сын. Сегодня он ужинает с семьей. Это хорошо. Жена суетится на кухне. Скоро будет чай. Это тоже хорошо. А пока есть холодная рыба в тесте. Рис. Это приятно, когда в доме гость. Хоть и такой молчаливый, как этот. Впрочем, молчит… и пусть молчит. Это тоже хорошо. Пусть молчит.

Пусть даст насладиться уютом домашнего очага. Пусть ничего не говорит, словно усталый человек, знакомый, который прошел многие километры, чтобы наконец посетить старика Сехаку.

Сехаку вздохнул. Иллюзии всегда имеют привычку рассеиваться. Это плохо. Или хорошо? Наверное, плохо, потому что сегодняшний гость шел не в гости, а чтобы убить его сына. У нынешнего гостя такая работа, и ничего с этим не поделаешь.

Алекс чувствовал себя как в каком-то изощренном наркотическом бреду. Слово такое было, забытое ныне, – сюрреализм. Алекс сидел на полу, покрытом циновками, и ждал, когда маленькая и улыбчивая японка принесет чай. В глубоких чашках. Настоящий чай. Дорогое удовольствие, надо отметить.

А объект сидел рядом, в двух шагах, поставив тот самый меч на специальную подставку.

Изумительно. Просто идиллическая картина. Что, похоже, очень нравится пожилому японцу, сидящему напротив. Может быть, только из-за него Алекс сидит, неудобно поджав под себя ноги, и ждет чай. Из-за того удовлетворения, что написано на

лице пожилого японца. Как, он сказал, его зовут, Сехаку?

Да. Господин Сехаку явно доволен. И, видимо, многое может рассказать. Но расскажет он только тогда, когда полностью насладится этой идиллией. Ну и ладно… Подождем.

Супруга господина Сехаку принесла чай. Поклонилась и, мелко семеня, удалилась куда-то за бумажную стенку. Зажгла там свет, стал виден ее силуэт.

Сехаку отхлебнул из чашки и вопросительно посмотрел на Алекса. Алекс сделал то же самое. Чай был таким, каким должен был быть. Вкус, крепость – все соответствовало тому, каким, по представлению Алекса, должен быть хороший чай. Алекс кивнул, господин Сехаку заулыбался.

Так они сидели еще некоторое время. Пили чай и молчали. И что-то постепенно поднималось в Алексе, что-то прозрачное и плотное. Это что-то проснулось и потянулось к мозгу Алекса, к его сознанию, затопило его полностью.

Стало легко и спокойно. Ноги вдруг нашли то самое положение, в котором сидеть было удобно и приятно. Расслабилась спина. Мутная усталость сползла с кончиков пальцев вниз… Закапала грязными каплями и испарилась в чистом воздухе. Это состояние не было похоже на бесшабашное буйство наркотика, на бешенство боевой смеси, на взрывоопасное спокойствие перед первым выстрелом. Оно было похоже на удовлетворенную усталость после постельных утех. И вместе с тем это не было усталостью.

В чае не было каких-либо наркотических или гипнотических веществ, смесей. Алекс бы узнал об их присутствии.

Наконец Сехаку поднялся. Коротко поклонился и жестом указал на дверь в соседнюю комнату.

Небольшой стол. Мощные лампы над ним. Несколько встроенных голографических мониторов. Машины, приборы. Лаборатория.

Сехаку сказал что-то, и на одном из мониторов загорелось изображение его сына. Только с тем, кто сидел подобно статуе в соседней комнате, у этого молодого человека не было ничего общего. Кроме, конечно, внешнего сходства. У человека на голограмме были живые глаза, смеющееся выражение лица. Глядя на него, Алекс начал понимать, откуда взялась такая точность и немыслимая скорость движений. Сын господина Сехаку был кибером самой высокой категории. Высшей категории. Боевая элита. А сам господин Сехаку был, видимо, кибертехником самой высокой пробы.

– Будущее приходит незаметно, – задумчиво произнес Сехаку. – Незаметно, но неостановимо. Вот вы молоды, сильны и

видите во времени только часы, минуты, а вот вы уже стары и видите во времени годы. Это невозможно изменить. Время замерзает в вас. Внутри. Маленькими и колючими шариками. И, не имея возможности погрузиться в его воды, вы вынуждены плыть по волнам. Но вдруг вас выбрасывает на гребень, и вашим глазам открывается все русло, по которому течет эта река, открывается до ближайшего поворота. Для меня таким гребнем стало самоубийство сына. И все, что я хотел знать в то время, – почему он это сделал? Пойдя против законов природы, я получил результат. Он находится в соседней комнате. Конечно, это не мой сын, это идеальный киборг. Я это отлично осознаю. Но я понял одну простую истину. С возрастом можно жить иллюзиями. Когда вы уже отгорели, достигли своего потолка, стали тем, чем когда-то хотели стать… Тогда можете наплевать на все и жить иллюзиями. Пусть другие рвут глотку и пробиваются вверх. Иллюзии приносят покой, а в старости это единственная вещь, без которой уже нельзя обойтись.

– Иллюзии дорого стоят. – Алекс прошел вдоль стены. В освещенном углу за низеньким заборчиком комнатной климатической установки стояло дерево бансай. Пышное, с сочными зелеными иголками. Настоящее.

– Дорого… – Сехаку невозмутимо посмотрел Алексу в спину. – Да. Практичный мозг, признак молодости. Я не могу разгласить ни одной детали из его схем. Ни единой. Даже схемы глаз, хотя в них нет ничего сверхсекретного или несущего опасность. Они не хранятся на каких-либо носителях. Я уже забыл большую их часть.

– Напомнить их вам не составит проблем для военного ведомства любой страны.

– Да, я отдаю себе отчет в этом. Вы, вероятно, слышали о стоп-блоках памяти? При малейшей угрозе разглашения они вызывают амнезию. Просто и эффективно. Не каждый решается на подобную операцию… Мало кому хочется рисковать из-за чужих тайн, да еще терять память… Я тоже не желаю такого. Мои воспоминания дороги мне. Поэтому я немного перестроил установленный во мне блок. Даже при гипотетической возможности разглашения какой-либо части моего проекта я умру. Это одна из моих самых красивых разработок. Воля к Смерти. Я не торгую чужой безопасностью. Я зарабатываю себе на жизнь иначе.

– А друиды?

– Друиды? Я уже спрашивал об этом у него. – Сехаку посмотрел в сторону комнаты, где сидел его сын. – И он не ответил мне. Ничего. Он не говорит на эту тему. Когда-то в

прошлом он много работал. Пошел по моим стопам. Ему казалось, что в сочетании живого и мертвого таится истина. Не могу сказать, что я не оказал влияния на его воззрения. Ошибка стоила ему дорого. Он пришел к друидам. И работал на них долго. Очень долго. К сожалению, я не могу знать, что произошло там, в колонии… Что создал он там, в лабораториях огромных муравейников, я не знаю. Но, может быть, вам известно: ни один друид не может существовать в одиночестве. В его голове постоянно присутствуют корни системы, корни чужого сознания, как если бы один-единственный муравей ощущал в себе мысли и сознание всего муравейника. Потеря личности дает друиду многое, но эта же потеря его и убивает. Если из сознания рядового друида убрать ростки общей системы, он умрет. Остатки человеческого «я» не вынесут потери личности. Не вынесут того, что Человек стал винтиком машины. В машине нет Духа. Того, что делает человека Человеком. Отдельной Личностью, способной встать против неба, земли и ветра.

– А Кибердруид?

Сехаку наклонил голову, уперев глаза в пол. Чуть наклонился вперед, словно против ветра, дующего в лицо.

– Мой сын пытается исправить эту свою ошибку.

– Ошибку?

– Дух для машины. Это ошибка. Это то, чего быть не должно. Мой сын сделал ее, и он пытается исправить ее. Своими методами… Но насколько я могу судить, не вам осуждать эти методы.

Когда Алекс выходил из комнаты, господин Сехаку стоял перед маленьким зеленым бансаем и смотрел на переплетение маленьких веточек. В спину Алексу смотрело только молчание.

Молодой, щуплый и смертельно опасный японец сидел в той же позе, на том же самом месте. Гордость отца и его самое страшное горе.

На улице Алекса уже ждали. Два одинаково одетых молодых парня. Один из них шагнул вперед:

– Он хотел бы поговорить с вами. – Парень был невозмутим.

– Где?

– Здесь.

Его глаза на миг потеряли фокус, затем восстановили ясность.

– Вы видели его? – Голос был другим. Такой голос звучал под низкими сводами подземного лабиринта, забитого светящейся грязью.

– Видел. – Алекс не любил говорить с нанимателями дважды, особенно когда работа не выполнена.

– И он все еще жив. – Кибердруид констатировал факт. – Мы хотим знать почему.

– Мы? – Но в ответ Кибердруид только промолчал. – Я отказываюсь.

– Почему?

– Он мне не по зубам. Разве этого недостаточно?

– Нет. Мы точно оценили ваши шансы. Вы можете с ним справиться, даже в открытом бою. Потери и ампутацию отдельных органов мы могли бы компенсировать…

Алекс усмехнулся и, повернувшись, пошел вниз по улице. Ветер донес ему вслед:

– Мы хотим знать, где произошла ошибка в расчетах.

– Вы не учли его отца, – бросил Алекс, не оборачиваясь.

Где-то позади мелькнула невысокая фигурка в длинном плаще.

«Видеть то, что не видят другие. Видеть то, что не видят другие…» – Фигурка в длинном плаще скрылась в круговороте улиц.

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.

– Ну и что? – прервала всеобщее молчание Циркуль.

– Что «что»? – спросил Макс, снимая обруч визуализатора.

– Что тебе тут показалось знакомым? Макс вопросительно поднял брови.

– Ну, я хочу знать, почему ты связываешь то, что происходит здесь, с этой историей? – Циркуль поднялась и снова принялась обыскивать комнату.

Когда она проходила мимо Логуса, тот попытался поймать ее за руку. Циркуль увернулась и, не глядя на своего бывшего дружка, продолжила поиски.

– Что там опять ищешь? – страдальческим голосом спросил Керк.

– Ты тут живешь? Или тоже завалился дождик переждать? – Циркуль выудила из развалов видавший виды кухонный агрегат.

– Ну, живу…

– Живу… – передразнила она Керка. – Тогда дай мне нормальной воды и что-нибудь типа аптечки. И где ты греешь воду… Свинарник…

– Ну конечно, ты привыкла к жизни под куполом в пентхаузе! Горячая вода, чистота, аптечки на каждом углу… – Логус криво усмехнулся. – Напомнить, из какой дыры я тебя вытянул?

Циркуль задумалась, уперла одну руку в бок, а другой в сомнении почесала подбородок.

– Я, кажется, тебе уже говорила?..

– Что говорила?

– Чтобы ты катился в задницу! – И она продолжила поиски, не обращая внимания на ругань монаха. Обнаружив с помощью Керка баллон с чистой водой, Циркуль снова обратилась к Максу: – Так я жду ответа. Что ты нашел общего между этой историей и нашей жизнью?

– Трудно сказать. – Макс помассировал затекшую шею. – Где-то показалось… Нечто общее. Самое интересное в этой истории, что она не выдуманная… Это своего рода архивные данные в литературном изложении. После Пятилетнего Противостояния Анклавов большинство архивных материалов, особенно магнитные носители, пришли в негодность. Поэтому восстановить всю историю досконально оказалось невозможно. Неясно, что стало с этим японцем. И чем закончилась его миссия… Но, как я понимаю, она провалилась. Он помолчал,

прислушиваясь к шуму воды.

– Провалилась, хотя это не делает его попытку менее значимой. Глядя на него, – Макс кивнул на кибера, который мелко подрагивал под импровизированным одеялом, – я думаю, что такого жалкого финала для людей можно было бы избежать.

Логус презрительно фыркнул:

– Менее значимой? И чего же в ней такого? – Он встал, стащил с головы обруч и кинул его на пол. – Тронутый японец, сам по сути кибер, пытается уничтожить свое творение (авторство его, кстати, весьма сомнительно). Примитивная обработка идеи о том, что каждый творец стремится к уничтожению своего произведения, убивая в нем самого себя. Желание смерти и тому подобный нравственный вздор. Не могу сказать, что твоя история претендует на что-то неожиданное. И уж точно она не тянет на какие-то «скрытые» знания, как ты хотел бы это представить.

– Не берусь спорить со знатоком, – негромко сказал Макс. – Уж кому-кому, а представителю Церкви Всемирного Порядка положено знать корни своего культа…

– Веры, – поправил его Логус.

– Называйте, как пожелаете, суть от этого не меняется, а корни тем более. И потом, борьба за идею – это благородно. Можно называть это «нравственным вздором», можно презрительно морщиться… Но человек, вставший на такой путь, не может не вызывать уважения. Одна из немногих попыток оттянуть неизбежный финал… Тогда некоторые люди еще понимали, к чему может привести неуправляемая махина стремительной кибернизации общества.

Логус нервно покачал головой и молча отошел к окну.

– И все-таки, – прервала напряженное молчание Циркуль. – Кто такой этот Алекс, кто такой Тамбурин и почему именно Алекс должен убивать этого японца?

– Не в Алексе дело. Убить японца должно было нарождающееся искусственное общество. Хотя и сам Алекс – личность в некотором смысле легендарная, – подал голос Керк. – Особенно в среде трущоб. Существует масса легенд о нем, но за их достоверность я бы не поручился.

– Например? – спросил Макс.

– Я могу рассказать… Многие вообще считают, что он до сих пор жив.

– Нет-нет, погодите, – снова вмешалась Циркуль. Она деловито изучала содержимое аптечки. Сам Керк в эту аптечку не заглядывал со времени ее приобретения. – Во-первых, две истории зараз это много, а во-вторых я так и не пойму…

Ее прервал Макс:

– К нам гости!

В дверь вошел, не скрываясь и ничего не опасаясь, человек. Так мог войти полицейский, главарь крупной банды, человек, защищенный законом, улицей… Однако вошедший не был ни тем, ни другим. Наверное, он мог быть кем угодно, но только не тем, кем он оказался. Никто этого не ждал. Абсолютно никто.

– Ну и с чем она? – с видимым интересом спросил Макс, кивая на плоскую серую коробку.

– Пепперони, – сказал разносчик пиццы, а это был именно он. Негр лет восемнадцати в фирменной ярко-голубой спецовке и высокой конусообразной шапочке с надписью «Настоящая Неаполитанская Пицца». Шапку эту поначалу никто не разглядел.

– Ты что, сумасшедший? – Циркуль вышла на середину комнаты и уперла руки в бока.

– А… – только и смог выдавить негр. Керк подошел к нему и снял крышку с коробки. Аппетитно запахло расплавленным сыром и специями.

– Натуральная…

– В самом деле, пицца, – протянул Логус, словно он ожидал увидеть там вакуумную бомбу с таймером.

– Однако. – Макс держал в руках небольшой пистолет. – «Смит-вессон», двадцать второй калибр… Собак пугать?

– С-собак, – признался негр.

Никто не успел даже заметить, как пистолет негра оказался в руках у Макса. Разносчик пиццы дернуться не успел, а Макс уже разглядывал его «игрушку».

– Ты руки-то опусти, – тихо сказал Макс, засовывая оружие парню за ремень брюк. Тот стоял, вытянув руки с пиццей вперед, словно нес папскую тиару или блюдо с головой Иоанна Крестителя. Из черного лицо его стало серым, как пластик коробки.

– Так чего тебя сюда занесло? – спросила Циркуль.

С потолка начало покапывать. Разносчик же, как ни странно, был сухой. Это обстоятельство насторожило Керка, но разносчик тут же объяснился:

– Я на грузовичке… заплутал… Район незнакомый, а я работаю первую неделю…

– Да уж, заплутал… Сюда ВООБЩЕ нельзя попасть, не то что на грузовичке! – сказал Логус. – На улице творится черт знает что. Там автобусы переворачивает, я сам видел, а ты на грузовичке!

– Там дверь такая, железная… и номер подходит, 276 «б». Это ведь 276 «б»? – с надеждой спросил разносчик.

– Может, и так. Только улица явно не та.

– Вы меня отпустите, пожалуйста, а?

– Воля твоя, но только не советовал бы я тебе кататься на грузовичке, – сказал Макс.

– Посиди лучше тут, а там разберемся. А что, у тебя в грузовичке пиццы много? – спросил Логус.

– Достаточно. – Разносчик шмыгнул носом. – А что я…

– А что ты хозяину скажешь? Да ничего.

Разносчик и Логус совершили быстрое путешествие к грузовичку и вернулись с грудой коробок.

– Я взял разных, кто какую любит, – сказал Логус, сбрасывая ношу в сухом углу. – А ты, братец, все же уникум. Чтобы сюда заехать, это же надо…

– А что снаружи? – спросил Керк.

– Плохо, – ответил Макс, который наблюдал за похождениями Логуса. – Они вытащили, что успели, грузовик перевернуло потоком.

– Конечно, – отозвался Логус. – Этот остолоп оставил его на середине улицы. Развернуло поперек, и привет! Потащило вниз. Так что можешь есть пиццу, парень. Хозяину, если что, скажешь, что утопла. Будет рыпаться, я свидетель.

Разносчик, пригорюнившись, сел на корточки и сумрачно наблюдал, как его то ли пленители, то ли спасители поедают ценный товар. Потом осторожно взял кусок и начал жевать.

– Звать-то тебя как, потеря? – спросила Циркуль, облизывая стекающий по руке жир.

– Хесус, – сказал негр.

– А по отчеству?

– Иванович…

– Дурак твой хозяин, Хесус Иванович… Это же надо – пиццу развозить сейчас… Кому сейчас пицца нужна? Дай мне вон ту коробку, – попросила Циркуль Керка.

– Хозяин сказал: вези. Там платят за доставку втридорога. – Хесус пожал плечами. – Я и повез.

– Значит, дурак не ты, а твой хозяин.

– Жаль, запить нечем, – пробормотал Логус, жуя. – Пивом, например. А вообще явление чудесное, конечно. Пятью хлебами…

– Тут не пять. Тут больше, – сказал Керк.

– Иисус Христос напитал жаждущих и страждущих пятью хлебами и сколькими-то там рыбами, – пояснил Логус. Пожевав еще немного, он с интересом повернулся к негру-разносчику: – Как, ты сказал, тебя зовут?

– Хесус. Иванович…

– Хесус – сиречь Иисус. Иванович – Иоаннович… Отец не плотником ли был?

– А это имеет значение? – спросил Макс. – Христианство теперь удел коллекционеров. Логус махнул рукой:

– И все-таки?

Негр сидел с удивленно выпученными глазами:

– А как вы догадались? Мой папаша мастером деревообработки в Скандинавском Куполе работал, пока сюда не переехали…

– Она, – сказала Циркуль. – А рыба где?

– Какая рыба? – спросил Керк.

– Там пицца была с анчоусами, – развел руками Хесус. – Съел, наверное, кто-то…

– А на фига тебе рыба? – снова поинтересовался Керк.

– Это из области легенд… – неопределенно отозвался Логус, а затем заботливо спросил парнишку: – Наелся?

– Да вроде… Вот еще кусок съем, и полный порядок. Пойду, а?

– Раскатал губу. Куда ты там пойдешь? Сиди уж, пока дождик не кончится.

При этих словах Логуса Керк тихонько хмыкнул.

– Рассказал бы что-нибудь, – продолжил Логус. – Тут у нас развлечения такие… В пору волками выть, а мы байки травим. Историю какую-нибудь давай. А то скиснем совсем. Ты про убийц каких-нибудь или там еще что… Легендарное такое. Знаешь?

– Легендарное?

– Ну вот… – Логус поводил в воздухе руками, словно подбирая нужные слова. – Про Алекса рассказываем. А кое-кто даже в этом всем мораль определенную видит. Что-нибудь такое?

– Про мораль не знаю… – сказал Хесус. – А про бандитов могу.

– Нет, нужно с моралью! – настойчиво повторил Логус.

– Да отвяжись ты от мальчишки, – раздраженно сказала Циркуль. – Пусть рассказывает, что знает. Что он там может придумать…

Хесус шмыгнул носом. «На мальчишку он вряд ли тянет, лет восемнадцать, – думал Керк, протягивая парню обруч. – В его годы уже пускаются во все тяжкие».

– Бери визуализатор, чего смотришь? Негр замахал руками:

– Нет-нет, я так, словами, хорошо? У меня так лучше получается…

– Ну, валяй словами. – Логус поудобнее уселся, выбрав место, чтобы не капало.

«Сидящие»

Как показал Зенон, лягушка никогда не достигнет конца трубы, если длина каждого ее нового прыжка составляет половину длины предыдущего. Всегда будет оставаться малое, но вполне реальное расстояние.

Филипп К. Дик. О неутомимой лягушке

Когда Хесусу Кристу предложили поработать наркокурьером, он вначале не согласился, а потом согласился. Причин тому было три.

Первая – Хесус отчаянно нуждался в деньгах. Как известно, в шестнадцать лет человеку денег нужно особенно много, а у Хесуса их практически не было. Отец маялся без работы, и его пособия вместе с зарплатой матери хватало только на пропитание и маленькую квартиру в непрестижном районе.

Вторая – Хесус не мог найти работу, а перевозить наркотики – все же работа. Можно успокоить родителей, не говоря им, само собой, что он такое перевозит.

Третья, и, пожалуй, главная – поработать курьером Хесусу предложил сам Тоби Упаковка. На самом деле его звали Тоби Лангелла, а прозвище появилось из-за его привычки говорить вместо «пристрелить» или «замочить» – «упаковать». Придя в обычное место своего обитания, маленький бар «Сигма», Тоби всегда говорил что-то вроде: «Ну, скольких черных сегодня упаковали желтые?» или «Вы слышали, старого негодяя дядю Борю наконец-то упаковали какие-то недомерки».

Разговор произошел на кладбище. Это было нормальное частное, крытое специальным куполом кладбище, каких в их районе не так уж мало, и принадлежало оно суетливому чернявому толстуну по кличке Овал. Кладбище носило имя своего владельца – «Овал», вероятно, еще и потому, что и снизу и сверху территория была окружена куполом. Получалась такая сфера, из которой ничего не могло утечь в почву или в систему канализации… Похоронить здесь покойника стоило больших денег, но сегодня хоронили приятеля Упаковки, рыжего Стоуна. Стоун попал в переделку с дорожной полицией, «упаковал» двоих патрульных, но и сам полег в бою. Овал был Упаковке обязан и

посему пообещал схоронить Стоуна на своем кладбище.

Кроны кладбищенских деревьев (они были синтетические, но мало кто о том знал) заливало яркое солнце, точнее, его искусная голограмма, проецируемая на малый купол кладбища несколькими проекторами. В хозяйстве Овала поддерживалось даже некое подобие смены сезонов. Сейчас над могилами стояла весна. У вырытой могилы причитала мать Стоуна, неопрятная жирная старуха. Тут же стоял священник церкви Седьмой Станции. В Седьмую Станцию верил, по утверждению матери, Стоун, хотя никто из присутствующих такого за ним не замечал.

Хесус болтался почти у самого входа на кладбище в компании таких же малолеток без веса и значимости. Он входил в команду только по территориальному принципу и даже не участвовал ни в одной крупной драке или другом деле. На похороны он пришел, чтобы не выделяться, хотя Стоуна видел лишь несколько раз и лично знаком не был. Тем не менее Хесус надел свой лучший костюм, из которого вырос лишь чуть-чуть, и смотрелся на фоне растрепанных разноцветных сверстников скорбно и солидно.

Видимо, именно поэтому его и заметил Тоби.

Когда церемония закончилась и двое киберов стали забрасывать могилу землей, Хесус вышел на улицу, где был остановлен водителем Упаковки, хмурым волосатым мужчиной.

– Что случилось? – спросил Хесус.

– Сядь в машину и сиди там, – велел водитель, подтолкнув его к открытой дверце небесно-голубого «Бьюика». Хесус с опаской сел на мягкое сиденье. В салоне пахло мятой, впереди бормотал монитор, шел футбольный матч в антигравитационном поле.

Спустя пару минут появился Упаковка.

– Подвинься, – сказал он. Хесус подвинулся.

– Закрой дверь.

Хесус закрыл дверь. «Бьюик» тронулся и медленно поехал вдоль замусоренного тротуара.

– Ты – парень Кристов, точно?

– Да, сэр, – сказал Хесус.

– Без сэров. Тут Европейский Купол, а не какой-нибудь долбаный Британский и Американский, уж точно, парень, – улыбнулся Тоби. – Зови меня Тоби.

– Хорошо, Тоби.

– Ты болтаешься без дела, так ведь? Я видел тебя с этими придурками – Флипом, Пузырем, Болтом… Кончай с ними шиться. Дальше, чем ограбить газетный автомат, они не пойдут. Тебе это надо?

– Не надо.

– Правильно рассуждаешь, парень. Разумно. К тому же ты не кибер, не совал в себя эти модные штучки, я проверял… Поэтому ты мне и нужен. Для тебя не секрет, кто такой Тоби Упаковка, правда?

– Н-ну… Да, наверное.

– В этом районе много что продается и покупается, и не все ты можешь приобрести в супермаркете. И то, что нельзя приобрести в супермаркете, продаю я. «Гарь», Ди-Си, «ноакс», «матрикс» – все, что хорошенько вставляет. И не только на этом уровне. Не говоря о том, что хорошенько стреляет, разумеется. Но про пушки и прочее я с тобой рассуждать не буду, а вот про дурь поговорю. Мне нужен надежный человек, который мог бы делать для меня всякие вещи. Например, отвезти небольшой груз туда, куда я скажу. Что за груз, ты понял, да, парень?

– Понял, Тоби.

– Вот так.

«Бьюик» свернул и поехал по бульвару. Среди изломанных худосочных полуискусственных тополей, к каждому из которых были приставлены дешевые инициаторы роста, ржавел остов бронетранспортера – напоминание о прошлогодних межквартальных беспорядках.

– Бардак… Никак не могут убрать, – посетовал Тоби и вернулся к разговору: – Платить я тебе буду хорошо, так что на твоем месте, парень, я бы не задумывался. О! Да если бы мне в твои годы сделали такое предложение, я бы обделался, честно тебе говорю! Ты этого, конечно, не делай, здесь дорогая обивка… Хе-хе. Ну, ты согласен?

– Да, – сказал Хесус.

На следующее утро его вызвал Флип и поинтересовался, поедет ли он в салон «Ромеро», где презентовали новую игру и можно было порубиться на халяву, что в трущобах встречается не на каждом шагу.

– Извини, Флип, я занят, – сказал Хесус, вспомнив вчерашнее пожелание Тоби быть под рукой.

– Зря. Там будут «Косые», можно прилично подраться.

– Пошел к черту, Флип, – буркнул Хесус и отсоединился. И правильно, потому что ему сразу позвонил Вонючка Мпенза, один из клевретов Упаковки. Не тратя времени на предисловия, он заявил:

– Через сорок минут на пятой линии, возле старого супермаркета, желтый «Кайман». Понял?

– Понял, – сказал Хесус.

Старый супермаркет все собирались снести, да никак не

сносили. Одно время там ютились бомжи, но полицейские облавы вынудили их переместиться в другое место. Потом там недолгое время находился кружок педофилов, а с введением шестнадцатого пункта в кодекс патруля, позволяющего стрелять на месте за сексуальные преступления, и педофилы ушли в небытие, после чего здание тихо-мирно ветшало и кренилось. Периодически там кого-нибудь насиловали или резали, жильцы окружающих домов писали гневные письма в муниципалитет района, но ничего не менялось. Это же трущобы.

Над входом все еще висела огромная полинявшая афиша фильма «Парикмахер из Сибири». Что это за дерьмо, Хесус не знал, – наверное, какая-то старая картина. Судя по афише, историческая. На исторические фильмы Хесус не ходил, только на неовестерны и космические боевики, ну, еще на комедии. Три раза он был в порнокинотеатре «Квест», но ему не понравилось: цены большие, а ощущения те же, что у Флипа на приставке. Приставка, конечно, штука не совсем легальная, а родители Флипа могут надрать ему задницу, если узнают, но Хесус потихоньку и сам мечтал о такой.

Что ж, теперь, работая на Упаковку, ее вполне можно будет купить…

Желтый «Шевроле-Кайман», покрытый пылью, затормозил у фонарного столба, исписанного граффити. В открытое окошко высунулась косматая рожа, и Хесус вздрогнул – это оказался не кто иной, как Пузан Рози.

Пузан был личностью эпической. О нем ходили самые ужасающие слухи, в том числе касаемо его половых и гастрономических предпочтений. Выглядел Пузан соответственно: заросшая бурым спутанным волосом голова с еле намеченными отверстиями глаз и проплешиной низкого лобика, бочкообразный торс, мускулистые руки (все такое же косматое), кривые ножки… Особенно отталкивающей была его пасть, неожиданно распахивающаяся на мохнатом лице и усеянная ярко-зелеными флюоресцирующими клыками. По слухам, операцию по вживлению клыков Пузан делал где-то очень далеко еще в юные годы, когда (опять же по слухам) служил в армейских спецчастях. Возраста Пузана Рози никто толком не знал, а работал он с незапамятных времен на самых плохих парней в округе.

Хесус никак не ожидал, что его водилой будет Пузан.

Пузан же, напротив, рыкнул что-то ободряющее и махнул ручищей, приглашая его в машину.

Хесус забрался на заднее сиденье и велел себе успокоиться. В конце концов, Пузан еще никого не съел, что бы там о нем ни рассказывали, и сюда он приехал по заданию Упаковки. Они –

напарники, вот оно как. Я и Пузан. Вот уж прозвучит! Вечером намекну Флипу и придуркам, что, пока они рубились в игрушки, я работал с самим Пузаном Рози».

От этой мысли Хесусу тут же полегчало. Еще более смягчил обстановку сам Пузан, протянувший Хесусу жвачку.

– Без дури, – буркнул он. – С дурью нельзя. Работа.

Хесус сунул в рот жвачку, оказавшуюся мятной. В салоне пахло потом, пивом и какой-то химией.

– Тебя звать Хесус? – осведомился Пузан.

– Ага.

– А меня Пузан. Да ты знаешь.

– Точно.

Пузан громко рыгнул и почесал брюхо, торчавшее из-под разошедшихся пол кожаной куртки-безрукавки.

– Постоим тут минуту, еще один человек подойдет, – пояснил он. – Может, радио включить? Только я радио не люблю. По радио всегда голубые поют. Не осталось ни одного приличного клуба, где нормальные люди поют свои нормальные песни. Вот ты, я вижу, черный парнишка. Ты знаешь ваши черные песни?

– Ну… бабушка пела как-то. Только я не помню точно слова, – признался Хесус.

– Вот. Не помнишь… – Пузан снова рыгнул, деликатно отвернувшись к окну. – Ничего люди не помнят… Куда катится мир! Ты не скажешь мне, парнишка, куда катится мир?

– Угадай. Подсказываю: первая буква «з», последняя – «а».

– Задница?

– Правильно! – обрадовался Пузан и снова рыгнул. – Вот видишь, – пожаловался он. – Каша из пластика, мясо из дрожжей, хлеб из дерьма… Пиво – ПИВО!!! – из какой-то мочи, от которой все мы сдохнем рано или поздно. Ладно, черт с ними, вон идет наш приятель.

«Нашим приятелем» оказался Бенни Маккарти, чернокожий из соседнего с Хесусовым жилого блока. Пару лет назад он играл в тяжелый баскетбол, но выбыл из-за травмы и с тех пор занимался не слишком хорошими делами.

Он погрузился на заднее сиденье и хлопнул Пузана по плечу:

– Здорово, толстый! А это что за тип?

– Парнишку зовут Хесус. Новый человек Тоби.

«Новый человек Тоби»… Хесусу понравилось, как это звучит. Отныне он – не просто черный мальчик с улицы, а человек Тоби, и каждый должен разговаривать с ним, как с человеком Тоби.

Впрочем, весь пафос сразу разрушил Бенни, заявив:

– Какой это на хрен человек Тоби? Это поганый сынуля Кристов, я его отлично знаю.

– Тебе не все равно? – спросил Пузан.

– Да нет… Все равно, в принципе. Хрен с ним. Куда едем?

– Парнишку закинем в Бедлам, а потом тебя отвезу.

– Ни хрена. Сначала везем меня, потом этого молокососа. Иначе я опоздаю. В Бедламе пробки еще те, даже по верхнему ярусу хрен проскочишь.

– Как скажешь, – пожал плечами Пузан.

– Только сначала я сяду вперед.

Водить Пузан умел, ничего не скажешь. «Кайман» сновал меж несущихся по автостраде-53 автомобилей и прочих самодвижущихся аппаратов с редкой здесь скоростью. Бенни курил, высунув локоть в окно, а Хесус трясся на узком заднем сиденье – конструкторы «Каймана» явно не позаботились об удобствах пассажиров, сидящих сзади, – и старался не думать, что случится, коли очередной маневр Пузана Рози не удастся и их стукнет хотя бы во-он тот контейнеровоз ярко-оранжевого цвета мочи после приема дозы «пинко».

Но контейнеровоз их не стукнул, а дорожный полицейский на перекрестке хоть и тормознул, но всего лишь поздоровался с Пузаном и взял у него какой-то пакетик.

– Что за шпендрик? – кивнул полицейский на заднее сиденье, где ютился Хесус.

– Хороший парнишка.

– Ну-ну, – неопределенно сказал полицейский.

Наверное, Хесус стал бы полицейским, будь У него все в порядке со здоровьем. К сожалению, по семи пунктам он не проходил, и потому в подготовительное училище его не взяли. Мать тогда очень расстроилась, а ведь сейчас он тоже мог бы вот так стоять на перекрестке, рядом с тяжелым черно-белым трициклом, украшенным мигалками и ультразвуковыми глушилками, с пистолетом на поясе, в блестящем шлеме, очках-визорах… Возможность стать полицейским была единственной возможностью вылезти из трущоб. Или хотя бы вести и тут нормальное существование.

«Ладно, я и у Тоби устроюсь не хуже, – решил Хесус. – Вот только бы поменьше таких уродов, как Бенни, которые в ноль тебя не ставят…»

Тот как раз повернулся к нему и спросил, выдохнув мутное облачко дыма:

– А с чего это ты, малец, перестал теребить банан и занялся настоящей мужской работой?

– Потому что у меня есть достойный сменщик, – нагло ответил Хесус.

– И кто же?

– Ты.

Пузан заржал, Бенни подумал мгновение и тоже заржал.

– Он сказал, что ты будешь вместо него теребить банан, – прохрюкал Пузан, толкая Бенни в бок.

– Каков подлец!

– А ты думал!

– Чего вы смеетесь? – спросил Хесус, который счел шутку неудачной и приготовился к разборкам. Потом хмыкнул и сам засмеялся.

– Ты хитрый хрен, – сказал Бенни, выбрасывая окурок в окошко. «Кайман» стоял в пробке. – Считай, ты мне начинаешь нравиться. Но больше не говори так.

– Как?

– О том, что я буду теребить банан…

Они снова заржали, и Хесус подумал, что они с приветом. Но не такие уж плохие парни, особенно Пузан. Да и Бенни, с которым он и раньше вполне мог познакомиться, но почему-то не стал… Или не смог? Да, черта с два Бенни стал бы знакомиться с таким недомерком. Зато теперь они едут в одной машине, и он сейчас даже попросит у Бенни закурить.

– Угости сигаретой, Бенни.

– Держи. – Тот протянул Хесусу пачку «Мишн» и дешевую зажигалку. Хесус закурил.

Бар «Оксиген» располагался в приземистой пирамиде. Раньше тут находился то ли банк, то ли чей-то офис, но потом, после очередных беспорядков, деловой люд отсюда ушел, а пустовавшее здание прибрал к рукам человек по имени Фрэнсис П. Оксиген. Потому-то бар так и назывался.

– Я быстро, – сказал Бенни и выскочил из машины, как только Пузан припарковал ее на почти пустой стоянке.

– Веселый парень, – сказал Пузан, глядя ему вслед. – Как его до сих пор не пристрелили? У нас был один такой в роте. Тоже черный. Черные парни, они веселые… Ты не подумай, я ничего не имею против черных, – добавил он, через плечо оглянувшись на Хесуса. – У меня знаешь сколько было черных подружек?

– А я ничего, – сказал Хесус, жуя.

– Вот в западных кварталах, там вашего брата не любят. Хотя чего бы это… Ты не хочешь промочить горло, пока он там возится?

– А что у меня за задание? Никто ничего не сказал…

– Я тебя подброшу в Бедлам, там выйдешь из машины и пойдешь в магазин Вильямса. Скажешь Вильямсу – такой тщедушный тип с длинными патлами, – что ты из клуба «Серсо». Он тебе даст сумку, которую ты отвезешь уже не на мне, а на

монорельсе на бульвар Второй Экспедиции, дом 98, квартира 1004. Там будет ждать девчонка, отдашь сумку ей, она отдаст тебе деньги. И домой. Деньги на монорельс есть?

– У меня ученический жетон. Поддельный…

– Вот тебе монета. – Пузан сунул несколько банкнот. – Из суммы, что даст тебе та девчонка, возьмешь пятьдесят, остальное вези домой и жди указаний. Вот и вся диспозиция. А теперь давай промочим горло.

Хесус вошел в бар окрыленным. Пятьдесят монет вот так, за поездку через город, плюс возможность провести время с девушкой, плюс останется какая-то мелочь из того, что дал на проезд Пузан…

Отлично!

Все просто замечательно!!!

Не нужно будет клянчить деньги у родителей, не нужно таскаться по улице с тупицей Флипом (который в глазах Хесуса падал все ниже и ниже), все будут смотреть на него с уважением и боязнью, потому что он работает на Тоби Упаковку… Надо бы еще завести себе пистолет, хотя бы такой, который разрешают носить легально, а там посмотрим.

– Двести горючего мне и пиво парню, – велел Пузан, опускаясь на большой круглый табурет у стойки.

Хесус хотел было возразить и попросить что-нибудь поударнее, но Пузан предостерегающе поднял руку:

– Тебе работать. Отрываться будешь вечером. Не хватало, чтобы тебя замели пьяного с мешком наркоты. Это будет анекдот, только тебя потом прикончат.

Бар был как бар, в своем районе Хесус посещал с десяток таких же. В углу – игровые автоматы, бармен, как и все бармены, усатый, лысый и флегматичный, на стене – автомобильные номера и древние необъемные порноснимки. Публики почти нет, только три каких-то юнца и старуха пьет бурду – кофе, что ли…

Пиво оказалось холодное, но слабое. Хесус не стал спорить на этот счет, решив, что Пузану виднее. Бенни все не появлялся. Интересно, он в подсобке за спиной у бармена или тут есть еще какие-то потайные ходы и помещения?

В баре было много всего, но Хесус о том не знал. Как не знал и о том, зачем Бенни Маккарти приехал в бар «Оксиген» и что из всего этого получится в ближайшие несколько минут…

То, чего не знал Хесус, но о чем мог бы ему рассказать Бенни Маккарти.

В мусорном контейнере у черного хода кто-то опять рылся. В голове сразу же всплыла читанная в «Диспетч» история о вампире из Айронсберри, и Бенни пожалел, что оставил пистолет дома, но

тут сквозь шуршание пластиковых пакетов послышалось характерное поскрипывание давно не смазываемых суставов и шипение дряхлого динамика.

Робот-побирушка.

Заслышав шаги Бенни, робот повернулся к нему и трескуче сказал:

– Извините, сэр! Я просил бы в этот трудный для меня час протянуть руку помощи! Не найдется ли у вас десяти кредиток или пинты масла? Я стар, мои суставы изношены, а механизм координации нарушен… Я не в состоянии прожить на мизерное пособие, выделяемое комитетом социальной защиты роботов… Коррозия преследует меня по пятам…

– Иди, иди, – недовольно буркнул Бенни, открывая дверцу машины. – Бог подаст.

Робот вернулся к своему контейнеру, что-то бубня под нос, а Бенни завел мотор и вывел «шеви» из переулка на практически пустой по ночному времени бульвар. Под корявыми голыми деревьями бродили тени – продавцы дури и компьютерных штучек встречались с клиентами. Чуть дальше, возле светящейся витрины стереокино, переговаривались проститутки в сверкающих нарядах. Метрах в пяти возле машины скучал патрульный полицейский, попивая кофе из пластикового стаканчика. На бульваре Гора все было как всегда.

Стоянка около «Беатрис» была заполнена мини-мотоциклами, поодаль стоял малиновый «Кадиллак» Стоппарда. Остальные либо добирались своим ходом, либо еще не прибыли. Бенни припарковал машину, проверил, надежно ли заперты дверцы, включил сигнализацию и «автобульдога» и направился в бар.

Отвратительного вида подростки в ослепительно белых куртках сосали у стойки коктейли с фэнтезином и ПП-66 – очевидно, это была одна из местных мотоциклетных банд, которые постоянно ссорились между собой. Из скрытых динамиков звучала поганая ноющая музыка, словно сыгранная на бормашинах. Не обратив на сопляков внимания, Бенни кивнул бармену – сегодня работал Джорди – и прошел в отделенный тяжелой занавесью зал.

Все были здесь. Стоппард и Лири пили пиво за своим любимым столиком, Барт надувал возмущенно мигающего огоньками «Военно-воздушного ветерана», а Волосатый и Уэбстер играли в старый добрый бильярд.

– А вот и Бенни, – сказал Волосатый, уставив кий ему в грудь, словно дробовик. – Привет, Бенни.

– Привет, парни. – Бенни поздоровался со всеми за руку и присел за столик.

– Попей пива, – предложил Стоппард, подвигая свою кружку. – Еще не все собрались.

– Разве?

– Ждем одного парня, из-за которого и случилась сегодняшняя вечеринка. Не буду тебе ничего заранее рассказывать, чтобы потом не повторяться, но это должно быть интересно. Если, конечно, он не сдрейфит и придет. – Стоппард взглянул на тонкую пластинку наручных часов «Картье». – А он, кстати, опаздывает уже на три минуты.

– Как думаешь, «Гиббоны» возьмут кубок? – влез с неизменными разговорами о тяжелом баскетболе Лири.

– После того как им запретили брать русских? – фыркнул Бенни. – Вот уж вряд ли. Скорее, кубок светит «Вампирам».

– «Вампирам»? Ты хочешь сказать, что Бернтон и Эдмундссон сделают им игру? – вскипел Лири. – Да они держат мяч, словно обожравшиеся дури шлюхи! Ты видел, как они играли с «Ниггерами»?

– Тихо, тихо, – успокоил его Стоппард. – Вот и он, наш чудный парень.

Вошедший выглядел в баре лишним и неуместным в своем светло-коричневом костюме от Чедвика и сияющих туфлях из натуральной кожи. По брючине его расплывалось пенистое пятно – не иначе, кто-то из мотохулиганов плеснул потехи ради коктейлем. «Чудный парень» рассеянно озирался по сторонам, словно бы ища кого-то и не находя.

– Мистер Кроун, сэр! Я здесь! – громко сказал Стоппард и поднял руку с бокалом. «Чудный парень» близоруко сощурился, заулыбался и прочапал к ним, выписав сложный вираж между катающим шары Волосатым и громящим «Ветерана» Бартом.

– Здравствуйте, мистер Стоппард. – Кроун протянул руку. – Здравствуйте, сэр. Здравствуйте, сэр.

Бенни пожал его потную ладошку. «Чудному парню» с виду было лет тридцать, и он походил на банковского работника среднего звена либо на адвоката не из особо известных.

– Это – мои компаньоны. – Стоппард кивнул на сидящих. – Мистер Маккарти, мистер Лири. Вот тот господин, столь любящий боевые игры, – мистер Барт. А эти двое бильярдистов – мистер Уэбстер и мистер Франческоли.

Волосатый глупо хихикнул. Мистером Франческоли его называли охранник в тюрьме в час прощания и налоговый инспектор.

– Присаживайтесь, мистер Кроун. – Стоппард придвинул свободный стул. – Господа, мистер Кроун – ответственный сотрудник Трансатлантического банка. Мы с ним познакомились

случайно при обстоятельствах, к нашей сегодняшней встрече отношения не имеющих, не так ли, мистер Кроун?

Кроун растерянно кивнул.

– А собрались мы потому, что мистер Кроун хочет сообщить нам одну важную вещь. Эй, парни! – позвал Стоппард. – Давайте-ка бросайте свои игры и идите сюда.

Когда все «компаньоны» расселись вокруг, Кроун прокашлялся и сказал:

– Вообще-то дело пахнет крупной суммой…

– Сколько? – без обиняков спросил Барт.

– Я полагаю, что-то около десяти миллионов.

– Десяти миллионов чего? – поинтересовался Уэбстер, закуривая. – Если старых, то я еще подумаю.

– Нет-нет, – встрепенулся Кроун. – Около десяти миллионов универсальных кредитов Анклава. Я думаю, даже немного больше.

– Так. – Барт поскреб щеку. – Это будет по миллиону четыреста на каждого. Примерно.

– Хорошее дело, – одобрил Уэбстер. – рассказывайте дальше. Я не уверен, что они вот так просто где-то лежат и ждут, чтобы мы их поделили.

– Разумеется, – улыбнулся Кроун. – Эти десять миллионов вообще пока не существуют в природе. Существует вещь, которая стоит таких денег, и человек, который не прочь эту вещь купить. И вещь эта сегодня хранится в нашем банке.

– Постойте, – осенило Бенни. – Вы, часом, не об архиве Исибаси говорите? Читал я что-то подобное…

– О нем, – подтвердил Стоппард.

– Тогда о каких десяти миллионах может идти речь? О миллиардах!

– Да, но где вы найдете безумца, который купит архивы, мистер Бенни? – Кроун смотрел на него, как на слабоумного ребенка, и Бенни заткнулся. Действительно, реальная стоимость архивов во много раз выше десяти миллионов, но найдется ли желающий их купить? А если кто-то предлагает за них десятку, то и надо брать десятку.

– А что это вообще такое? – спросил Волосатый, он же мистер Франческоли.

– Масаси Исибаси – промышленник, который скончался два года назад. Разработчик ряда новейших компьютерных систем и программ, талантливый конструктор, поэт… В своем завещании он распорядился передать все архивы – а в них содержится масса информации, сверхценной для этой отрасли, – единственной дочери. Но беда в том, что его дочь через две недели после

смерти отца погибла в авиакатастрофе. Этот кошмарный случай, когда самолет ТВА не вписался в причальный шлюз и врезался в край Азиатского Купола.

– Стало быть, наследников у покойного старика теперь нету, – заключил Волосатый.

– Именно так. Но и это было предусмотрено в завещании, – торжественно сказал Кроун. – В случае, если единственная наследница погибнет, что и произошло, архивы передаются на хранение Трансатлантическому банку, где и пребывают на протяжении сорока лет, после чего они должны быть преданы огласке.

– Ничего не понимаю, – скривился Барт. – Какой в этом смысл?

– Видимо, старик наизобретал что-то такое, что доверил бы только дочурке. Опередил, так сказать, свое время, – пояснил Уэбстер.

– Точно, господин Уэбстер, – согласился Кроун. Бенни обратил внимание, что пятно на его брюках почти высохло, но приобрело ярко-розовый цвет – видно, коктейль был с изрядной дозой ПП-66.

– И вы, стало быть, намерены их спереть, – продолжил мысль Барт. – Классная идея.

– Не так уж она и хороша, – скромно сказал Кроун. – Дело в том, что архивы записаны на микрокристаллах. Чтобы их распаковать, нужно знать код. Так получилось, что его знали дочка старика и я.

– С чего бы вдруг? – спросил Уэбстер.

– Через сорок лет архивы пришлось бы вскрыть, и кто-то обязан был знать код. Разумеется, он хранится в записанном виде вместе с архивами, но, чтобы его прочесть, нужно знать другой код, так что вся эта история очень запутана и человек со стороны просто не сможет получить никакой информации.

– Почему это вам так доверяли? – недоверчиво прищурился Лири.

– Я – племянник Тауншенда, президента банка. У меня хорошие перспективы. Не исключено, что я сменю его на этом посту.

– Так на кой хрен тебе эти деньги, приятель? – расплылся в улыбке Волосатый. – Подсидишь дядюшку, тебе эти миллионы будут что мне жестянки для пивного автомата.

– Это еще когда будет, – резонно возразил Кроун. – А обстоятельства сложились так, что деньги мне нужны именно сейчас. Если можно, я не буду говорить зачем.

– А нам и неинтересно, – буркнул Волосатый. – Зачем нам

знать, куда ты денешь свою жесть.

– Это еще не все. Возможно, я бы никогда не решился на подобную акцию, если бы не совершенно случайно подвернувшийся покупатель. Я долго раздумывал, а потом решил: почему бы нет? Тогда я связался с мистером Стоппардом, ввел его в курс дела, и вот мы все здесь.

– Заманчиво, – сказал Уэбстер. – Очень заманчиво. Но я не слышу ничего о том, как нам раздобыть эти архивы. Мы их можем вскрыть, мы их можем продать, но их у нас пока нет. И я подозреваю, что добраться до них ой как сложно. Поправьте меня, мистер Кроун, если это не так.

– Все так, – согласился Кроун. – Архивы хранятся в блоке номер один, в главном корпусе банка. Но на следующей неделе, а именно второго августа, там будет проводиться профилактика. Это ежеквартальное мероприятие, и на время его проведения, чтоб вы знали, все хранимые объекты с индексом выше «В-2» транспортируются в резервный блок, который находится достаточно далеко от блока один – на Дезерт Стормлайн. Только что я открыл вам большую банковскую тайну, господа, надеюсь, вы это оцените. Перевозят объекты в простом банковском фургоне под усиленной охраной, но без особой помпы, чтобы не привлекать лишнее внимание. Так что теоретически перехватить груз не составляет труда. Плюс к тому вы имеете шансы получить много других ценных вещей, которые меня не интересуют, и распорядиться ими по своему усмотрению.

– Я так понимаю, сумма вознаграждения увеличится? – поднял брови Барт. – Что ж, это интересное дело. Давайте подробнее, сэр. Что там за фургон с охраной?

– В девять часов утра фургон забирает из блока объекты. Это стандартная банковская машина – тяжелый черный «Субару» с номером «16» на борту. Экипаж – водитель с охранником впереди, трое охранников в фургоне, все в бронежилетах ЛК и в защитных масках. Вооружение – пистолеты, автоматы М-77, гранаты с паралитическим газом. Далее – усиленная охрана. Впереди движется автомобиль с четырьмя сотрудниками службы безопасности банка. С виду это простая легковушка, но на самом деле там стоит усиленный кузов, пуленепробиваемые стекла и мощный мотор. Такая же машина идет сзади. Я не знаю, какие конкретно это будут машины, но в гараже службы безопасности есть девять автомобилей, использующихся для этих целей. Да и, собственно, все они одинаковые… Но я дам вам их полное описание на днях.

– Значит, еще восемь рыл с оружием, – заключил Бенни. – Надеюсь, это все?

– Есть еще вертолет, – скромно сказал Кроун. – Вертолет с эмблемой службы новостей Эй-эн-ди, который контролирует ситуацию с воздуха. На нем установлена автоматическая пушка и пусковые рамы для управляемых ракет.

– Твою мать! – восхищенно выругался Волосатый. – Это ж целая война! Кстати, разве использование такого вооружения в куполе не запрещено?

– Запрещено. Но это же банк. И это война, – согласился Стоппард. – И мы должны придумать, как эту войну выиграть без потерь. Я думаю, это вполне реально.

Все некоторое время помолчали, только слышно было, как попискивает в одиночестве «Военно-воздушный ветеран».

– Вы нам не рассказали о покупателе, мистер Кроун, – сказал Лири. – Согласитесь, это немаловажная информация.

– Позвольте пока об этом не говорить, – поднял руку Кроун.

– Ладно, – отрезал Стоппард. – Будем обсуждать программу-минимум. Мистер Кроун, вы можете идти. Если нам понадобится дополнительная информация, мы с вами свяжемся.

– До свидания, господа. – Кроун откланялся и ушел.

– Если этот тип не наврал нам, то на следующей неделе мы станем оч-чень богатыми людьми, – не обращаясь ни к кому конкретно, пробормотал Барт.

– Ага. И всего-то надо: прикончить целый взвод охраны, сбить вертолет и распотрошить банковский фургон, – ехидно добавил Лири. – Ты представляешь себе, как это сделать?

– Ну, вертолет действительно можно сбить, – деловито сказал Волосатый. – Я знаю парня, который может продать нам переносной зенитный комплекс «Ассегай». Юаровский, совсем свеженький, в смазке.

– Ты всерьез собираешься сбивать вертолет из переносного ЗРК? – уставился на него Лири.

– А почему бы и нет? Уверен, у меня получится. Я воевал за Тринидад, в островном куполе, стрелял из похожей штуки.

– Ну вот. Штатный зенитчик у нас уже есть, – подытожил Стоппард. – Ладно, давайте не будем терять время в этой дыре и распределим задания. Волосатый, занимайся своей зениткой. Постарайся найти этого торговца до утра и сообщи, сколько он хочет. Бенни, утром повертись возле банка и посмотри, что там и как. Барт, Уэбстер, подумайте насчет вооружения. Вы слышали, что сказал этот хлыщ. А мы с Лири прощупаем этого героя – тот ли он, за кого себя выдает, и чего он нам мог не сказать. Заметано?

– Заметано, – сказал за всех Барт.

– И еще нам нужен специалист по электронике. Вернее, не то

чтобы специалист, а умный человек, который не даст себя и нас обуть. Мне плевать на дополнительную долю, но нам нужен профессионал.

– Заметано, – повторил Барт и звучно икнул.

После ухода из спорта Бенни работал в небольшой гостинице «Родео» мастером по ремонту раздаточных автоматов. Так называлась его должность официально. На самом деле автоматы чинили мастера из компаний, которым они принадлежали, а Бенни совершал редкий мелкий ремонт. В остальное время он был мужиком по вызову. Полуофициально. Совсем неофициально он занимался делами, о которых не принято говорить вслух.

В любом отеле, маленьком или большом, всегда есть женщины, которые ищут приключений. И если мужик в таком случае идет в ближайший бордель или кабак, то баба, как правило, боится нарваться на маньяка и начинает искать клиента поблизости. Портье и всяческие коридорные на эту роль не годятся, ибо несут свой тяжкий крест и отвлекаться возможности не имеют. И тут появляется Бенни.

В эту ночь заказов вроде бы не поступало. Бенни сидел в холле с номером спортивного журнала в руках и болтал с ночным портье по имени Эксл, который ему искренне завидовал.

– Ну, и как они в основном? – спрашивал Эксл, нависая над своей стойкой.

– Шлюхи и есть. Они, знаешь ли, мало чем друг от друга отличаются, – философски ответил Бенни, шурша пластиковыми листами. – Что у тебя, девки не было, что ли?

– Есть и сейчас. Но она-то мне не платит…

– И радуйся. По крайней мере, тебе не надо иметь с ней дело, когда тебе этого не хочется.

И вообще, я люблю баб, но не тех, которые мне платят за это деньги. Лучше я сам заплачу и буду знать, что я – покупатель, а она – товар, а не наоборот. Ну, может, задаром я бы тоже согласился… Эксл проглотил слюну.

– Если хочешь, я переговорю с Ирвином, будешь меня подменять, – радушно предложил Бенни, прикидывая, что Эксл может пользоваться успехом, особенно у пожилых леди. Что-то в нем есть такое детское, невинное…

– Это было бы неплохо. С меня тогда вечер в «Парадизе», – расплылся в улыбке Эксл.

Конец смены был в пять утра, и Бенни сменил Брюс – неразговорчивый здоровенный парень с улыбкой питекантропа. Он получил журнал, словно эстафетную палочку, и грузно рухнул в кресло.

Бенни зашел в кафе при гостинице, выпил чашку поганого

синтетического кофе «Ямайка» и проглотил две стимулирующие таблетки. Потом уселся в свой «шеви» и поехал посмотреть на банк.

Трансатлантический помещался на юго-западной окраине города, среди утопающих в искусственной зелени коттеджей. Это был один из немногих на нижнем уровне благоустроенных районов, жители которых активно, часто с оружием в руках, сопротивлялись нашествию придонной «грязи». Несколько стеклобетонных кубов, над ними реет огромная голографическая эмблема. Стоянка заполнена разномастной техникой, а вон и ворота. Оттуда, надо полагать, и выезжают обычно банковские фургоны.

Бенни заметил на противоположной стороне улицы какую-то забегаловку, подъехал туда, взял коку и бутерброд с фрикадельками и принялся спокойно завтракать, наблюдая за происходящим вокруг.

Во всей истории с архивами Исибаси было куда больше смысла, чем казалось с первого взгляда. И разумный человек Стоппард собрал всех, кому мог доверять и кто мог оказаться полезным.

Барт вроде бы собирался завязывать, но у него семья, дом, дочь в колледже. При этом Барт отличный стрелок и драчун, светлая голова и честный товарищ.

Волосатый, конечно, не из мудрецов, но зато хорошо разбирается в оружии. Достаточно ему две минуты повертеть в руках самую замысловатую пушку, и он уже сумеет ее зарядить, починить и, естественно, кого-нибудь с ее помощью прикончить. За Волосатым нужен глаз да глаз, потому что самодеятельность не для него, но в остальном недостатков у этого парня нет. В такую интересную заварушку он полез бы даже бесплатно, а уж за деньги…

Уэбстер – тактик. Причем молниеносный тактик. Даже если бы он не был классным водителем, без него операция не обошлась бы.

К тому же он близкий друг Стоппарда, если только такое понятие существует.

Лири… Вот без Лири можно было бы и обойтись. Как огневая единица он не лучше и не хуже кого-нибудь другого. Особых мозгов у него тоже не водится. Почему Стоппард позвал именно Лири, можно только догадываться. Что ж, под его ответственность…

И сам Бенни. После отсидки в Уайт Фоллз вроде нет особенного желания вновь встревать в авантюру со стрельбой, но ублажать наглых телок в «Родео» тоже не самое лучшее

времяпрепровождение. Смертной казни сейчас нет, тюрьмы Бенни не страшился, а если прикончат в перестрелке… Что ж, в конце концов, умирать не так уж и больно.

– Мистер?

Коп. Патрульный коп, молодой, рыжий, вон и трицикл стоит у тротуара – большой белый «Кавасаки» с лихо изогнутым щитом и дробовиком в специальном креплении. Однажды Бенни видел, как такой дробовик вставили копу в задницу и нажали на курок. Омерзительное зрелище.

– Что такое, офицер? – Бенни стер салфеткой соус с нижней губы.

– У вас задний номер сбит. Болтается на одном болте, – с улыбкой сказал коп. – Наверное, дети хотели стащить.

– Чертовы коллекционеры, – проворчал Бенни, вылезая из машины. Он присел у заднего бампера. Действительно, номерная пластина криво висела на одном болте.

– Вот видите, – сказал подошедший коп. – У вас есть подходящий ключ? Могу одолжить.

– У меня нет запасного болта, – вздохнул Бенни. – Я прикручу проволокой, а потом дома прикреплю посолиднев. Спасибо, офицер.

– Ерунда. – Коп кивнул и пошел к своей тарахтелке. Бенни еще застал времена, когда копы ездили на двухколесных «Харлеях». Не сказать что это прибавляло им народной любви, но выглядело все-таки приличнее.

Бенни допил коку, поискал мусорный контейнер, не нашел и осторожно затолкнул упаковку носком ботинка под машину. За это могли впаять денежный штраф, но снаряд два раза в одну воронку не попадает, да и коп уже отъехал.

«Что ж, значит, будем грабить фургон», – решил Бенни.

Волосатый радовался как ребенок. Он гладил зеленопятнистый металл переносного зенитного комплекса и бормотал:

– Ракета! Вот это ракета!

«Ассегай» помещался в небольшом сером ящике из толстого пластика с набитыми через трафарет индексами и надписью «Претория». Хозяин «Ассегая», толстый черномазый лет сорока, привез его полчаса назад на старом «Понтиаке», долго торговался и в конце концов уступил цацку за три тысячи плюс какие-то списанные с него долги, о которых знал только Волосатый. Негр не интересовался, зачем им такая штука, и Волосатый заверил, что он – человек надежный.

– Послушай, после того как мы собьем этот вертолет, полгорода будет искать парней с таким вот причиндалом. Где

гарантия, что твой черный друг нас не сдаст? – спросил Лири, ковыряя в зубах.

– Он продает такое дерьмо по десятку в неделю, – сообщил Волосатый. – Не думай, что мы одни такие умные и сбиваем вертолеты.

– А кто их еще сбивает?

– Не знаю. Может, есть любители. Или кому-то не нравится, что причальный шлюз находится слишком близко от его дома.

– Ладно, черт с ним. Ты уверен, что сумеешь попасть? Другой ракеты нет.

– Сумею. На Тринидаде я сбил «Ми-67» на высоте полмили. Видел бы ты, как он загремел оттуда.

Уэбстер тем временем раскладывал на столе автоматическое оружие – в основном короткие модернизированные «Калашниковы».

– Я знаю парня, который нам нужен, – сказал Барт.

– Ну так тащи его скорее сюда.

– Есть проблема…

– Что с ним такое? – нахмурился Стоппард. – Он гомик? Кибер? Подался в монахи?

– Хуже. – Барт помолчал. – Он русский.

– Черт тебя подери, и это проблема? Тут вокруг живет, наверное, миллион русских! – Стоппард обвел стены рукой.

– Это не русские. Это иммигранты из Российского Анклава, которые не знают, чем им заняться. А этот – настоящий русский, из России. Во что-то он там вляпался, теперь крутится здесь.

– А откуда информация? Может, он просто еще один ублюдочный неудачник?

– Нет, он знает толк в тачках и умеет стрелять.

– И где он?

– На горшке сидит, – сказал Барт, ухмыляясь.

– В смысле?

– В смысле пошел в туалет. Сейчас придет сюда.

– Как его зовут?

– А хрен его знает, простодушно сказал Барт. – Немолодой мужик… Я доверяю немолодым мужикам. Сказал, чтобы звали его Кости. Кости Таманski. А вот и он!

Русский вошел в помещение и оглядывался по сторонам – без особенной опаски, даже без интереса. Так смотрит на свою подошву человек, который наступил в собачье дерьмо, но о своей внешности не шибко печется и ему в принципе наплевать, лишь бы не очень воняло.

– Разрешите представить вам – мистер Таманski! – сказал Барт, простирая руку.

Они поздоровались. Бенни пожал руку русского, с виду ему было лет сорок пять, может, и больше. Внешность самая обыкновенная, разве что длинные седые волосы вряд ли можно назвать модными.

– Тут у вас клуб холостяков, – тонко улыбнувшись, сказал русский. – А пиво здесь есть?

– Есть, – сказал Стоппард.

– Тогда дайте мне его и давайте разговаривать о наших баранах.

– О каких баранах? – спросил Волосатый, подошедший со своей ракетой под мышкой.

– Это я образно, – отмахнулся русский.

– Садитесь. – Стоппард казался радушным хозяином. – Сейчас принесут пиво. Барт сказал, что вы умеете водить тачку и стрелять.

– Я много чего умею. Это наследственное…

– Типа?

– Типа истории с АН.

Присутствующие переглянулись. Лири присвистнул. Старая история с разъемами АН была сродни легенде, так что русский вполне мог и врать, поди проверь, дело-то прошлое, но врать таким образом и в такой компании – значит сделать себе дурную рекламу. То есть он либо говорил правду, либо был отъявленным лгуном, во что верить не хотелось.

И потом, история с АН все-таки происходила в России…

– Проехали, – сказал Стоппард. На столе появилось пиво, русский взял бокал, отпил несколько глотков и достал пачку незнакомых сигарет.

– Итак, – сказал он. – Я в курсе проблемы, так что можете не тратить время попусту. Какова моя роль в сценарии? На геройскую смерть я не согласен.

– О чем речь… На геройскую смерть тут никто не согласен. Нам просто нужен еще один умный человек, который умеет воевать. – Стоппард взял свой бокал.

– Ну так давайте начнем, – сказал русский и закурил.

Машины они купили специально для этой операции. Лири и Волосатый навестили Орби Гласса, который торговал старыми автомобилями, и взяли у него в кредит пять тачек. Абсолютно разных: от громоздкого дизельного микроавтобуса до зеленого спортивного «Зодиака» с энергобатареей. Бенни достался в напарники русский вместе с упомянутым зеленым «Зодиаком».

Под приборной доской были укреплены два дробовика и два короткоствольных автомата с магазинами на пятьдесят два усиленных патрона. Запасные магазины лежали в сумке под

ногами. Было в машине и еще кое-что, куда внушительнее, нежели дробовики и автоматы.

– Кто за рулем? – спросил Бенни.

– Садись, если хочешь. – Русский плюхнулся на сиденье и сунул в рот свою странную сигарету.

– Что за хрень ты куришь? – не удержался Бенни.

– «Сталинградские», – ответил русский. – У вас таких нет.

– И где ты их берешь?

– Стратопочта из Российского Анклава.

Бенни промолчал, хотя примерно представлял себе, сколько стоит стратопосылка из Новой Москвы или другого российского купола. Либо русский богат, как сволочь, либо идиот, который тратит нехитрые сбережения на курево. Его дело.

– Время? – спросил русский.

– Без трех девять. Сейчас они выедут.

– Отлично. Заводи мотор.

«Зодиак» коротко щелкнул и загудел – энергобатарея была заправлена на сто процентов, Бенни сам вчера гонял тачку и проследил за этим. Выждав несколько секунд, он аккуратно вывел машину из переулка, где она стояла, и они поехали по пустой улочке.

Русский что-то мурлыкал себе под нос, барабаня пальцами по подлокотнику. Они поспели как раз вовремя – из ворот банка выехал черный «Субару», за ним второй такой же. Тут же из-за поворота показалась «подставная» машина – белый длинный «Ниссан-Трубадур» с хищно изогнутыми крыльями, с виду дорогая игрушка какого-нибудь юного миллионера, а на самом деле – еще одна боевая тачка охраны. Бенни пристроился следом параллельно со старым такси, за рулем которого сидел Барт.

Барт был в таксистской кепке и дымил сигаретой, не глядя на Бенни. Из открытого окошка неслась мерзкая музыка.

– Старина Барт, – улыбнулся краешком рта русский.

– Давно его знаешь?

– Достаточно, – лаконично сказал русский.

Через два квартала Барт свернул, и его сменил выскочивший из проулка Стоппард на грузовичке с эмблемами сетевой компании «Джипси Аза». Над своеобразным кортежем появился вертолет, взмывший из-за кубических строений полимерной фабрики. Обычная миниатюрная внутрикупольная вертушка «Алуэтт», якобы принадлежащая телекомпании. Поди ж ты, даже оператор в вынесенном за корпус кресле присутствует! А вместо камеры, надо полагать, ракетная установка или лазерный метатель.

– Вертолет, – сказал сам себе Бенни.

– Чего? – спросил русский.

– Вертолет, – повторил Бенни. – Это я сам с собой. Когда мистер Франческоли будет палить из своей фузеи?

– Из чего?

– Фузея. Ну, эта здоровая дура.

– Сейчас. Секундочку, приятель.

Где-то впереди находился микроавтобус, в тесном кузове которого лежал зенитно-ракетный комплекс. Волосатый сейчас, наверное, уже распаковал его, пристроил на плечо и целится в вертушку, боясь промазать, целится, как когда-то на Тринидаде… Разница в том, что тогда жизнь Волосатого не стоила ни гроша, разве что нищенскую страховку прислали бы его матери, а теперь на кону слишком большая сумма…

«Ассегай» выстрелил бесшумно. Бенни, который никогда не сталкивался с таким оружием, ожидал, что вертолет вздрогнет и начнет уходить за дома, окутавшись дымом и беспорядочно стреляя, но он просто исчез в яркой вспышке. Волосатый действовал безупречно.

– Ну не праздник ли? – буркнул русский, вновь закуривая.

Пылающие останки вертолета рухнули на корпуса цехов полимерной фабрики, а шедшие впереди банковские машины от неожиданности сбавили ход. Водители, должно быть, вспоминали сценарии нештатных ситуаций, а старшие экипажей, или как они там зовутся, связывались с центральной конторой на предмет высылки подкрепления.

«Вот тут и начинается самое интересное», – подумал Бенни и прибавил ходу.

Стоппард в своем грузовичке пошел на обгон банковских машин слева, вылетев на встречную полосу и пугая всех сиреной, а Бенни, как и полагалось по плану, стал пристраиваться сзади. Русский тем временем извлек гранатомет и спокойно упер в плечо матерчатую подушку приклада.

– Не тормози и не виляй, – велел он Бенни, но Бенни и так старался вести машину ровно. Он понимал, что перезаряжать гранатомет – значит, вполне возможно, завалить всю операцию…

Они не надеялись на то, что обычный армейский гранатомет пробьет специальное покрытие банковской машины. Да этого и не требовалось – нужно было просто отсечь второй «Субару» от основной тачки. Как раз сейчас где-то впереди ребята убирают щегольской «Ниссан-Трубадур», весь караван встанет, и нельзя дать ему двигаться назад…

Гранатомет ухнул, у Бенни заложило уши, а шедший впереди «Субару» подпрыгнул в снопе искр, пошел юзом и лег на правый бок. С жутким скрежетом, который Бенни, впрочем, слышал лишь

одним ухом, он прокатился так метров сто и врезался во внезапно остановившуюся вторую машину.

– Они уже поднимают второй вертолет! – крикнул Стоппард, выскакивая из своего грузовичка. Действительно, счет шел на секунды.

Из беспорядочно сгрудившихся банковских автомобилей никто не спешил выбираться – охранники понимали, что их тут же сметут автоматным огнем. Отстреливаться через амбразуры тоже было себе дороже – у нападавших имелось тяжелое вооружение, а от выстрелов из гранатомета с близкого расстояния не спасет никакая броня.

– Основная машина, выбросить через окно или через люк контейнер номер 27, – скомандовал Стоппард. – Давайте шевелитесь, иначе мы превратим вас в паштет и потом вынем все сами.

– У вас времени нет, – ответил кто-то из машины через внешний динамик.

– Вам, покойникам, уже будет все равно, даже если нас перебьет полиция!

Из передовой машины кто-то выстрелил на голос, пуля щелкнула о бетонный забор и ушла вверх.

– Так, достаточно! – завопил Волосатый. – Сейчас я кому-то вставлю в зад заряд от ЗРК!

– Все, все, – забормотали из второй машины. – Мы все сделаем. Открываем люк.

Люк в крыше автомобиля медленно открылся, и в него просунулся небольшой матово-черный контейнер. Его вытолкнули на крышу, и люк так же медленно закрылся.

– Посмотри, – кивнул Стоппард русскому. Тот подошел к машине (Бенни подумал, что вот хороший шанс пустить ему заряд в живот через амбразуру, но охранники, конечно же, этого не сделали), взял контейнер и отнес к «Зодиаку». Положив его на капот, Таманski щелкнул замками и заглянул внутрь.

– Микрокристаллы, – сказал он. – В гелевых капсулах, вроде бы настоящие…

– А почему так легко открылось? – спросил недоверчивый Барт.

– Кристаллы закодированы, а что с них проку без знания кода? Все, рванули отсюда.

И вовремя – как раз показался второй вертолет. Точно такой же, с телевизионными эмблемами, только шел он на бреющем, опасаясь огня снизу.

– Лири, уведите их, если надо – сбейте! – скомандовал Стоппард и полез в свой грузовик.

Машину они бросили в квартале от места событий. Контейнер, упакованный в мешок, нес русский. Из соратников вовремя прибыли только Стоппард и Уэбстер, остальные где-то в пути. Тарахтенье вертолета было еле слышно, никаких выстрелов и взрывов, значит, Волосатый больше не развлекался со своей игрушкой… «Впрочем, у него и ракет больше нет», – вспомнил Стоппард.

– В «Беатрис», – сказал он, когда они сели в такси. Это был не новый программируемый агрегат, а обычный рыдван с водителем-китайцем за рулем. В салоне пахло пряными благовониями. Все молчали. Стоппард аккуратно рассчитался с китайцем и, только захлопнув дверцу машины, устало пробормотал:

– Слишком все гладко…

– Ну, Волосатого, Лири и Барта еще нет, – сказал Уэбстер.

– Зато господин Кроун уже здесь, – заметил Бенни. Наследник Тауншенда маялся у входа в заведение.

– Здравствуйте, – сказал он. – Только что слышал сводку новостей. Все нормально? Русский показал ему мешок.

– Отлично.

Они прошли в зал, где русский выложил контейнер на столик.

– Да, это он. – Кроун поспешно открыл ящик и заглянул внутрь. – Все цело.

– Что там с покупателем?

– С покупателем все в порядке… Мне можно это забрать?

– Нет, – одновременно сказали Уэбстер и Стоппард.

– Хорошо-хорошо, я так думал. – Кроун виновато улыбнулся. – Раскодировать можно и потом, если угодно… Давайте договоримся так: встреча с покупателем состоится… э-э…

– Здесь, – предложил Уэбстер.

– Нет, не здесь. Мы и так тут уже два раза встречались.

– Логично, – кивнул Стоппард.

– Скажем, в баре «Оксиген». Знаете такой?

– Одно из заведений этого толстобрюхого Урода? Знаем, конечно.

– Давайте там. Я свяжусь с вами, мистер Стоппард, а вы оповестите своих людей. Туда принесете товар.

Как выяснилось спустя несколько часов, Лири и Волосатому уйти не удалось. Их зажали в одном из заброшенных кварталов и пытались взять живыми, но не получилось.

Барт мотался по городу, отсекая хвосты, и появился лишь заполночь, потрепанный и голодный. Он разыскал их в японском ресторанчике «Хоккайдо», где и поведал о горькой судьбе

Волосатого и Лири.

– Выпьем, – констатировал русский. Они выпили, и Уэбстер заметил:

– А мы все же круглые дураки.

– Почему же? – поинтересовался русский.

– Представьте, сколько там было разного добра, в машине. А мы схватили только один небольшой контейнер…

– Брось, – поморщился Стоппард. – Бумаги и документы – это плохой товар. Надо знать, кому продать…

– И тем не менее. Тем не менее…

Разговаривать ни о чем не хотелось, и Бенни поймал себя на мысли, что очень хочет спать. Судя по всему, о том же думал и Стоппард, который с хрустом потянулся и предложил:

– А не свалить ли нам по домам? Завтра с утра и поговорим. Может, этот хлыщ позвонит… Если думаете, что я удеру с этим чертовым чемоданом, – ошибаетесь.

– Иди ты, – хмыкнул Уэбстер.

– Спать так спать, – согласился русский.

То, о чем не знали ни Хесус, ни Бенни Маккарти, но мог бы рассказать Кроун (если бы захотел).

– Бар «Оксиген», время я им назначу, – сказал Кроун, нюхая кофе.

– Это настоящий кофе, – заметил мужчина за столом, приземистый, с нездоровым цветом лица и глазами навыкате.

– Я понял… – Кроун осторожно сделал глоток. – Божественно.

– Пить кофе следует исключительно из фарфоровой чашки, – нравоучительно сказал пучеглазый, переплетая пальцы. – Другие не годятся, ибо меняют вкус, а главное, звук при помешивании будет неправильный. У вас в руках, кстати, настоящий китайский фарфор… Помешивать нужно особенным образом: сначала делаете круговое движение, чтобы напиток закрутился в небольшой водоворот с лункой в центре. Затем двигаете ложечкой через центр чашки, при этом создается множество мелких вихрей, которые способствуют хорошему размешиванию сахара и сливок. И вынуть ложечку нужно правильно: слегка постучать ею о край чашки, буквально два или три раза, чтобы стряхнуть большие капли.

– Но у меня нет ложечки, – скромно заметил Кроун.

– Я говорю не применительно к моменту. Тем более мы нарушили еще один канон: хороший кофе не пьется в одиночку.

– А что же вы не пьете?

– Сердце. А все эти модные фальшивки я не признаю… Кофе должен быть крепким. Не бывает хорошего растворимого кофе, так же как и хорошего кофе без кофеина… Я вижу, вы допили?

Сделайте глубокий вдох и насладитесь теплом и ароматом вашего дыхания.

Кроун так и поступил. Ничего особенного он не почувствовал, но сделал вид, что ему очень понравилось.

– Вы не обманете меня, мистер Кроун? – без перехода спросил пучеглазый.

– Зачем мне вас обманывать, мистер Саат? Речь идет о достаточно крупной сумме, и мне ни к чему какие-то неприятности…

– Всякое бывает, мистер Кроун.

– Я вам говорю: они принесут контейнер с собой в надежде на встречу с покупателем. Я назвал цифру в десять миллионов.

– Десять? – Пучеглазый слабо заперхал, очевидно, смеялся. – Детство…

– Они тоже говорили вначале о десяти миллиардах, но я запудрил им мозги.

– Ну почему же, отчасти вы правы. Сами они не продали бы материалы и за десять долларов. А я, согласитесь, покупатель универсальный.

– В таком случае зачем устраивать стрельбу? Отдадим им эти десять миллионов, пусть веселятся, – предложил Кроун.

– Нет. Они опасны – это единственные свидетели, которые могут вывести на вас и на меня.

– А я?

– Вы мне нужны как консультант, а не как покойник, – улыбнулся Саат. – Вас я обещаю не трогать.

– Премного благодарен. Итак, я привожу их с грузом в «Оксиген», где уже ждут ваши люди.

– Да.

– Отлично. Надеюсь, что меня не ухлопают в перестрелке.

– Постарайтесь спрятаться. Я думаю, все произойдет быстро и бесшумно, но, если кто-то вырвется, подключим полицию. В этом нет ничего особенного, все равно патруль их просто перестреляет, они сейчас не любят возиться с судами и прочими пережитками прошлого…

Холодное пиво вылилось прямо Хесусу на штаны. Он повернулся к Пузану, чтобы возмутиться – на хрена выбивать у человека из рук пиво, но Пузан уже схватил его за плечо и поволок прочь из бара.

Бенни выбежал вслед за ними, таща старуху и одновременно прикрываясь ею от чего-то сзади. Старуха верещала, парик ее сбился, открыв плешивую голову с пучками бесцветных волос, но она старалась держать темп, потому что Бенни упер ей в бок маленький автомат.

– В машину! В машину! – крикнул он.

Они загрузились в «Кайман», причем старуха оказалась на заднем сиденье, и Бенни сунул Хесусу автомат, бросив:

– Воткни ствол ей в пузо, и пусть сидит тихо!

Старуха и без того сидела тихо, но Хесус выполнил приказание.

«Кайман» развернулся, с грохотом врезавшись багажником в чью-то новенькую микролитражку, и тут же сзади загремели выстрелы.

– Быстрее! – завопил Бенни.

Они мчались по осевой линии, рядом тихонько скулила старуха, а Бенни ругался вполголоса.

– Что там за дерьмо? – спросил Пузан, казавшийся самым спокойным из четверки.

– Засада, – сплюнув себе под ноги, сказал Бенни. – У тебя с собой есть оружие?

– Да, а как же, – гордо выпятил живот Пузан. – Смотри в бардачке. Хлопнув разболтанной крышкой, Бенни извлек оттуда два пистолета и короткоствольный автомат,

– За нами хвост, – сообщил Пузан.

– Неудивительно. Черт, этот урод нас кому-то сдал!

– А что там за история? Чего ты вообще поперся в этот бар?

– Не твое дело, – огрызнулся Бенни.

– Очень даже мое, потому что мне хотят отстрелить задницу за компанию с тобой. Колись.

– Ограбление банковского фургона, – нехотя сказал Бенни,

– Ого! – сказала старуха. – Так это были вы?

– Тебе-то что, старая жаба?

– Я не старая и не жаба, – с достоинством сказала старуха, поправляя парик.

– В зеркало посмотри.

– Советую меня отпустить. Отягчающее обстоятельство.

– Иди в задницу! Парень, заткни ей рот! – Замолчите, пожалуйста, мэм, – сказал Хесус. Старуха злобно посмотрела на него, но утихла,

– А ведь мы попали, – заметил Пузан, когда они свернули с оживленной ветки на менее забитую транспортом улочку. – Тут впереди все собирается в развязку номер тридцать, там они нас и перехватят.

– Кто?

– Да полиция. Я разве не сказал, что за нами едут полицейские?

– Ничего не понимаю… – пробормотал Бенни. – Этот урод сдал нас полиции? Какая ему корысть?

– Полиция надерет вам задницу, – сварливо пообещала старуха.

– Заткнись, жаба! Так, Пузан, бросаем тачку и рвем пешком.

– Как скажешь. – Пузан пожал плечами и резко остановил машину.

Он бежали через какие-то заброшенные дворы, через пустыри и свалки, через подвалы, где капало с потолка. Старуха плелась следом, стеная и охая, но темп выдерживала.

– Когда вас пристрелят, я помочусь на ваши трупы, – пообещала она во время очередной передышки.

Бенни ничего не ответил. Он, тяжело дыша, привалился к стене, и тут почти рядом взвыла полицейская сирена.

– Брось старуху, – посоветовал Пузан. – Лишний груз.

– Почему же? Мы еще поторгуемся.

Перед ними распахнулись двери большого старого дома, предназначенного под снос. Они вскарабкались по замусоренной лестнице на четвертый этаж. Бенни сунулся в комнату:

– Так, давайте сюда. Жаба, сядь в угол и сиди там, иначе тебя пристрелят твои дорогие и любимые полицейские. Ну-ка… – Он подошел к окну и осторожно посмотрел наружу. – Так и есть, вот они. Суки!

– Может, мы сдадимся? – упавшим голосом спросил Хесус.

– Ты что, козявка, хочешь жить вечно? – закричал Бенни, схватил ветхий стул и швырнул его в окно. Загремели, вылетая из рамы, уцелевшие осколки стекла. Пузан, наблюдавший за лестницей, покачал головой. – Так вот, ты не будешь жить вечно! Потому что никто вечно не живет… Я читал в газете про какую-то тварь размером с блоху, так вот она может жить практически вечно, даже если ее заморозить в космосе и разморозить через хрен знает сколько лет… Но мы-то не такие твари, а, парень?! И не стоит верить в правосудие – такой глупой вещи просто не может существовать в этом чертовом мире!

Хесус поспешно поднял автомат и щелкнул предохранителем – он имел дело с оружием и знал, как с ним обращаться. Нет, стрелять ни в кого не приходилось, а вот повертеть, разобрать…

– Так он у тебя был на предохранителе? – возмутилась старуха. – Вот я не знала в машине, я бы оторвала тебе яйца.

– Заткнись, жаба, – неожиданно для себя сказал Хесус.

– Жить вечно неинтересно! – прогудел Пузан Рози, продолжая наблюдать за лестничным пролетом. – Неинтересно даже дожить до старости, если у тебя нет денег, чтобы купить новое тело…

– Это точно, – с удовольствием отозвался Бенни. – Вот, скажем, наш Таманski… Парень при деньгах, сразу видно. Тараканы в голове, но при деньгах. На новое тело ему хватило, уж

это точно. И, кажется, не на одно.

– Не знаю такого, – как из бочки ответил Пузан и продолжил начатую мысль: – Это дно! Стариков тут нужно уничтожать, приятель. Это дело милосердия. Тут от них воняет.

– От тебя тоже воняет, – улыбнулся Бенни. Лицо его, обычно иссиня-черное, было пепельно-серым от осевшей пыли.

– От меня воняет, как от настоящего мужика. А от стариков воняет смертью, вон оно что… Вот послушай.

И Пузан Рози начал читать своим колоколоподобным голосом. Хесус замер у стены, сжав рукоять автомата и мелко дрожа – то ли от страха, то ли от возбуждения.

Черны от папиллом, корявые, с кругами
Зелеными у глаз, с фалангами в узлах,
С затылками, где злость топорщится буграми
И расцветает, как проказа на стенах,

Они в припадочном соитии привили
К скелетам стульев свой немыслимый каркас;
С брусками дерева сплетаются в бессилье
Их ноги по утрам, и днем, и в поздний час.

Стихотворение прервала автоматная очередь, на лестнице что-то посыпалось, а Пузан, осклабясь, сверкнув своими зелеными зубами, продолжал:

Да, эти старики с сиденьями своими
Едины и в жару, и в дни, когда их взгляд
На окна устремлен, где увядает иней, —
И дрожью жаб они мучительно дрожат.

Но милостивы к ним сиденья, чья солома,
К телам костлявым их приучена давно;
Дух солнца прошлых лет вновь светится знакомо
В колосьях, что сплелись, отдав свое зерно.
И вот Сидящие, к зубам поджав колени…

– А, сволочь! – заорал Бенни. Быстро перегнувшись через подоконник, он несколько раз коротко выстрелил вниз.

– Что там? – спросил Пузан, не отрывая взгляда от лестницы.

– Кажется, это был полицейский. А может, и нет.

– Может, старуха собирала объедки?

– Старухи не носят шлемы.

– Много вы знаете, – прошипела из своего угла старая ведьма, но ее никто не слушал.

– Тогда полицейский.

– Ну мало ли кто еще носит шлемы… Я тебя, кажется, перебил…

– Да, но я тебя извиняю.

И вот Сидящие, к зубам поджав колени
И барабаня по сидениям слегка,
Внимают грустным баркаролам, и в томленье
Качается, как на волнах, у них башка.

Не заставляйте их вставать! Крушенье это!
Подобно битому коту, они шипят,
Топорщатся штаны – о ярость без ответа! —
Наружу вылезя, ключицы заскрипят.

– Лихо, – сказал Бенни. – Наружу вылезя, ключицы заскрипят. Я сразу вспомнил матч, когда мы разделали «Гиббонов». Мы с Кириллом – помнишь Кирилла, такой мордастый? – взяли в оборот их защитника… Тоже ключицы заскрипели, вылезая наружу.

Хесус тоже сразу вспомнил тот матч. «Корсары» тогда победили «Гиббонов» со счетом 73:69, с каждой стороны выбыло по семь игроков, а тот же Бенни доигрывал со сломанной рукой. Тяжелый баскетбол – жесткая игра, и уж никак Хесус не мог тогда подумать, прыгая на трибуне с пачкой чипсов, что будет вот так, плечом к плечу, отстреливаться вместе с Бенни от наседающей полиции… Хотя куда там отстреливаться…

И вы услышите шагов их мерзкий шорох,
Удары лысин о дверные косяки,
И пуговицы их – зрачки, что в коридорах
Вопьются вам в глаза, спасаясь от тоски.

Когда ж назад они вернутся, взгляд их черный
Яд источать начнет, как взгляд побитых сук,
И пот вас прошибет, когда начнет упорно
Воронка страшная засасывать вас вдруг.

«Интересно, а буду ли я стрелять, когда они появятся? А ведь они непременно поя вятся. А если меня убьют? О боже, если они меня убьют? Зачем, зачем я не пошел с Флипом, зачем я здесь,

зачем мне этот автомат?» – Хесус посмотрел на тяжелую железяку и по чувствовал, как по щекам его стекают теплые капли.

Бенни, оскалясь, смотрел в окно, а Пузан декламировал, покачивая стволом:

Упрятав кулаки под грязные манжеты,
Они припомнят тех, кто их заставил встать;
Под подбородком их до вечера с рассвета
Миндалин гроздья будут двигаться опять.

Когда же голову на локоть сон склоняет,
Тогда зачавшие сиденья снятся им
И стулья-малыши, чья прелесть обрамляет
Конторы важные присутствием своим.

Прочитав этот довольно длинный кусок, Пузан прислушался. Бенни взволнованно смотрел на него.

– Тихо? – спросил он.

– То-то и оно, что тихо. А не должно быть.

– Может, плюнули на нас?

– Ты хоть понял, что сказал?

– Шучу.

– Я думаю, они этажом выше или на крыше. Этот дом не сквозной… До следующего уровня не доходит. Точно на крыше, падлы, – сказал Пузан.

И тут же, в подтверждение его слов, в окна, словно диковинные летучие мыши, влетели черные фигуры, смяв Бенни. По тросам тут же заскользили новые, заполняя комнату, и Хесус, отбрасывая автомат в сторону, словно гадкое скользкое животное, рухнул у стены, сжавшись в комок. Он видел, как Пузан отшатнулся на лестничную площадку, стреляя от живота короткими очередями, и даже сквозь треск очередей слышал, как он орет:

Цветы чернильные укачивают спящих,
Пыльцу выплевывая в виде запятых
На этих стариков, как на горшке
И колос высохший щекочет член у них

Разрывная пуля из штурмовой винтовки попала Пузану прямо в живот.

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.

– И все? – спросил Керк.

– Все, – развел руками разносчик пиццы.

– А чьи это были стихи? – спросил Логус.

– Не знаю… Наверное, Пузана.

– А с тобой что случилось?

– Ничего особенного. Старуха показала, что я собирался сдаться, и мне дали год условно.

– А как же работа у этого… Упаковки?

– Какая там работа… – уныло махнул рукой разносчик.

– А зачем ты нам все это рассказал?

– Сами попросили…

Логус хотел что-то сказать, но Макс его перебил:

– То, что ты рассказал, произошло приблизительно года три назад?

– Да, – ответил Хесус. – Приблизительно так, а что?

– А тот, о ком ты упомянул… Тамански. С ним что сталось? Не слышал?

– Ну, точно я не знаю, мне обо всем остальном стало известно только позже… Когда на суде и потом ребята рассказывали. – Хесус скучно пожал плечами. – Он вроде как в баре оказался, когда всех накрыли. Он же русский, бешеный. Грохнули, наверное… Оттуда только трупы выносили. Много.

Последнее слово он сказал с оттенком не то бравады, не то гордости.

– А на шута вам старуха та сдалась? – спросила Циркуль.

– Которая старуха?

– Ну та, что потом тебя от суда отмазала…

– А… – Хесус развел руками. – Это Бенни от пуль ею закрывался. Ну и заложник как бы… С мертвого какой спрос?

– Верно, никакого.

– А что тебя в этом русском заинтересовало? – спросила Циркуль.

– Тамански, он как бы… – Макс задумался, подбирая слова. – Вроде Вечного Жида. Его видели почти во всех горячих точках. Семь раз его убивали. Трижды после этого кремировали. Есть масса тому свидетелей, И всякий раз он появлялся где-то снова, и всякий раз это был все тот же Тамански. Его имя всплыло в связи с историей об АН.

– Что такое АН? – спросила Циркуль. Ей, похоже,

понравились россказни Хесуса.

– АН – это такая мистическая история, – встрял в разговор Керк. – Я слышал о ней, что-то далекое. Связанное с какими-то нейроразъемами полумифического свойства.

– Да, история действительно давняя и запутанная, – сказал Макс. – Самое забавное, что она происходила как раз в то же время, что и рассказанная мной. Только чуть-чуть другое место…

– И что, вы хотите сказать, что Таманский жив? После стольких лет? – Логус задал вопрос флегматичным тоном, глядя на крупные капли, собирающиеся под потолком.

– А почему нет? – Макс посмотрел на монаха. – Например, ему достаточно регулярно пересаживать свое сознание в новое тело.

– Ну, знаешь… – Логус презрительно фыркнул. – Это не так просто, как ты говоришь. Я не говорю уж о тех немыслимых капиталовложениях, которые он должен производить каждые двадцать – тридцать лет. Это не может пройти незамеченным. К тому же существует специальный закон, ограничивающий пересадку сознаний. Закон «Кармы», слыхал?

– Слыхал, – подтвердил Макс. – Но любой закон, как ты сам знаешь, можно обойти, дело нехитрое. К тому же если хотя бы часть того, что рассказывают об АН, правда, то у такого человека могут быть неограниченные материальные резервы.

– Бред, не может такого быть. Всему есть предел… И человеческому разуму тоже. Невозможно жить так долго и не сойти с ума.

– А почему, собственно? – спросил Керк.

– Потому, что человек, живущий так долго, должен всю свою жизнь переживать нервные встряски, шок, связанные с социальными и технологическими изменениями, происходящими в обществе, – выпалил Логус на одном дыхании. – К тому же тела, в которые пересаживается разум, должны быть очень, крайне близкими по своему строению… Практически идентичными!

– Клоны, – сказал Макс.

– Четырнадцатая поправка к закону о клонировании окончательно и бесповоротно запрещает клонировать людей в пределах нижнего орбитального уровня. – Логус был неумолим. – После мексиканского кризиса за клонирование без лицензии – смертная казнь. Любой, кто проходит по этой статье, – смертник. Будь он соучастник эксперимента, будь он даже нечаянный свидетель или жертва.

– Разве смертную казнь не отменили? – спросил Хесус.

– Отменили, – кинул в его сторону Макс. – Ограниченно. Если тебя осудили по статье, записанной в обычном Уголовном

Кодексе. Но есть еще Особый Уголовный Кодекс. Там почти все статьи расстрельные. Так что не может этого быть, негритенок чего-то напутал. Закон есть закон.

– Да что ты все к законам цепляешься? Ты где живешь?! Таманski, будь он жив, был бы как раз тем человеком, который сумел бы тебе рассказать, что такое закон и с чем его едят. И как меняют закон… Насколько это хорошо, можно спорить, но так есть. И чтобы убедиться в этом, тебе даже не стоит выходить из этой комнаты.

Логус помолчал, явно о чем-то размышляя, а потом сказал:

– В истории с АН что-то было связано с ИскИнами?

– Да, насколько я помню…

– У меня есть по этому поводу история, – начал было Логус, но Макс его перебил:

– Позже! К нам опять гости. Все посмотрели на монитор.

К зданию пробирались две группы, человек по десять в каждой. В промокших, грязных балахонах они пересекали бурную реку, в которую превратилась улица. По воде неслись какие-то обломки, коробки и мелкий мусор – все то, что составляло как бы «почву» трущоб.

Это на поверхности «реки». Поток воды был опасен тем, что в своей глубине он тащил более тяжелые предметы. Камни, сорванные промышленные конструкции, трупы. Кое-где встречались остовы автомобилей. С выбитыми стеклами и искореженными корпусами. А такой поток был страшен тем, что мог сбить человека с ног, задавить, а потом унести с собой.

– Это похоже на Большое Наводнение семьдесят девятого года, – сказал Логус, выглядывая в окно. Возле подоконника уже натекла огромная лужа. – Тогда трущобы почти опустели…

– Да, – согласился Макс, внимательно следя за монитором. – После этого последовал стремительный передел территорий. Погибли многие, но тех, кто выжил, хватило для «Похода на Небо».

– Вздорная и бездарно задуманная акция.

– Может быть, может быть… Однако тогдашняя кампания закончилась только на среднем ярусе, как и следовало ожидать, из-за попыток разделить власть между новоиспеченными вождями.

– Я так понимаю, что ты и в этом собираешься обвинить Церковь?

– Нет. – Макс удивленно пожал плечами. – А разве я в чем-то уже успел обвинить Церковь?

Логус не ответил.

– Пойдем навстречу… – Макс вытащил из сумки пистолет и

вышел за дверь.

За ним последовали Логус и Керк, Циркуль продолжала ухаживать за кибером, изредка поглядывая на монитор. Хесус забился в груду мусора и пустых коробок из-под пиццы. Его фирменный колпак куда-то пропал, и теперь на фоне темной кучи разглядеть его было довольно трудно. Кажется, парень задремал.

Они спускались по лестнице, Под ногами похрустывали мелкие рачки, живность, возникающая неведомо откуда в любом сколь-либо сыром помещении в неимоверных количествах. Рачки приспособлялись ко всему: к радиационному фону, к химии, к высоким и низким температурам. Они питались гнилью, падалью, отходами, любой органикой. Они были способны за несколько часов уничтожить без следа мертвое тело. Потоп был для них фантастической феерией любви, войной со всем человечеством.

– Эти твари останутся после нас… Останутся… Твари… Твари… Мерзкие, скользкие твари! – Логус брезгливо ставил ногу на самый край ступеньки. Под его сапогом хрустело и чавкало, он поскользнулся, и Керк едва успел его подхватить. Монах выпрямился и начал ожесточенно топтать копошащуюся под ногами живность.

– Успокойся! – донесся голос Макса с нижнего пролета. – Всех не перетопчешь.

Логус что-то пробурчал и продолжал спускаться.

Керк посмотрел на следы, которые он оставил в живом ковре, устилающем камень. Раздавленные рачки пульсировали, стремясь тихонько отползти в сторону. Керк знал, что у раздавленных особей есть шанс выжить и даже отрастить новый панцирь, если сырость продержится еще несколько дней. Сапог человека уже перестал быть для них чем-то смертельным. Проблемой этих самых рачков занимались даже «наверху», о чем в виртуальности можно было найти массу материалов.

Наконец они подошли к нижней, полузатопленной площадке. Тут на удивление рачков было мало, они любили сырость, но не воду – За выбитой дверью, на фоне шума воды слышались крики и ругань. Кто-то шел, преодолевая сопротивление потока.

Макс подобрался к дверному проему. Выглянул… И отскочил назад.

За дверью раздался грохот, и часть косяка взорвалась пластиковыми щепками и каменным крошевом. Среди всеобщего шума, среди плеска воды, тихого шебуршания рачков, грохота капель выстрела никто не слышал.

Логус присел, из своего одеяния достал короткую трубку. Макс посмотрел на нее и досадливо крякнул. Керк держал в руках свой штырь, не зная, чего ждать. На душе было холодно и

страшно. Отвратительное ощущение, что по спине бегают миллионы маленьких насекомых, всегда посещало его в такие моменты. Стрельба в трущобах – дело не такое уж редкое.

– Вали наверх, – бросил ему Макс. – Отслеживай окно и жди тех, кто прорвется.

Керк сделал два шага в обратном направлении, но затормозил:

– А вы как?!

– Вали, кому сказано! – прикрикнул Макс. – Справимся.

Керк побежал назад, в иллюзорную безопасность квартиры.

– Эй, мы не хотим неприятностей. – закричал Макс в дверной проем. – Валите отсюда все, и мы никого не тронем.

– Удивительно богатый словарный запас, – пробормотал Логус. – Кроме слова «вали» есть еще слова, ты в курсе?

Макс ничего не ответил. Снаружи тоже молчали.

– Слышали, вы?! – снова заорал Макс.

– Нам нужен дом! – наконец отозвались снаружи. – Убирайтесь оттуда сами, и, может быть, останетесь живы! Дождь скоро кончится, а у нас раненые…

– Ну да, конечно, – под нос себе сказал Макс. А потом закричал в проем: – Если вы не уберетесь, у вас будут и убитые!

В ответ в проем выстрелили.

– Слышь, монах, двигай ближе. У тебя излучатель Майберга?

– Он самый, – подтвердил Логус, поднимая вверх свою трубку.

– Хреново! – Макс высунулся и снова спрятался. Снаружи опять начали стрелять.

– Почему это? – спросил монах, пробираясь по воде поближе к Максу.

– Потому что у нас только я с дальнобойным оружием, все остальные, похоже, рассчитывают на ближний бой… – Макс покосился на излучатель. – Детище новых технологий, незаконнорожденное. Мечта о всяких лазерах, бластерах… Вздор. Мне негритенок этот, как его, Хесус, понравился. Молодец. Ходит парень с «вессоном»! И правильно делает.

– Ну это как посмотреть… – начал было Логус, но Макс его перебил:

– Сейчас они полезут, и у тебя будет шанс доказать, что этой своей фитюлькой ты что-то можешь. Серьезную артиллерию прибережем в качестве сюрприза. Понял?

Логус кивнул.

Всего этого Керк не слышал. Вернувшись в комнату, он прильнул к экранам монитора.

– Что там? – спросила Циркуль. Керк пожал плечами:

– Стреляют… Меня Макс назад отослал… – Керк боялся. Будь он один, уже, наверное, ушел бы, плюнул и на комнату, и на вещи, жизнь дороже.

На экранах личности в грязной одежде медлили. Они спрятались за остовом Хесусова грузовичка, который лежал на боку. Вода не смогла унести его слишком далеко, он застрял посреди улицы импровизированной плотиной. Струи воды не позволяли рассмотреть что-либо еще, кроме серых, промокших фигур. Их сносило усилившимся течением. Еще немного, и форсировать улицу будет невозможно.

– Кажется, они сами боятся… – начал было Керк, но вдруг ситуация резко изменилась.

Фигуры открыли огонь по двери, прикрывая ринувшуюся туда группу, другой отряд направился в другую сторону…

Второй нападавший завалил Логуса в воду. Он был мертв, но на него напирали сзади, и он упал на монаха, сбив его при этом с ног. Логус попытался сделать шаг назад, но споткнулся о тело первого, того, которому он разворотил грудь излучателем. Второй не избежал такой же участи. Барахтаясь в мутной, желто-черной воде, Логус услышал, как прогремели выстрелы Макса. Кто-то закричал, и на монаха навалилось еще одно тело. Он понял, что сейчас захлебнется, вода заливалась в нос и глотку, разъедала глаза. По шее неприятно прошелестели колкими иголочками лапки зазевавшегося рачка. Монаха едва не вывернуло наизнанку. Он лихорадочно забился, забарахтался и вынырнул.

И увидел оскаленную морду убитого. Именно морду, потому что лицом это назвать было трудно. Удлиненные зубы заточены под треугольник. Было видно, что челюсти тоже не избежали трансформации, потому что зубы смыкались на манер шестеренок. Без зазоров. Как у пираньи. Логус знал, что это позволяет выхватывать из тела человека целые куски мяса. Сколько захватит рот охотника…

У стены стоял Макс, и последний из ворвавшихся разевал в агонии оскаленную пасть у его ног. Вода вокруг была красной.

– Теперь они будут осторожны, – сказал Макс. – И теперь они отсюда не уйдут.

– Почему? – спросил Логус, отплевываясь.

– Потому… Пошли наверх…

– А тут что же? Оставить?

– Оставь, они не полезут сейчас. Тем более что мы не удержим проход. Нужно заблокировать дверь… Помоги-ка…

И он указал на какие-то трубы, сваленные в углу.

Их встретил Керк.

– Они наверху, – выпалил он. – Я на мониторе видел, они

проникли в помещение наверху… Вскарабкались, как пауки!

– Что там?

– Да ничего там нет, завалено всякими отходами, мусор… Ну, я даже не знаю… Не лазил туда. Фонит там сильно. Радиация. В этом районе жилая зона только на уровне второго этажа, все, что выше, находится под запретом, да по доброй воле туда никто и не полезет.

– Понятно. – Макс осмотрелся вокруг. – Ничего у тебя нет… такого?

– Какого?

– Тяжелого, громоздкого…

– Ничего.

– Паршиво. – Макс направился к своему чемоданчику. – Плевать, заваливайте дверь всем, что есть.

– Так ведь… – начал было Керк.

– Всем, что есть!!! – Макс низко наклонился над чемоданчиком, что-то там перекладывал, чем-то звякал.

Керк с Логусом начали лихорадочно собирать в кучу вещи, тяжелые приборы. К двери полетел стол, вырванные стеновые фальшпанели, полки, которые были едва ли не единственным украшением комнаты. Логус задумчиво смотрел на установку для входа в виртуальность.

– Даже и не думай, – сказал Керк. – Только через мой труп.

– Да, лучше оставь, – вмешался Макс. – Это нам может понадобиться.

Логус пожал плечами и продолжил отдирать от стен куски фальшпанелей. Перед дверным проемом уже выросла немаленькая баррикада.

– Ты серьезно считаешь, что их можно остановить чем-то подобным? – спросил Керк.

– Нет, – буркнул Макс. Он вытащил откуда-то пистолет и кинул его Керку: «Лови!»

– На кой черт он мне сдался? – Керк держал на руке тяжелый вороненый «ствол» с удлиненной рукоятью. – Я даже не знаю, куда его направлять…

– Знаешь, знаешь… – быстро ответил Макс. – От тебя не требуется снайперской точности. Твоя задача – создать максимальную плотность огня в нужный момент. Справишься?

Керк пожал плечами.

– Наверное, справлюсь… – Он крутил в руках оружие, чувствуя его приятную тяжесть, надежную прохладу корпуса, тугую спусковую скобу…

Керк поднял голову и увидел кривую усмешку Макса.

– Там, слева, есть такой переключатель. – Макс показал

пальцем. – Держи его в верхнем положении, но не дави на курок до срока. Понял?!

Керк кивнул. Почувствовал, как краснеет, словно его застукали за чем-то неприличным…

– А что, дело настолько серьезно? – спросила из своего угла Циркуль.

Керк обратил внимание, что оставленный на ее попечение кибер начал подавать признаки жизни. По крайней мере, открыл пока еще мутные глаза.

– Даже очень серьезно, – ответил Логус. – И мне хотелось бы знать, почему это так.

– Что ты имеешь в виду? – Голос Макса был совершенно спокоен.

– Почему ты там, внизу, сказал, что они не уйдут? Зачем мы делаем баррикады? Ты уверен, что они пойдут на приступ?

Макс пожал плечами.

– Может быть, пойдут… Мне кажется, будет проще от них отбиться, закрыв дверь. А то, что они не уйдут, ясно и ежу. Они понесли потери… И потом, это одно из немногих пригодных зданий…

– Ты вот ему расскажи! – прервал его Логус, указывая на Керка, который сидел возле своих терминалов и блаженно улыбался. Пистолет лежал у него на коленях. – Он, может быть, поверит, а мне байки рассказывать не надо. Эти сволочи пришли за тобой, им нужен ты, а не все мы.

– И что ты предлагаешь? – спросил Макс.

Логус покачал головой:

– Даже не надейся, что я дам тебе повод убить меня. Я просто хочу знать правду. Они пришли за тобой?

Макс отошел к окну, словно собираясь что-то рассмотреть за полосами дождя.

– Да, они пришли за мной. И они не уйдут.

– Почему?

– Потому что они Гончие. Они не могут отступить. Органически не способны. – Макс смотрел на экран терминала. Всем было неуютно.

Гончие. Полумифическая организация охотников за головами. Настоящих доказательств их существования не было, только слухи.

Гончие никогда не останавливались. В своей погоне за жертвой они походили на стаю пираний, уничтожали все на своем пути. Дома, колонии, улицы… Все, кто мог помогать жертве или укрывать ее, уничтожались Гончими. «Не умением, так численностью!» – было девизом Гончих.

Конечно, охотников за головами в придонном мире было немало, часть объединялась в организации, другие действовали сами по себе. О них ходили легенды, часто лживые, иногда правдивые, но история о Гончих выделялась как особенно страшная. Гончие буквально купались в крови…

Особенностью Гончих являлось то, что они никогда не бросали свою жертву, не отступали, не переигрывали. Их невозможно было подкупить – только убить. При вступлении в клан Гончих, при инициации, в мозг каждого внедрялся особый чип, в который, при необходимости, закладывалась специфическая информация о жертве. Сведения о химическом составе крови, аминокислотах, ферментах. Что позволяло ему затем находить одного-единственного человека среди огромной толпы, в любой обстановке, в любых условиях. Но не это было самым жутким. Гончие поедали того, на кого охотились.

Хитроумный прибор в голове работал четко. Наркоман в момент приближающейся ломки способен на все, чтобы достать очередную порцию излюбленной «дряни». Гончие обладали такой же зависимостью по отношению к своим жертвам. Они физически не могли отступить. Никакая опасность не могла заставить Гончих повернуть назад, когда они чувствовали близость желаемого.

Обычно было достаточно одного-двух охотников, чтобы сделать жизнь жертвы невыносимой. Но выпустить на человека стаю…..

Логус отступил к стене. Сел. Зажмурился.

Монаху было страшно.

Остальные молчали.

– Ну? – спросил Макс. – Легче стало?

– Получается, ты нас приговорил… – сказал Логус.

– Когда я пришел, кроме Керка тут никого не было. Всех остальных я сюда не звал, как ты сам понимаешь. Я рассчитывал, что их остановит потоп… Но ошибся.

– Чего они ждут?.. – подала голос Циркуль.

Никто не ответил.

– Чего они ждут?! – повторила девушка, в ее голосе явственно слышалась подступающая истерика.

Логус искоса взглянул на Макса. Тот непонятно ответил:

– Ждут. И еще будут ждать. Погода в данном случае за нас… И никто не хочет первым умирать, они же люди… Хоть и Гончие.

– Что же ты такого натворил, что за тобой… – Логус не договорил.

– Это не ваше дело! – прервал его Макс.

– Замечательно, мы все подохнем и даже не будем знать, за

что мы померли! – Монах нервно подошел к баррикаде. Прислушался. – Кажется, кто-то поднимается…

– Нет там никого… – Макс кинул взгляд на монитор. – И не будет… Еще час примерно.

– Откуда ты знаешь? – спросил Керк.

– Я не впервые с ними сталкиваюсь…

При этих словах Макса Логус кинул в сторону Керка многозначительный взгляд, мол, я тебе предлагал его сдать? Еще не поздно…

Керк посмотрел на Макса и вдруг увидел, что тот словно бы постарел. Как-то согнулся, ссутулился и сразу показался старше… Смертельная усталость таилась в складках кожи, в выражении глаз… Был момент, когда Керк действительно был готов выдать его Гончим, хотя и понимал, что это ни к чему не приведет, но мысль мелькнула… А потом Макс обернулся… Усталость исчезла. Этот человек снова наполнил все помещение токами своей энергетики. Что-то похожее Керк испытал, когда взял в руки оружие.

– Окно запечатай… – нарушил затянувшееся молчание кибер.

Он уже не лежал, а полусидел, опираясь на руки Циркуль.

– Очухался… – неприязненно сказал Логус, кибер его как будто не слышал. Монах обратился к своей подруге: – Может быть, теперь ты прекратишь играть в медсестру?

Циркуль беззвучно засмеялась. Ее волосы высохли и теперь топорщились в разные стороны.

– Сволочь ты, – наконец сказала она. – Всегда таким был.

– Ну, это тебе не мешало… – ответил Логус.

– Точно, – согласилась Циркуль. – Только со временем надоело.

– Вот как…

Макс что-то раскладывал на мокром подоконнике.

– Что ты делаешь? – спросил Керк.

– Расходую свой НЗ… Подержи… – Макс протянул что-то блестящее.

Через минуту конструкция из нескольких нитей, пересекающих оконный проем крест-накрест, и небольшого прибора, чем-то напоминающего громкоговоритель, была готова.

– Что это? – спросил кибер.

– То, что ты просил, – ответил Макс. – Немного старомодно, но надежно. Особенно в такую погоду…

Кибер глубокомысленно поднял брови и промолчал.

Макс оглядел всех и вдруг предложил:

– У нас есть час двадцать минут… Я предлагаю не тратить время в раздумьях о предстоящем нападении, а провести с

пользой и удовольствием. Где там визуализатор? – Он взялся за обруч. – Чья очередь рассказывать?

– Ты что, совсем с катушек сорвался? – Логус удивленно смотрел на Макса. – Какие рассказы, мы подохнем через восемьдесят минут! И все твои таланты нас не спасут… Какие там, к черту, рассказы?!

– Развлекательные, – ответил Макс и засмеялся. – Если ты уверен, что нас ничто не спасет, даже мои таланты, то какого черта тратить зря нервы? Ты же не боишься умереть, скажем, от рака или от старости?

– До этого еще далеко! А теперь, по твоей милости, нам всем придется несвоевременно подохнуть. Я к этому не готов.

– Знаешь, – Макс ухмыльнулся, – своевременность смерти – вещь всегда спорная…

– Все равно это бред. Пир во время чумы.

– А мне эта мысль нравится… – подал голос кибер. – Совершенно чокнутая мыслишка, просто больная! Но мне нравится… Я, пожалуй, расскажу… Я, один черт, не смогу полностью отключиться и, если начнется веселье, не прозеваю.

– Отлично! – воскликнул Макс и кинул ему обруч. – Что это будет?

– Да вы все идиоты?! – заорал Логус. Он уселся возле баррикады, внимательно глядя на лестницу. – Я в этом участвовать отказываюсь…

– И на здоровье, – мигом среагировал кибер. – А я расскажу, собственно, то, с чего следует начинать разговор об Алексе. Кто-то сказал, что его считают живым, и это имеет под собой основания, правда мистического плана…

Комната погрузилась в туман.

Перед тем как восприятие реальности переключилось, Керк увидел, как Макс кинул обруч Логусу. Тот недовольно покачал головой, но обруч принял.

«Псевдобожественная трагедия, или Маленькая пьеса со странным финалом»

Все покажется легко.
За спиной мелькнет крыло.

Группа «Пикник»

Мистер Тамбурин обнаружился, как всегда, за голографической рекламой колы, что на углу двух проспектов. Там темно, призрачного света голограммы достаточно, чтобы проконтролировать честность сделки. Впрочем, на Тамбурина ему обижаться еще не приходилось. Он был всегда так же честен, как и грязен. Может быть, поэтому он и сидит постоянно в этом своем «голографическом офисе» и не высовывается наружу без особой нужды. Только за «пожрать» и за товаром.

– Здоров будь, Алекс. Как двигаются руки? – Тамбурин, как обычно, дословно переводит приветствия с разных языков. На сей раз выпало что-то прибалтийское.

– Вполне прилично. – Алекс осторожно обошел кучу мусора, пустых пластиковых стаканчиков и бутылок.

– За стандартом пришел? Или просто поболтать?

– Болтать еще с тобой… За стандартом. – По стене пробежал таракан. – Ты тут скоро гнить начнешь.

– Гнить? Я? Уже начал. Представляешь, на днях поцарапался о какой-то гвоздь. И до сих пор не заживает.

– А где поцарапался?

– А, где-то в Центральном. Шел к подруге…

– Дубина… Я имею в виду, где поцарапано. Рана где?

– А я откуда знаю, что ты имеешь в виду?! Здесь. – Тамбурин ткнул грязным пальцем себе под лопатку и повернулся к Алексу спиной.

– Что ты ко мне своей задницей повернулся? Снимай хламиду.

Тамбурин хмыкнул, но робу снял. Под ней оказалась на удивление чистая и дорогая рубашка.

– Задирай, тупица.

Под лопаткой виднелась нездорового вида царапина, покрытая по краям корочкой засохшего гноя. Смотрелось паршиво. Пахло еще хуже.

– Что-нибудь делаешь? – спросил Алекс, когда он оделся.

– Делаю. Анаболики.

– Кретин. Тебе специалист нужен. Не хочешь по-нормальному, сходи к друидам.

– Угу. Очень надо потом вдруг обнаружить, что вторая почка у меня случайно заменена на автомат. Это тебе с друидами легко общаться, а меня они живо на запчасти разберут.

– Ну и сгниешь по самые яйца. Почку ему жалко.

– Пошел ты. – Тамбурин беззаботно хлопнул по стене ладонью и расплющил таракана в жидковатую лепеху. – Ползают тут всякие… А потом инспектора появляются.

– Этот был обычный, – сказал Алекс, глядя, как лепешка с торчащими в разные стороны лапками отваливается от стены.

– А поди разбери, когда он обычный, а когда у него вместо усов детекторы висят.

– Уже было?

– Было. – Тамбурин заулыбался. – Только я ведь тоже не чайник. У меня каждый клиент в базе по ДНК висит. А база через деку на ДНК-детектор завязана.

– Почему же ты его тут не держишь? – спросил Алекс и понял, что попал пальцем в небо. Тамбурин загукал и начал брызгаться слюной. Это означало смех.

– Не держу… Хорошая шутка. Ладно. Я тебе общую схему сказал, а детали тебя не касаются. Короче, если сюда не мой клиент сунется, его будет ждать сюрприз.

– Угу… – Идея с базой по ДНК Алексу нравилась все меньше и меньше. «Не люблю, когда на меня в посторонних источниках данные имеются, – подумал он. – Ладно, давай к делу. Лимит твоего времени на болтовню исчерпан.

– Ну к делу так к делу. Будет тебе дело. Рассчитываться чем будешь? Только зелень не предлагай. После того как япошки штатникам задницу надрали, портреты их президентов не котируются. – Тамбурин произнес эту фразу с явным удовлетворением. Кто-то у него погиб во время оккупации, кто, не знаю, но штатовцев Тамбурин ненавидит люто.

– Я в курсе. Однако, как ты помнишь, Индия надрала задницу япошкам. Так что хочешь йены, хочешь рупии. А может, ты местные примешь?

– Приму. Без энтузиазма, но приму. Кстати, индусы не добрались бы до Токио, если бы некая страна не продала им геотермальную ядерную бомбу. – Японцев Тамбурин просто обожает. Даже прожил в Японии три года. Связи налаживал.

– Рубли ты сегодня принимаешь?

– Я их всегда принимаю. Но без восторга.

– Плевал я на твои восторги.

– Как всегда. – Тамбурин достал словно бы из ниоткуда черный пакетик. – Будет что надо, забегай.

– Забегу-забегу. Береги себя, Тамбурин.

– И ты не кашляй, Алекс.

Покидая «заведение» Тамбурина, Алекс прошел сквозь часть голограммы. Он понял, где Тамбурин прячет ДНК-детектор. «Сообразительный. Но базой его надо будет заняться. Не нужен ему мой код. Совсем не нужен. Я потому к нему и хожу, что анонимность моя гарантирована».

На улице было туманно и прохладно. Едкий и пыльный туман забивался под веки, и Алекс надел «консервы». Подождал, пока струйки биологического раствора перестанут мешать зрению, и направился к ближайшему входу в подземку. Ночь надвигалась.

Сам с собой испуганно: Снова ночь. Темный туман. Призраки света. Люди Летучими голландцами проплывают мимо. Днем было не лучше. Но днем было светло. Сыро. Противно. Туман забивается в поры кожи. Что же они… Что же Я сделал? Или чего Я не сделал? Бежать. Бежать! Куда? Тогда стоять на месте! Зачем? Но ведь что-то же надо! Что? Раньше так не было, раньше так не было, Ты ведь помнишь?! Помню. И Ты ничего не сделаешь? Сделаю. Ну тогда делай! Делай! Беги, стой, плачь, кричи, молись. Хотя кому Ты можешь молиться? Себе…

Кишка поезда исчезла в туннеле, утягивая за собой различный мусор, накопленный неисчислимыми пассажирами подземки. Бумажные свертки, газеты, какие-то тряпки неслись по воздуху, подхваченные пыльным вихрем.

Алекс опоздал к поезду. Створки дверей грохнули прямо у него перед носом. «Наплевать, – подумал он, – подожду». Отойдя к ближайшей решетчатой колонне, Алекс огляделся. На перроне было пусто. Для ночных гуляк еще рано, для дневных работяг уже слишком поздно. Впрочем, для ночных работяг тоже. Садиться на скамью Алекс не стал, сиденье было основательно заблевано. До поезда оставалось еще около трех минут.

Пройдясь по перрону, Алекс полюбовался на искусно нарисованные на стене женские половые органы. Неизвестный график использовал голографическую краску, и изображение выглядело невозможно реальным. Краска была свежая. Со временем изображение потускнеет, а вскоре и совсем исчезнет – испарятся голографены.

Все как обычно. Город, после разрушения старой столицы взявший на себя сомнительный ее титул, жил свой жизнью,

продвигаясь во времени от минуты к минуте, от года к году не меняясь.

Поезд, похоже, опаздывал. Автоматика сбоила. В системах подземки лазили начинающие хакеры и опробовали свои навыки, часто полученные под гипнозом. Какой-то такой парнишка три года назад стал причиной серьезной катастрофы: испытывая на прочность систему защиты подземки, чайник-хакер перестарался и вызвал к жизни такие процессы, остановить которые он был не в состоянии. В результате три поезда прибыли на одни и те же пути одновременно. Перрон был сметен начисто, жертв – не сосчитать, и правительство объявило это происшествие террористической акцией. Потом в городе патрули долго останавливали каждого встречного-поперечного. Спрашивали документы. Кого-то даже посадили. Объявили траур.

Парнишка, узнав о том, что он натворил, задушил леской своего учителя, застрелился сам, и мало кто знал, что этот маленький студентишка, ставший пеплом в городском крематории, и есть тот самый мифический террорист-одиночка, угробивший не одну сотню людей в метрополитене.

Впрочем, это происшествие нисколько не улучшило качества компьютерной защиты подземки. Подземка была государственная, а значит, ничья.

Поезда все не было. В неофициальном руководстве по пользованию метрополитеном говорилось, что, если поезд запаздывает более чем на четыре минуты, рекомендуется покинуть помещение станции и выйти на улицу. До критического срока было еще далеко, и Алекс снова прогулялся по перрону.

– Прекрасный образчик современного искусства! – сказал некто за его спиной. – Вы так не считаете?

Чувствуя себя последним идиотом, Алекс обернулся.

У настенной картинки стоял среднего роста господин в клетчатом костюме неопределенного, но очень дорогого цвета. Галстук был завязан хитрым узлом и заколот алмазной булавкой. В таком костюме не в подземке по углам отираться, а на личном роллере ездить…

– Это вы мне? – Робости, которую испытывает большая часть общества при общении с так называемыми «повелителями жизни», Алекс не чувствовал. Он слишком хорошо знал эту породу людей.

– Вам-вам! Больше здесь никого нет и еще минуты две не будет точно. Посмотрите, как прорисовано! А? Какая сила жизни вложена в каждый мазок кисти! – Похоже, неизвестному действительно нравилась голограмма.

– Кисти здесь не было, – скучным голосом произнес Алекс. –

Он баллончиком рисовал.

– Баллончиком?! – Неизвестный был поражен. – Баллончиком?! Это же просто гениально! Это восхитительно! Это невероятно!

Сила его восхищения была так велика, что Алекс стал немного сомневаться в собственных чувствах по поводу настенной анатомической живописи голографической краской. Может быть, действительно… Да ну, бред! Женские половые органы в масштабе один к пяти – что особенного?

– Да… Сила! Я повешу это у себя дома. Да! Обязательно! Как натурально написано! Я проверял! – Незнакомец повернулся к Алексу с выражением откровения на лице. – Честное слово.

– Верю, – сказал Алекс, разглядывая за спиной незнакомца полуголую девицу в нелепой юбке кислотно-зеленого цвета. Девица пускала в воздух дым, вдыхая его, Алекс не поверил глазам, из кальяна. Маленького, но натурального кальяна. «Сюр, – припомнил Алекс полузабытое слово. – Полный!»

– Да, да. Люблю старые вещи. Привык. – Незнакомец проследил за взглядом Алекса. – Вы, кажется, тоже?

– Что?

– Я говорю, старые вещи любите?

– Старые вещи?

– Да. Они надежнее. Механизм более прост, а значит, более совершенен. Очень надежно в использовании.

Почему-то на ум Алексу пришло, что у него дома в ящике стола лежит старый механический револьвер. Механика в нем действительно была простая и на редкость надежная. По крайней мере, отказов не случалось.

– Возможно. – Незнакомец нравился Алексу все меньше и меньше.

– Конечно, возможно! Судите сами. Вот сейчас два поезда в этой подземке, напичканные электроникой, всякими там логическими цепями и прочими сложностями, несутся по туннелям на магнитной подушке и несут в себе кучу насмерть перепуганного народа. Они проскочили уже две станции на полном ходу, а вы знаете, что происходит на станции, когда мимо проскакивает поезд на скорости пятьсот километров в час? О! Зрелище апокалиптическое. Воздушная волна впереди, плющащая о стены, и огромная засасывающая воронка позади. А внизу контакты… Да. – Незнакомец удовлетворенно засмеялся, черты его неуловимо изменились. – Эти два поезда не столкнутся лишь по нелепой случайности. По глупости оператора, который совсем обезумел от ужаса в комнате управления. Эти два поезда даже успешно затормозят где-то неподалеку и прибудут прямо сюда.

Очень тихо и медленно. Правда, нагружены они будут полуспекшимися трупами, потому что термоизоляция самоотключилась. Автоматика… Сложная вещь! Ну, парочка временно живых, конечно, будет.

В туннеле послышался шум. Что-то двигалось там, задевая о стены изоляторами. Алекс начал продвигаться по направлению к выходу.

– Да-да. Вам лучше идти, – сказал незнакомец. Изо рта у него торчали крупные острые зубы. – У нас с моей милашкой кое-какие дела с некоторыми из пассажиров. Милая!

Незнакомец длинным ногтем, нет, пожалуй, когтем, поманил девицу, стоявшую у стены. Девица изогнулась и прыгнула к незнакомцу, встав при этом на четвереньки. Затем оба посмотрели на Алекса. Девица не изменила облика, она осталась человеком, и это было еще страшнее.

– Иди. Я зайду к тебе, потом, – сказали голубого цвета губы.

А потом кулак ужаса вышиб Алекса из подземки, как волна углекислого газа вышибает пробку из бутылки. Последнее, что осталось в его зрительной памяти, это поезд, который тихонько, словно ягненок, выполз из туннеля, и незнакомец, открывающий двери обгоревшего вагона здоровенной лапищей, на которой болтаются остатки клетчатого пиджака.

Сам с собой: Почему я тут оказался? Почему? Я не могу ответить на этот вопрос. Было время – я знал все. Я знал все правильные ответы на все вопросы. Я даже знал правильные вопросы, а это намного сложнее, чем заглянуть в конец учебника, чтобы узнать ответ. Мне было подвластно все мироздание. И я… Я жил. Они строили мне храмы и умирали с моим именем на устах. Почему же вышло так, что меня забыли? Поток слабел, слабел… Кто может ответить, почему?

Спокойно: Я могу.

Удивленно: Кто?

Напряженно: Я.

Раздраженно: Ах, это Ты… Ты, должно быть, торжествуешь?

Зло: Нет. Мне досталось не меньше твоего.

Недоуменно: Но ведь вокруг все твое – теперь.

Исчезая: Не мое…

Исчезая вместе с ним: Странно.

Поставив сторожа на дверь и вентиляционные решетки, Алекс забрался в обжигающую ванну. Мелко тряслись руки. Черный пластиковый пакетик лежал рядом, но Алекс не торопился его вскрывать. До наступления момента, когда неодолимая Жажда

скрутит его в тугой узел, оставалось еще время, а впадать в нереальность Алексу сейчас не хотелось.

Вспоминая увиденное в метро, он уже не мог понять, что послужило причиной столь сильной волны ужаса, охватившей его. Ну, встретился в подземке с маньяком-террористом, ну и что? Обычный представитель городского дна, оборотень. Импланты-модификаторы позволяют и не такое со своим телом проделывать. Сам Алекс ничем не лучше. Но что-то было в этом больном незнакомце и его подруге. Что-то! Вот оно – главное слово! Что-то. Невозможно опознать, невозможно представить, невозможно понять. Не должно быть, но есть!

Нет, конечно, невозможно знать все! Но любая система, программа, оружие, производственный комплекс, новое изобретение или что-либо, созданное человеком, несет на себе печать. Печать человеческих рук, разума, воли, любви, наконец. Но этот человек… Незнакомец… Существо в подземке… Кто это? Что это?

Алекс не был атеистом. Атеистов вообще не было. Само это понятие стерлось в веках, прожитых человечеством, как стерлось понятие Веры в богов и понятие самого Бога. Алекс не верил ни в Бога, ни в Черта, ни… Это было нормально. Но непробиваемый лед его отрицания сегодня был взломан жестким ударом снизу. Со дна. Из невообразимых глубин подсознания Человека.

Но что-то еще не давало Алексу покоя… Что-то еще… Страх. Тот ужас, который гнал его от станции метро. Его не должно было быть. Совсем. Очень давно Алекс пошел к друидам. И друиды выставили в его сознании блоки. С тех пор страх превратился в настороженность, а когда ситуация становилась действительно опасной – страх обострял точность, быстроту реакции, способность объективно оценивать ситуацию, но не управлял организмом. Это было очень важно, и Алекс немало заплатил за эту операцию. И не только деньгами.

Скрючившись в постепенно остывающей воде, Алекс дрожал как осиновый лист. По телу маршировали легионы маленьких мурашек. Голова кружилась, но зрение оставалось кристально-чистым, и от этого тошнило еще сильнее. Тяжелая муть поселилась где-то внизу живота. Жажда напомнила о себе и принялась неумолимо диктовать свою волю, требуя, требуя, требуя…

С невнятным криком Алекс схватил с края ванны черный пакетик и высыпал в рот серебристо-серый порошок.

Стало тепло.

Звук входного визора неприятен. Он так настроен: быть неприятным, чтобы хозяин дома побыстрее подошел к визору и

разобрался с пришедшим к нему гостем. В квартире Алекса визор зазвучал между тремя и четырьмя часами ночи. Алекс беспробудно спал уже вторые сутки, когда в его сны грубо вломился зуммер.

Шлепая босыми ногами по полу, Алекс подошел к визору и включил экран. И натолкнулся на лучезарную улыбку давешнего незнакомца.

– Здравствуйте, Алекс! – сказал тот, непринужденно стряхивая с плеча пиджака какую-то пылинку. – Я вдруг вспомнил, что обещал зайти к вам.

«На визоре нет обратной связи. Он не может меня видеть, – подумал Алекс. – И все же видит!» – Алекс нажимал на кнопку дистанционного открывания замка.

«Какой обязательный человек, обещал и зашел», – бормотал про себя Алекс, раскладывая по углам камеры с инфракрасными прицелами типа «свои-чужие» и излучателями широкого спектра поражения.

«Даже интересно», – рассуждал Алекс, приводя себя в состояние боевой готовности и наливая кофе в две чашки, свою и гостевую, предварительно смазав последнюю «сывороткой правды».

«Ни хрена это не поможет!» – мысленно подвел итоги Алекс, открывая входную дверь и пропуская гостя в квартиру.

– Очень у вас тут мило, – сказал гость непринужденно. – Так уютно. Только холодно как-то.

– Да. Мне так нравится. – Алексу действительно нравилось, что в его жилище прохладно. Да и было в квартире несколько мест, где теплый воздух был бы только вреден.

– Хорошо. Очень хорошо, – непонятно почему сказал гость и затем спросил: – Вы не возражаете, если я покурю? Привычка.

– Нет, не возражаю.

– О… Да, конечно. Большое спасибо…

Алекс понял, что гость сменил манеру поведения с уверенно-нагловатой на рассеянно-придурковатую. И то, как легко он это проделал, внушило Алексу некоторое подобие уважения к незнакомцу.

Гость развалился в кресле и закурил. Густой запах распространился по комнате, и Алекс по отсутствию реакций у своих имплантов понял, что к табачному дыму не примешано ничего отравляюще-гипнотического.

Алекс поставил на столик поднос с дымящимися чашками и пояснил:

– Кофе.

– Эээ… Да. Очень приятно. Спасибо. – Гость казался

растерянным.

– Смените.

– Что? – не понял гость.

– Манеру поведения. Меня раздражают рассеянные люди.

– Откровенно, – сказал гость и закинул ногу на ногу. – Нравится. Пепельница есть? У меня скоро пепел упадет.

– Пепельницы нет. Она вам так нужна?

– Да, вы правы, не нужна. Но мусорить мне бы не хотелось. – И гость аккуратно слизнул столбик пепла с сигары. Длинным красным раздвоенным языком.

Алекс не отреагировал.

– Как мне вас называть? – спросил Алекс. Ему уже начала надоедать эта игра.

– Как хотите. Что тебе в имени?

– Тогда я буду звать вас – Урод, – произнес Алекс.

– Хм. Да как вам будет удобно, Алекс. Это слово ничем не хуже любого другого.

– Чем обязан визиту? Урод усмехнулся:

– Вы очень торопливы. Все люди такие. Все время спешат, мчатся… Но, с другой стороны, таков мир, в котором мы живем. Общество диктует правила индивидууму. Если, конечно, тот вовремя не поднялся над правилами… Да. Итак, вы хотите знать причину моего визита. Причина – это вы. Точнее, род ваших занятий.

После этой фразы наступила небольшая пауза. Урод затянулся и выпустил огромный клуб дыма, почти полностью скрывшись в нем. С потолка, на тоненькой ниточке, спустился маленький паучок. Спустился и повис возле левого уха Урода. Взрывчатки, которой был начинен паучок, как раз хватит на то, чтобы разнести голову любому существу в радиусе около метра.

– А чем, по вашим сведениям, я занимаюсь? – спросил Алекс.

– Ну, в данный момент вы решаете, убивать меня или не убивать, – ответил Урод и пощекотал мизинцем висящего рядом с ним «паучка». – Симпатичная игрушка. М-да. Однако, убив меня, вы не выиграете ничего. Даже если сумеете меня убить. А вот наше сотрудничество может принести вполне достойные плоды. Вполне. Вы облегчите жизнь мне, а я, в свою очередь, заметно облегчу жизнь вам.

Алекс молчал. Ситуация ему не нравилась. Ему не нравилось, что на встречу Урод пришел один, без телохранителя, который просто положен такой персоне. Не нравилось, что Урод предугадывает поступки Алекса на два порядка вперед. Не нравилось, что Урод потихоньку диктует ему свои условия игры. Не нравилось, что паучок висит возле самого уха Урода и ничего

не делает, хотя команда на взрыв была подана уже давно. Не нравилось… Ну, в общем, много чего не нравилось Алексу, и больше всего то, что от него ждут ответа, зная заранее, каким он будет.

– Условия? – тихо спросил Алекс.

– Условия… Ну, скажем, такие. Вы выполняете работу. Один объект, ну, может быть, два. И получаете плату. Любую. Абсолютно любую. Ну, в разумных пределах, конечно. Я надеюсь, что не услышу предложений типа повернуть время вспять, изменить историю или очистить атмосферу Земли. Это слишком трудоемко. Хотя… Ну, говоря образно, ваше желание должно укладываться в рамки физических законов, принятых на Земле. Вам понятно?

– Бред.

– Хм… Почему же бред? Вы мне не верите? – спросил Урод и, нагнувшись, исподлобья посмотрел Алексу в лицо. При этом губы гостя заискивающе улыбнулись, обнажив хорошие, крепкие и, что любопытно, – человеческие зубы.

Вдруг Алекс понял, что верит:

– Кого?

– Согласен… Это хорошо, что ты согласен. Хорошо… – протянул гость, внезапно перейдя на «ты». – Я скажу тебе, кто будет объектом. Ты получишь точные инструкции. Настолько точные, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

Сказав это, Урод положил на столик неведомо откуда взявшуюся папку.

– Когда ты выполнишь задание, я узнаю об этом. Я приду. Временных границ я не ставлю, но лучше сделать все быстро. Видишь ли, я опасаюсь, что время пребывания объекта в пределах твоей и моей досягаемости ограничено. Так что постарайся. Если тебе что-нибудь будет нужно, я тоже найду тебя.

Сказав все это, Урод превратился в обыденно-усталого человека.

– А теперь я пойду, – сказал он и потянулся. – Спать хочется.

И вышел, оставив Алекса разбирать документы.

Сам с собой: Желтый свет. Больной желтый свет. Ты уже давно тут обретаешься?

Зло-равнодушно: Нет. Перебрался буквально месяц назад.

Удивленно: Месяц. Ты измеряешь время…

Равнодушно: Да. И поверь мне, ты тоже скоро станешь этим заниматься. Тут больше нечего делать. А время… Мы с тобой его недооценили. Оно надолго переживет нас. (Смеется). Правда, глупо звучит?

Глухо, руки прижаты к лицу: Ну почему глупо? Дети переживают отцов.

Насмешливо: Это относится только к тебе. Ты у нас… Гхм. Папаша. Можешь на улицу выйти, посмотришь, чем детишки занимаются!

Устало: Не нужно приниматься за старое.

Ты ведь и сам помнишь, как все начиналось. Серьезно: Помню. Прости. Они действительно были необходимы нам. Но… Ладно. Не стоит. Они и сейчас нужны нам…

Почти обреченно: Вот только мы не нужны им.

Все улицы похожи друг на друга днем: смог, пыль, люди. Ночью каждая улица обретает свое лицо. Ночью даже самый захудалый переулок становится Местом. Со своей историей, традициями и порядками. Некоторые улицы ночью веселы и крикливы, как перепившие шлюхи, а некоторые похожи на притаившихся зверей – пойдешь и сгинешь бесследно где-то посередине.

Алекс шел как раз по такой улице. Темной, освещение полностью подавлено, и страшной. Впрочем, Алекс на такой улице вырос. Его не пугали ни «халаты», торговцы органами, ни перебравшие наркоманы, выделывающие коленца на тротуаре, ни мелкие наемники, поодиночке попадавшиеся на пути. Все это было своим, родным и знакомым. Алекс сам когда-то был таким же. Он в тяжелые годы приторговывал органами, вырезанными у несчастных жертв, он употреблял наркотики, потому что Жажда была сильнее его воли; и он был наемником, но не начинающим, а специалистом, профессионалом. И сегодня он шел к другому профессионалу.

Дверь в подвал была загорожена. Большим человеком. Странно. Раньше такого не было.

– Здравствуй, приятель, – спокойно сказал Алекс. – Ковбой дома?

– Иди своей дорогой, парень. Нету его дома. Гуляет. Свежим воздухом дышит. И ты поди подыши. – Голос амбала ломался, как у мальчишки. Видимо, он сознавал этот свой недостаток и старался говорить тише и сипловато.

– Ага. Сейчас и пойду, – отозвался Алекс в дружелюбной манере. – Вот только мне забрать у него кое-что надо. Я даже знаю, где это лежит, возле зеркала в ванной. Черная такая коробочка. Может, ты сходишь? А я постерегу тут.

– У меня ключей нет, – ответил громила, демонстративно разминая кисти рук. – Может, пойдешь куда-нибудь еще?

– Нет, пожалуй. Мне все-таки забрать ту штуку нужно… Вот. –

Алекс отодвинулся. – Может, сам отойдешь?

Громила ответить не успел. За дверью что-то грохнуло, и закрашенные изнутри стекла подвала озарились ярким светом. Громила развернулся, вышиб дверь и метнулся внутрь, но вдруг замер на пороге, вспомнив про Алекса. Развернуться он не успел. Упал с отбитыми почками и переломанным кадыком. Два удара, правой по почкам и внешней стороной ребра левой ладони по горлу, и амбалу стало вдруг все «сугубо фиолетово», как выражался Тамбурин.

Помещение, наполненное густым дымом, было ярко освещено. Потолочные лампы без плафонов заливали подвал резким светом. В углу валялся явно мертвый человек, точная копия охранника, которого вырубил Алекс. Вместо правой руки у человека была культя с рваными краями, видимо, результат взрыва. Кто-то кашлял, дым был довольно едким. Слышны были тяжелые мерные удары. Алекс пошел на звук.

Ковбой лежал на столе, служившем ему кухонным. Рядом стоял худой мужик и сосредоточенно лупил Ковбоя доской по лицу.

– Эй, чудик. Бить человека по лицу нехорошо.

– А? – Худой развернулся, ошалело взглянул на Алекса и крикнул вглубь помещения: – Гриша, козел, кто тут шляется, твою мать?!

– Я с Гришей уже познакомился. Очень он плох. Кашлял сильно. Ты бы Ковбоя отпустил… Мне он нужен очень.

Худой не стал тратить время на разговоры, его левая рука кинула в Алекса доску, а правая метнулась к поясу, где висел пистолет, старая модель, находящаяся на вооружении у правительственных сил поддержания порядка. Все это Алекс восстановил в памяти потом, после того как поймал доску, сделал два молниеносных шага вперед и раскроил этой же доской голову худому. «Плохо сработал, – подумал Алекс, глядя на то, как Ковбой выдувает кровавые пузыри ртом. – Надо было раньше сюда заявиться».

Лечить Ковбоя легко. Неизвестно, знали ли это налетчики, но когда-то давно Ковбой сделал несколько операций по увеличению уровня своих регенеративных способностей. Собаке с ее заживляемостью было до Ковбоя далеко. На нем все заживало буквально в течение нескольких часов. Заживало быстро, но в дальнейшем косметической операции было не избежать: при взгляде на сумасшедшее сплетение уродливых шрамов на месте лица Ковбоя становилось не по себе. Хуже было со сломанными руками. Тут требовалось несколько спокойных дней, а таким сроком Ковбой, видимо, не располагал.

– Что так рвануло? – спросил Алекс, наблюдая, как маленький Ковбой, неуклюже сжав перебинтованными руками стакан, глотает спиртное.

– Сейф. Я не думал, что они его вскроют. А вскрыли… Ну, защита и сработала.

– Защита?

– Ага. Там, если не подождать две минуты после открывания всех замков, детонирует взрывчатка…

– Что за взрывчатка?

– Да я формулу-то не помню. Сам сварганил. И к задней стенке прилепил. Коды я им давать не хотел, думал – пришьют, когда узнают.

– А кто они такие?

– Да я почем знаю. У меня клиентов знаешь сколько?! Значит, какой-то клиент того… Попался. Ну и про меня натрепал. Сука.

– Кому натрепал-то?

– Кому? В этом-то все и дело! Конторе натрепал.

– Ты хочешь сказать, что я только что положил трех служащих Конторы?

– Угу, – отозвался Ковбой и закашлялся – А по поводу доски они бы потом сказали, что, мол, на лестнице упал, лицом вниз. Сволочи. Сволочи на службе у государства…

– Проблемы… – тихо сказал Алекс.

– А ты чего зашел? – спросил Ковбой, когда Алекс помог ему открыть закодированный ход в стене.

– Да так, мелочи. Человечка одного найти хочу. Данные нужны. Ну и в базочке одной тебя хотел попросить покопаться… Но, видимо, в другой раз теперь.

– Да уж. Я сейчас глубоко нырну. – Ковбой шагнул в глубь туннеля. – А что за человек?

– Да так… Сложный случай. Ни имени, ни фамилии… Даже голографии нет. Только что-то вроде клички известно, да еще кое-что по мелочам.

– Действительно, тяжелый случай. А что за кличка?

– Хитрая такая… Дурацкая… – Алекс поморщился. – «Бог».

Ковбой помолчал, что-то вспоминая. Потом почесал в бороде и сказал:

– Таких знаешь сколько… Не совсем реальная работенка. Есть у меня адресок для тебя. Может быть, там помогут.

По указанному Ковбоем адресу находился информационный центр. Неисчислимые миллиарды единиц и нулей ежесекундно пронизывали это здание. Абстрактная информация тут загонялась во вполне конкретные каналы, русла и текла по указанному ей свыше направлению. Алекс бы не удивился, узнай он, что в это

место стекается информация со всего города. Впрочем, наверное, так оно и было.

Следуя указаниям Ковбоя, Алекс не стал ломиться в парадный вход, а обошел здание со двора и спустился в подвал соседнего дома. Вход был завален мусором, пустыми коробками и дерьмом. Дверь открывалась наружу, сгребая мусор в кучу.

«Страсть к подвалам у них врожденная, – подумал Алекс, пробираясь сквозь хитросплетения проводов, кабелей и тому подобной ерунды. – Неужели нельзя арендовать нормальную квартиру?!»

Пройдя еще один мусорный завал, Алекс уперся в дверь с веселой надписью, старательно выведенной светящейся краской: «Еще не родился тот ублюдок, который вошел бы в эту дверь без приглашения! И ты не пробуй».

Здесь Ковбой советовал остановиться и постучать, громко. Что Алекс и сделал, предварительно отойдя за бетонный косяк.

Пауза затянулась. Но вдруг дверь стремительно распахнулась и в нее, сопровождаемый матерщиной, высунулся ствол чего-то крупнокалиберного.

«Ты не дергайся. Он там парень немного нервный… Но в целом хороший», – памятуя об этом наставлении Ковбоя, Алекс подхватил ствол снизу, легко увел вверх и, схватив другой рукой, толкнул его назад. В темноте ойкнули и ружье отпустили.

Алекс вошел. В полутемном помещении он разглядел тощего верзилу, который, сжав себя руками внизу живота, подпрыгивал на корточках.

– Что ж ты, сука, делаешь? – со страданием в голосе спросил верзила. – Ты кто такой?

– Я от Ковбоя, – сказал Алекс, ставя ружье в угол.

– Чтоб он сдох, твой Ковбой! – Чувствительное место не давало ему покоя. – Козлов всяких присылает…

Алекс терпеливо ждал, когда хозяин подвала угомонится, и попутно рассматривал обстановку. Все как всегда для такого класса людей. Пара столов, заваленных обломками плат, схем и тому подобного барахла вперемешку с пустыми коробками из-под уличной еды, двуспальный лежак в углу, на котором кто-то тихо сопел, и компьютеры, компьютеры, компьютеры. На полу, на стене. Со следами ботинок, плевков, просто сломанные.

Тощий все распространялся по поводу генеалогической линии Алекса и Ковбоя, а также о том, в какой извращенной форме эти двое могут заняться любовью с ослом и сколько раз.

Все это начало Алексу надоедать, и он, подойдя к тощему, встряхнул его и поводил перед носом небольшим пакетиком измененного героина. Поведение хозяина подвала резко

изменилось.

– Ну вот… Того. Дело, значит, – сказал он, садясь на край лежака.

– Тебя как звать, свинка?

– Сам свинка, а я Лелик.

– Лелик… Ладно, Лелик, у меня к тебе дело есть. Плату ты уже видел. Ковбой сказал, что ты парень толковый, но чокнутый. Так что садись за свои кнопки и не трать мое время даром.

– Сам он чокнутый. Того… А дело-то какое? Какое дело-то? Ломать я не это… Не занимаюсь я ломом. – У Лелика были явные проблемы со словами-паразитами.

– Ты мне мозги не пудри. Мне глубоко наплевать – лом это или не лом. Ты героин получить хочешь?

– Ну… Хочу… А чего делать-то?

– Мне найти человека нужно. Только данных очень мало.

– Мало… Так ведь это… Ну. Блин. Какие данные-то?

– Что-то вроде кликухи. Вроде он такую использовать будет. Везде, где появится…

– Слушай, я тебе все сделаю. Но вот героин ты оставь мне… Того… в любом случае. Я ведь постараюсь. А уж результат я не обещаю. Вот.

– Договорились. Только давай базар кончать и за дело возьмемся.

– Давай. – Лелик пхнул лежащую под одеялом фигуру: – Вставай, работенка подвалила!

Из-под одеяла выполз заспанный парень в мятых незастегнутых штанах и футболке.

– Ты голубой, что ли? – спросил Алекс.

– Сам ты… Того. Козел, – огрызнулся Лелик и сел за пульт. – Какая кличка-то? Блин.

– Кличка – Бог. А может, звать его так. Еще несколько имен есть.

Лелик неопределенно хмыкнул и застучал по клавиатуре.

– Тебе по городу данные нужны или по какому-нибудь району? Мне, того, по городу легче. По городу тут рядом ВЦ расположен, а так еще где копаться придется. – Тощий Лелик уже не видел ничего, кроме своего монитора, внешний мир существовал для него лишь как дополнение.

– По городу. Местонахождение за последние несколько суток.

– Три дня покатит? Тогда жди.

Время шло. Лелик ожесточенно стучал по клавиатуре. Что-то там делал на низком уровне. Его приятель, надев на голову виртуальный шлем, сидел и легко водил по воздуху руками, иногда выдавая какие-то слова.

Алекс бесшумно вышагивал по помещению. Стандартный подвал, несколько замаскированных черных ходов, которые Алекс раскрыл сразу. В общем, ребята не особенно зарабатывают. А может быть, наоборот… Может, им так нравится.

– Ладно. – Лелик оторвался от клавиатуры. – Ты. Того. В общем, готова тебе схемка. Мы тут такого засекли. Вот. В общем, странная кликуха, конечно… Кто сейчас такое вылепить может?.. Урка он, что ли?

– Нет. Тебе это знать без надобности. – Алекс поморщился. Его внутренности крутило знакомое ощущение – близилась ломка,

– Ну, без надобности так без надобности. Как знаешь. Героин-то ты на столик кинь…

– Давай схему, – сказал Алекс, бросая на стол героин.

– Да пожалуйста. – Лелик протянул Алексу лист пластика.

Пока Алекс читал схему, Лелик уже раскладывал инструменты по столу, что-то тихонько бормоча себе под нос.

Когда Алекс уходил, он увидел, как Лелик вколол своему партнеру, или любовнику, дозу и потянулся за своей.

Старый мир, старый и скучный.

Бежать по улицам современного города непросто. То и дело попадаются под ноги какие-то людишки, пьяные, коляски и протезы инвалидов. А еще можно нарваться на патруль, и тогда ты опоздал наверняка, куда бы ты ни шел – ты опоздал!

Алексу повезло: он на патруль не напоролся.

Возле знакомой и слегка потускневшей в свете дня рекламной голограммы Алекс остановился и перевел дыхание. Потом скользнул внутрь.

Тамбурина на месте не было.

– Зараза! – громко выругался Алекс. – Вот же…

Запасная доза «квазы» лежала дома, но до дома было еще далеко, и «кваза» была ему сейчас не к месту, а ломка подступала все ближе и ближе… Необходимо было добыть хотя бы что-то. Метадон-7В. Героин-15… Что угодно!!! Мир вокруг менялся, ожесточаясь в странных гримасах… Звуки покрылись трещинами, реальность стала разваливаться на куски, внутренности скрутило в один комок…

Алекс упал. Его вырвало. Затем он откатился к стене и замер там, вцепившись в стену ногтями. Все это происходило в абсолютной тишине, нарушаемой только легким потрескиванием голограммы…

Находясь на гребне волны разрушения, идущей изнутри его же организма, Алекс внезапно увидел чудесное и одновременно бредовое видение: стена распахнулась, и из нее вышел человек в

белом костюме и с бокалом шампанского в руке. По правую сторону от него стояли два амбала, которые направились к Алексу. «Су-уки…» – простонал Алекс и попытался вытянуть руку с боевыми имплантами… Затем человек в белом что-то крикнул, подбежал к Алексу и нагнулся над ним.

Обмирая от облегчения и осознания бредовости ситуации, Алекс опознал в нем Тамбурина.

Мир проявился через некоторое время. Обычный мир, в котором есть место всему. Наркотикам, боли, убийству и прочим радостям. Алекс лежал и смотрел на абсолютно чистый потолок. Шевелиться не хотелось. «Чуть не подох», – пронеслась ленивая мысль. Пронеслась и исчезла. Идея собственной смерти не вызвала никаких эмоций. Ну прихватило, ну и что?

– Оклемался? – Голос был знакомый. Алекс повернул голову. Рядом сидел Тамбурин. В белом костюме.

– Оклемался.

– Счет я тебе потом представлю. Ты какого хрена в неурочное время ввалился? Ты же знаешь, я в это время не на месте.

– Да так, прихватило… Подзадержался кое-где, а свою пайку пришлось отдать. Думал, до дома добегу…

– Угу. Не добежал, стало быть. Вообще тебе сильно повезло, что я тебя обнаружил… Даже очень повезло, я обычно в таких случаях милосердием не страдаю.

– Я учту.

– Учти.

Тамбурин замолчал.

– Я пойду, Тамбурин. У меня дела.

– Валяй. Через парадный вход я тебя не выпущу, а через подворотню проходи. Алекс встал, покачиваясь.

– Дураки вы все-таки…..

– Кого ты имеешь в виду?

– Наркоманов я имею в виду, – отозвался Тамбурин.

Алекс удивленно обернулся. Тамбурин, весь в белом, дико смотрелся на фоне заплеванной стены.

– Чего смотришь? Я торгую вашей смертью, а вы ее с удовольствием покупаете… – Тамбурин смотрел куда-то вдаль. – Я в этом бизнесе давно, но мне это до сих пор непонятно.

– А ты сам никогда не пробовал свой товар? – спросил Алекс.

Тамбурин посмотрел на него удивленно:

– Ты что, ополоумел?

Когда Алекс снова оказался на улице, он подумал, что теперь ясно, зачем Тамбурину такие деньги. Интересный день, поучительный.

Заинтересованно оглядываясь: Что это за место?

Привычно окидывая взглядом помещение: Так. Приятная забегаловка. Я тут часто бываю. Хорошая еда. Называется «У Князя».

Пододвигая к себе тарелку: Приятного аппетита.

Едят молча.

Яркая голограмма изображала большого мужчину в красном плаще и с бородой, у входа стоял швейцар, который впустил Алекса без лишних разговоров. В самом помещении было относительно пусто. Карман приятно отягощала капсула «квази». Алекс был готов и полностью экипирован. Он намерен выполнить договор с Уродом. Выполнить и… И… Алекс знал, что завязать не сможет. Как не сможет слезть с иглы, со своих порошков, с бесшабашной ярости «квази»… Убивать – это наркотик… Убивать врагов сладостно… Убивать незнакомых людей легко… А Алекс в своей жизни побывал на трех мелких войнах и слегка зацепил окончание Третьей мировой. Те несколько месяцев, когда индийцы наголову разгромили войска Сынов Восходящего Солнца и с истинно восточной невозмутимостью раздавали захваченные земли бывшим хозяевам. Тогда старый лозунг «Россия для русских» обрел новое значение. И не только для России.

Потом было несколько мелких войн на юге, где Алекс впервые столкнулся с боевым «квази», когда пятьдесят рядовых и один сержант прошли сквозь не один строй вооруженных до зубов моджахедов, оставляя за собой только трупы… И все пятьдесят дошли до цели живьем. Страшная штука боевое «квази»… А всего-то голубенькая капсулка…

Потом была другая война. На этот раз уже в коалиции с Японией… Алекс просто привык убивать. Это оказалось на удивление просто.

Все это промелькнуло в голове у Алекса и словно спряталось в большой карман… Как не было. Потому что Алекс вошел в ресторанчик и сразу увидел тех, кого собирался убить.

Усевшись рядом с их столиком, Алекс заказал коньяк и фрукты. Дорого, но вкусно, и фрукты настоящие, приятно.

Обостренный предбоевым состоянием слух улавливал каждое слово, сказанное за соседним столиком. Как бы невзначай Алекс оглянулся и запечатлел в памяти лица будущих жертв до мельчайших подробностей. Ничего особенного. Один седоватый пожилой мужчина, второй эдакий потрепанный ловелас лет сорока с залысинами. Только лицо у ловеласа было слегка темноватое, но не загорелое, а как-то по-другому. И глаза… Проникающие внутрь, темные, как смоль… Сильные глаза.

Алекс отпил из пузатого бокала. К алкоголю он был невосприимчив и в полной мере теплого винограда во рту…

Приятная расслабленность перед прыжком.

– Как ты считаешь, когда мы ошиблись? – Голос, похоже, принадлежал темнолицему.

– Когда плюнули на них и занялись своими делами, вместо того чтобы помогать им и воспитывать их. Они были нашими детьми, а мы забыли про них… – Голос седоватого был грустен. – Это предательство, которое не может не иметь последствий.

– Забыли… Я не согласен. Мы не могли помогать им, не решив, в какую сторону они пойдут. Мы просто не знали, куда их вести.

– Да. И поэтому начали драться между собой… Погубили все.

– Все… – Темнолицый обреченно покачал головой.

– Только мы упустили из виду то, что они нужны нам. Гораздо больше, чем мы нужны им. Как видишь, они живут. Живут и, что самое удивительное, довольны тем, как они живут. Вот только они не знают, как оно могло бы быть. Они не знают, что значит быть Богом! Мы пытались создать новых богов… А они так и остались людьми. Заготовками… Нереализовавшимися богами.

– А теперь мы потихоньку превращаемся в людей… Без их веры, без их любви… – Темнолицый тяжело вздохнул и отпил из своего стакана. – Может быть, начать сначала?

– Нет. У нас не хватит сил. Тогда повсюду был хаос… Помнишь? Мы черпали силу прямо из него. Просто из пространства, которого не было… Я мог стать чем угодно… – Седовласый замолчал и уткнулся взглядом в скатерть, махнул рукой. – Вселенная была слишком велика для двух одиноких богов. Нам нужны были другие… По образу и подобию…

Алекс встал и огляделся.

Все вокруг оказалось как бы за стеклянной стеной. И эта стена медленно, очень медленно вращалась. Алекс подумал, что ему стало вдруг весело и легко.

Алекс сделал два шага в сторону и, развернувшись, оказался на идеальной позиции для выстрела. Пистолет, словно на резинке, выскочил к нему в руку… Один долгий миг черный глаз ствола искал свою мишень… И встретился с двумя черными колодцами темнолицего… С двумя бездонными колодцами глаз. И произошло невероятное – пистолет дрогнул в руке. Все встроенные импланты в теле Алекса словно с катушек сорвались, в голове взвыло, и на сенсорные окончания обрушился шквал информации, предупреждений, знаков опасности. Импланты зарегистрировали гипноз, наркотический дым, смертельный радиационный фон, сильное излучение в невидимом диапазоне… И еще целую кучу всякой дребедени, которой в данный момент в

ресторане не должно было быть… Алекс понял, что датчики наглухо забиты ненужной информацией и не могут определить угрозу… На осознание этого факта ушла долгая, как век, секунда. Целая секунда потерянного времени… За это время темнолицый успел дотянуться до седовласого и толкнуть его со стула. Понимая, что он не попадает первым выстрелом, но еще не провалил дело, Алекс надавил на курок…

Раздался выстрел. Определив, что стреляют сверху, Алекс упал на живот и перекатился в сторону, под прикрытие мебели… Пули с легким шлепаньем ложились в нескольких сантиметрах от его тела.

В следующий миг ресторан превратился в ад. Крики, падающие тела… У дверей стояли несколько человек и косили из автоматического оружия все, что хотя бы чуть-чуть не укладывалось в положение лежа.

– Всем лежать! Всем лежать, скоты!!! – надрывался визгливый голос одного из стрелков. Кажется, женский.

Алекс проанализировал положение и понял, что все выходы из здания забиты. Вот ведь… Угораздило попасть на разборку группировок.

Те, что стояли у дверей, двинулись в зал, поминутно стреляя в лежащих людей.

– Мясники, – пробормотал Алекс.

Вдруг с балкона послышалась явно винтовочная пальба. Громко бахнуло, и кто-то заверещал, как маленький подбитый зверек. Заплакал. Снова выстрел, и недобиток заткнулся.

Алекс перекатился в сторону. Несколько пуль выбили пластиковые щепки из паркета рядом с ним.

«Хорошо, – подумал Алекс. – Вы сами этого хотели… Сами».

Он еще что-то бормотал, выковыривая чуть дрожащими пальцами из пакетика капсулку с «квази». Вторую за сегодняшний день.

В голове всколыхнулся голос Сержанта: «РВИ!!!», и ресторан погрузился в темно-бордовую мглу.

Алекс вынырнул из своего укрытия и направился к дверям. Быстро, очень быстро. Он теперь был большой, очень большой… Маленькие и смешные людишки метались под ногами и мешали идти. Алекс хлопнул одного по голове и раскроил ему череп. Это было смешно. Под «квази» все смешно и не страшно. У дверей Алекс натолкнулся на яркие вспышки, это глупые людишки посылают в него свой губительный свинец, маленькие шарики… Алекс легко уворачивался от пуль, они летели почему-то очень медленно и лениво. Их можно было оттолкнуть рукой… БАМ-БАМ. Маленький человечек удаляется с взорванной грудью. БАМ-

БАМ. Маленький человечек… БАМ.

У дверей почти пусто. Там еще что-то на балконе. Импланты Алекса заставляют его двигаться и уворачиваться от пуль, летящих сверху. Теперь группа засевших на балконе тоже заметила его и приняла еще за одну мишень. Алекс двинулся к лестнице.

Из дверей кухни выскочило трое, и на некоторое время стрелкам с балкона стало не до Алекса. Вот он уже и там. Вот он зашел сзади. Но смешной маленький человечек вдруг развернулся с недостижимой для него быстротой и вышиб у Алекса оружие.

– Ква-а-ази… – кривятся губы в кривой усмешке, и Алекс лупит по этим губам ногой.

– Квази, – повторяет Алекс над двумя мертвецами. Нельзя говорить, когда нужно действовать.

Влияние «квази» постепенно проходило, обыкновенная, не боевая модификация наркотика не могла держаться долго.

«Что-то я тут забыл, – подумал Алекс. – Что-то важное». Побочным действием всех «квази» – наркотиков было временное нарушение функций памяти. Постоянное применение довольно стремительно делало из человека куклу без эмоций и прошлого, да и без будущего тоже. Алексу до этого было далеко, потеря памяти была кратковременной.

Вспомнив про свою жертву, Алекс рванулся вниз по лестнице и успел заметить, как метнулся в дверь кухни краешек одежды седовласого. Туда! Алекс вышиб плечом дверь и, вспоминая черные колодцы глаз темнолицего, осторожно двинулся вдоль длинных столов и трупов в окровавленных белых фартуках, кто-то еще стонал, кто-то давился собственной кровью. Не до них сейчас. Надо выполнить заказ и рвать когти, скоро тут будет вся городская префектура вместе со всей городской медициной.

Быстро! Быстро!

Дверь на улицу хлопнула. Алекс побежал в направлении звука. Сбил с ног какую-то истерично кричащую женщину и вылетел в…

Сцена ярко освещена. В лицо бьет свет, и не видно никого в зале. Только чернота. Словно и нет никого там, за стеной света… А может быть, так оно и есть. Никого, только пустота.

На сцене трое. Наверное, это актеры. Кто-то шуршит за кулисами. Он готовится выйти на сцену.

Один из стоящих держит в руке пистолет, явно актерский реквизит, и удивленно озирается.

В программке написано, что пьеса не в стихах, автору не хватило упорства зарифмовать строки. Он притащил героев в пыльный зал, назвал их первыми пришедшими в голову именами,

хотя они могли быть кем угодно. Воля автора.

Сатана. Ну вот, все как в старые добрые времена. Никогда не думал, что скажу такое.

Бог. Да. Ты иногда бываешь прав. Как в старые добрые времена. Хотя что для нас может значить время?

Сатана. Кто знает, кто знает… Эта Вселенная еще не мала для нас двоих, но все еще слишком велика. Мы не сможем познать ее.

Бог. Ты опять прав. (Смеется.) Где ты набрался такой рассудительности?

Сатана. Я долго жил с ними. (Указывает на человека с оружием.)

Человек. Где я? (Продолжает изумленно озираться.) Кто я?

Сатана. Ты в самом начале. Нравится? Так могла бы выглядеть вся Вселенная, если бы вы стали такими, как мы. Вся Вселенная, как сцена, ну, или как площадка для игр! (Делает несколько шагов по сцене.) А что до того, кто ты такой… Это ты как-нибудь сам…

Человек. У меня было имя! (Взмахивает руками и замечает в ладони пистолет.) И было занятие…

Бог. Да уж. Занятие так занятие. Я там едва богу душу не отдал! (Смеется.) Я что-то сегодня весел. С чего бы это?

Сатана. Это тебе пошла на пользу перемена мест. Дома и стены лечат.

Бог (озираясь). Дома? Да, может быть…

Человек. У меня было имя…

Сатана (весело прохаживаясь). Слушай, Боженька…

Человек (перебивает Сатану, кричит). У меня было имя!!!

Сатана. Да что ты разорался-то? Ну было, ну забыл ты его… Ну еще что-то забыл. Мелочи. У тебя еще все впереди.

Бог (подозрительно смотрит на Сатану). Он сам забыл?

Сатана. А есть разница? Ну ладно, ладно…

Бог. Каким образом?

Сатана. Да как тебе сказать… Я вроде олицетворяю Зло – с твоей подачи, между прочим, – а, как ты знаешь, Зло вообще живет дольше, и помнят его дольше, и верят в него сильнее… В этом мое достоинство и моя сильная сторона. Так что остался небольшой запас пороха в этих… пороховницах.

Бог (сокрушенно качая головой). Ну…

На сцену врывается человек. Дорогой в полоску костюм, радостное лицо, сияние разливается вокруг него.

Пришедший человек. Ха! (На миг замирает и снова кричит.) Ха! Я все-таки пришел! Вот оно… Начало! Да. Хорошо, хорошо. Молодцы старики, миленькое место придумали. (Деланно кланяется публике) Явилось новое действующее лицо! Главный

герой.

Бог (Сатане). Опять твои штучки?

Сатана. Нет. Я впервые его вижу… Ты кто, приятель?

Пришедший человек. Я? Ха! Я тот, кто заменит вас! Тот, кто придет после того, как мой милый работничек (смотрит на человека) выполнит свою работенку.

Бог. Твой работничек?

Пришедший человек. Ага. Он самый. Давай, Алекс, вдарь им!

Человек (рассеянно). Алекс? Может быть…

Сатана. Так звать-то тебя как? Эй!

Пришедший человек. Тебя это так интересует, старик? Ладно. Зови меня Зло! Что ты тут говорил? Во Зло верят дольше, сильнее… Точно. Только ваше зло уже кончилось. Оно было совсем простеньким, никчемным, жалким, смешным. То, что вы называли злом, даже не имело права так называться! Так, мелкое злишко. Хотя и его хватало на некоторое время. И когда вас наконец позабыли, пришел я! Я! Но только не из какого-нибудь хаоса или каких-нибудь пустых материй. Я пришел из Человека! Я то Зло, что жило в Человеке все это время и сдерживалось всей его верой, любовью, правдой, ненавистью и вашим злом. А теперь вас нет в этом мире и скоро не будет совсем. И Я появился на свет. ЗЛО ИЗ ЧЕЛОВЕКА! (Поворачивается к человеку.) Шлепни их, мой мальчик. Давай.

Сатана (смотрит на Зло и слегка улыбается). Я понял.

Бог. Что понял?

Сатана. Почему мы смогли попасть сюда. В Начало. (Поворачивается к Богу.) Ведь мы стали почти обыкновенными людьми. Мы не могли попасть сюда…

Бог. И почему?

Сатана. Очень просто. Это невозможно понять, но нужно принять. Как когда-то нас подняла вера. Вера и ненависть. С такой силой!!! Он нанял этого парнишку, не верящего ни в Бога, ни в Дьявола, пришить нас, пока мы, потерявшие свои способности, крутимся на Земле. Чтобы мы никогда не возродились и не помешали ему, благодаря его же вере в нас. Парадокс! (Смеется.)

Два актера смеются. Хлопают друг друга по плечу и удаляются. Куда-то в зал. В меркнущий свет.

Зло (надрывно кричит). Убей их, Алекс!!! Убей их!!! Стреляй!!! Ты можешь!

Человек. С какой стати?

Зло. С какой?! Я твой Бог! Я часть твоей плоти!!!

Человек отворачивается. Его интересует все, его интересуют доски пола сцены, кулисы, устройство управления ими, он что-то

крутит в руках и постепенно удаляется со сцены, но за кулисами постоянно слышится его возня. Что-то звякает, качаются канаты, раздаются удивленные возгласы. Он пытается понять устройство Мира.

Сатана с Богом уходят. Они смеются. Сходят по ступеням и идут между удивленными зрителями, чьи глаза вдруг наполнили пустоту зала словно звезды. Взявшись за руки, уходят из зала.

Последний актер растерянно стоит на сцене.

Зло. Куда вы? Зачем? Эй!! Стоять! Я приказываю стоять!!! Алекс! Алекс! Вернись! Что же это? Что же…

Зло стоит на пустой сцене, один на один с пустым залом. Нет зрителей, и даже человек за кулисами удалился очень далеко, он почти не слышен.

Одинокое Зло в пустом зале тьмы.

Только гаснут дуги прожекторов в непроглядной темноте.

Конец.

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. 60 минут до нападения.

– Слегка на комикс похоже, – подала голос Циркуль.

Макс снял обруч и потер виски.

– Степень погруженности у тебя хромает, – сказал он киберу. – А в целом неплохо, хотя и действительно на комиксы смахивает…

– Ну, как смог, так и рассказал, – сказал кибер.

– Кто ж спорит… – отозвался Макс.

Кибер ничего не ответил, только пожал плечами. Одной рукой он обнимал Циркуль, а второй рассеянно крутил передающий обруч.

– Так ты говорил, что эта история в какой-то мере объясняет слухи о том, что Алекс до сих пор жив?

– Ну, в общем-то да, – сказал кибер. – По крайней мере, мне так кажется.

– И как ты это объяснишь?

– Ну… Нельзя, конечно, считать, что все описанное происходило именно так в действительности. Все это действительно сильно походит на рисованные истории. Но за ними что-то кроется.

– Что? – спросил Керк.

– Главный герой как бы вышел за рамки этого общества и даже, может быть, цивилизации. Мистическим образом перебрался на ступеньку выше по своей личной лестнице. Поэтому меня не удивляют слухи о том, что он по-прежнему жив… Просто он стал кем-то другим, нежели просто человеком. За этой историей скрыто нечто… Знаете, как за аллегориями.

– Бред… – сказал Логус, и кибер внезапно смешался. Замолк.

– Ты, вообще, как? – спросил Макс. – Оклемался достаточно? Кибер поднял брови:

– Достаточно для чего? Я кое-что пропустил, пока в отключке валялся.

– На самом деле ты довольно много пропустил, – тут же подал голос Логус. – Может быть, вместо рассказов сомнительной развлекательной ценности мы узнаем, за что же мы собираемся умереть?

– Ну, это смотря кто… Я, к примеру, умирать вообще не собираюсь, но, по-видимому, у тебя другое мнение. Я

действительно много пропустил? – Кибер вопросительно посмотрел на Макса.

– Поверьте, это не так увлекательно… – сказал тот.

– Да, мы уже догадались, – прервал его монах.

Теперь все смотрели на Макса.

Тот покачал головой. В наступившей тишине только непрекращающийся дождь продолжал выстукивать свою бесконечную песенку.

– Ладно, – наконец принял решение Макс. – В каком-то смысле это справедливо, раз уж мы оказались в одной команде. Меня ищут. Скажем, за групповое убийство. Целого ряда крупных персон «сверху». Я сделал свое дело и «нырнул».

– Нырнул? – не поняла Циркуль.

– Ушел в нижние уровни, – пояснил кибер. – Так проще сбить след.

– Не слишком-то эффективно… – сказал Логус.

– Я не ожидал такой прыти… – ответил Макс. – Да к тому же такой стаи Гончих… В общем-то я уже давно в «нырке». Там, наверху, уже и шум улегся.

– Сколь веревочке ни виться… – пробормотал Логус.

Керк попытался припомнить, что долетало до него из скандальных «верхних» новостей за последнее время. Остальным, в сущности, было глубоко наплевать, что там натворил Макс на верхнем ярусе. Кибер и Циркуль больше были заняты собой, а монах и без того знал больше, чем пытался показать. В памяти всплыли какие-то странные известия из банковской сферы, когда за одну ночь сменилось все правление какого-то крупного финансового образования… Еще какие-то слухи о крахе Союза Трех Корпораций, но это было совсем давнее дело.

Причастность к любому из этих событий делала Макса крайне опасным человеком. Простое соседство с ним могло закончиться совсем грустно.

Керк посмотрел на часы – до срока, назначенного Максом, было еще около часа. Потом… Подумав о том, что будет происходить в этом «потом», Керк плотнее сжал рукоять пистолета. Оружие было как будто теплым. Живым. На Керка навалилось необычное оцепенение. Он привалился к спинке своего виртуального кресла и безучастно смотрел на кибера и Циркуль, которые занялись друг другом. Каким-то посторонним сознанием Керк отметил, что у девушки неплохая грудь и, кажется, натуральная…

Монах между тем продолжал доставать Макса.

– И это все, что ты нам можешь рассказать? – спросил Логус, и его скулы побелели от напряжения.

– А чего бы ты еще хотел? Каких-нибудь гнусных подробностей – так это ты не туда попал… – ответил Макс. – Тебе больше подошел бы закрытый клуб.

Циркуль фыркнула, однако Логус не обратил на это внимания, только прищур его сделался более жестким.

– Для человека, втравившего всех в весьма паршивую историю, ты слишком весел. Надеешься выпутаться?

Макс пожал плечами и улыбнулся.

– Знаешь, – сказал он, – если я здесь, значит, я там, где я должен быть. Можешь сказать, что я фаталист и, в отличие от некоторых, не верю в какой-то «вселенский порядок» и уж точно не препятствую хаосу. Я не настолько самонадеян, чтобы считать себя вправе вмешиваться, даже в мыслях, в космические законы. К тому же мне не приходится прикрывать собственную нечистоплотность великими целями и законами мироздания. Если я делаю зло, значит, такова моя судьба, и если меня занесло куда-то, значит, так тому и быть. Я буду делать то, что считаю нужным, там, где я окажусь. Я буду идти туда, куда мне нужно, и окажусь там рано или поздно. То, что нас всех свело в этом месте… Это не просто так, это наш перекресток! Уйдем мы с него или останемся тут навсегда, не важно, мы уже не будем прежними. Такая судьба. У нас всех…

– Тебе не кажется, что ты берешь на себя слишком много? На роль мессии ты не тянешь, – громко сказал Логус. Керку показалось, что он старается заглушить голос ревности: ему вовсе не было безразлично то, что происходило между Циркуль и кибером.

– И не собираюсь, – ответил Макс. – Хочешь ты того или нет, меньше чем через час тут начнется ад. Для каждого. И он будет длиться ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы перекрутить ваши души, у кого они остались, в тугой жгут. А дальше все будет зависеть только от вас… Я это знаю. Потому что не раз проходил через нечто подобное. Так что похож я на мессию или нет, ничего не значит.

– Значит, ты все-таки собираешься выпутаться? – Логус слегка пригнулся, сжал кулаки.

– Не важно, – ответил Макс, глядя в окно. – Тебе будет трудно это понять, но мне действительно не важно, сумею я выпутаться из этого или нет. Я уходил от Гончих, пока мог. Они меня догнали. Я буду продолжать эту игру, пока у меня будет получаться. И мне совершенно не важен момент финала. Когда он наступит? Сегодня, завтра, через час… Не важно. Потому что для меня имеет значение только сама игра. Внутренние изменения, идущие во мне…

– А как насчет остальных?

– Остальные тоже включаются в этот процесс. Может быть, как действующие персонажи, может быть, как факторы влияния, может быть, случайно, может быть, намеренно.

– А если они того не хотят?

– Видишь ли. – Макс улыбнулся. – Дело в том, что те, кто не желает включаться в игру, уже что-то из себя представляют… Это как бы фигуры в многомерных шахматах. Фигуры обладают свободой выбора и действий, они вольны в своих перемещениях и обладают возможностью уйти от течения… Предчувствовать. И… Ну, как бы избежать случайной встречи со мною, если я сознательно не ищу их. Понимаешь? Фигуры. Но на шахматном поле есть и пешки, – повысил голос Макс. – Слабые и никчемные солдатики. Которых засасывает водоворот событий, и они ничего не могут сделать. Потому что у них нет ни сил, ни возможностей сопротивляться обстоятельствам. Пешки живут в своих клетках и часто гибнут в незначительных драках с такими же пешками или просто умирают, так и не поняв, чего они хотели от этой жизни. Так живут и так умирают все пешки, если в их жизни не появится фигура и не перевернет их. Даст дополнительный толчок вперед. Или вниз…

Или вверх. – Во время этого монолога Макс не прекращал живо жестикулировать. – Не так уж и важно, что пешки от такой встречи могут погибнуть, для них все равно ничего не изменится…

– А если они сами захотят что-нибудь изменить? – спросил Логус.

– Тогда это не пешки, тогда это уже фигуры, – ответил Макс. – И тогда они уже вольны выбирать: встретиться им со мной или нет. Рост человека зависит от его желания расти. Если он действительно того хочет, вокруг него создадутся условия для роста.

– Например?

– Например, случайная на первый взгляд встреча с человеком, который даст толчок. Может быть, шок, если он необходим, может быть, плавное течение волны, выносящей на другой берег. Если человек хочет изменить свой статус, рано или поздно изменения произойдут. Хорошо это или плохо? Люди просто не всегда знают, чего они хотят на самом деле, а потому не каждая перемена воспринимается правильно.

– И как же это – правильно?

– С пониманием, наверное, – ответил Макс. – С пониманием того, что все происходящее вокруг к чему-то ведет.

– Странная философия… – выдавил из себя Логус. Он отошел

к окну и отвернулся, делая вид, будто пытается что-то увидеть за стеной воды.

– Это не философия, – ответил Макс. – Такова жизнь в современном мире. Под общей крышей, живя на разных «уровнях», мы все превратились в шахматные фигурки, которые играют сами по себе… Почти без вмешательства игроков. И, как в любой стратегической игре, тут есть взаимосвязи, которые необходимо чувствовать, чтобы выжить.

– Довольно порочный взгляд на реальность. Неудивительно, что с такими воззрениями ты докатился до теперешнего своего состояния. – Голос Логуса звучал глухо.

– Порочный? – удивился Макс. – Почему? Я же не отрицаю права пешек на существование. Я просто называю вещи своими именами. Не притягиваю за уши какие-то неведомые законы природы и космоса, а просто нахожу подходящие аналогии.

– Эта философия порочна, потому что она отражает только один, однобокий взгляд на жизнь! – воскликнул Логус. – Ты выдумал ее, потому что не мог не выдумать. Тебе же нужен какой-то якорь, столб, канат, за который ты бы мог ухватиться, начав тонуть, когда твоя совесть потянет тебя на дно. Ты не просто губишь людей, не просто убиваешь за деньги или убеждения. Ты топишь их, потому что… Потому что всего-навсего спасаешь свою шкуру. Прячешься от ответственности за содеянное за спинами случайных свидетелей, первых встречных, подставляя их под удар. Я не знаю, насколько справедливо было посылать за тобой Гончих, я не знаю, было ли достойно то, что ты совершил, такой мести… Но это твой выбор! И ты должен был самостоятельно принять его! Не вовлекая третьих, не причастных к этому людей и не заслоняясь от ответственности выдуманными теориями и самопальными успокоителями совести.

Лицо Логуса горело, он был зол. Его эмоции были настолько читаемы, что Керк отвернулся. Ему было противно слушать монаха. Такая ярко выраженная экспрессия совершенно не сочеталась с тем состоянием духа, которое вдруг снизошло на Керка. Оружие в руках, близость женщины меняли восприятие реальности. Того самого мира, в который он часто возвращался только для того, чтобы не умереть с голоду в виртуальности. Керк встретился глазами с девушкой, та изучающе смотрела на его лицо. От этого взгляда горло Керка сделалось твердым и жестким, как наждак.

– Ты уцепился за внешние атрибуты. «Пешки» и «фигуры» – это же только слова. Придумай более спокойные аналогии… Знаешь, – сказал Макс, перебивая Логуса, – наш разговор чем-то напоминает один старый, невозможно, невероятно старый фильм.

Из исторической эпохи, когда надежные носители информации только-только входили в обиход. Откуда-то из Восточного Анклава к нам залетела копия… Нелегально, в обход седьмого уложения о культурной контрабанде, конечно. В фильме несколько человек, загнанных в здание разрушенного храма дождем, обсуждают один случай, свидетелями которого они стали. Убийство… И у каждого находится своя версия происшедшего.

– Они тоже жили на нижнем «уровне»? – спросил кибер, потягиваясь и выуживая откуда-то бездымную сигарету.

– Тогда еще не было уровней и города… То есть города были, но не под куполами. Они жили на открытом воздухе.

– Странно, что к вам попала эта копия, – сказал Логус.

– Странно, – согласился Макс. – Но все-таки попала. Так вот, у каждого из них нашлась своя версия происшедшего. Своя, отличная от других. Они рассказывают эти истории просто потому, что их свел вместе дождь…

– Аналогии не совсем уместны. Я не думаю, что мы хоть в чем-то похожи на тех людей, – возразил монах.

Макс задумчиво кивнул:

– Не похожи. Это верно. Но аналогия существует.

– Ну конечно, нас свел в это чертово место дождь.

– Нет, дело даже не в дожде, хотя если бы не он, я не вспомнил бы о той картине. Дело в разных точках отсчета. – Макс замолчал, глядя на Логуса.

– Я не понимаю, – раздраженно сказал тот. – Поясни.

– Разные точки отсчета при вынесении суждений. О жизни, о случае… Из тех людей ни один не смог понять, кто же все-таки прав и что же они видели на самом деле. Кто же рассказал правдивую историю? Все что-то видели, все сделали какие-то выводы. Ты прав только в той плоскости, в которой ты волен жить и перемещаться, Логус. Смещаясь в мою плоскость, ты теряешь всю свою правоту, основу, веру… И дело уже не в том, кто прав, а кто нет. Дело в том, что сейчас наши плоскости пересеклись и ты чувствуешь себя неудобно.

Всего этого Керк не слышал. Он видел и слышал только девушку.

Она приближалась к нему, глядя прямо в глаза. Керк видел вздрагивающие при каждом движении ее полные груди и мерное перекатывание мышц под кожей… Возбуждение поднималось в нем тугой, злой волной.

– Иди ко мне, мальчик, – пробормотала Циркуль. Он удивился, какой у нее глубокий голос. И глаза… – Иди…

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. 47 минут до нападения.

– Ждать невыносимо, – сказал Логус.

– Ты предлагаешь пойти на штурм? – усмехнулся Макс. – Цени эту передышку, которую тебе так любезно предоставили. Потом будет некогда.

– При чем тут штурм… – досадливо поморщился монах. – Я просто подумал… Может быть, получится выбраться…

Макс повернулся к Керку:

– Эй, хозяин, выясни, что там в мире делается.

Керк нехотя поднялся и направился к терминалу. Клавиши и разъемы, словно чужие, не слушались. Контакты стали как будто холоднее, чем обычно.

«Мне все это надоело…» – внезапно подумал Керк и сам поразился этой своей мысли. Растерянно посмотрел на свои руки.

Виртуальность, когда-то такая родная, вдруг стала далекой, чужой и безынтересной.

«Да что же это со мной? – спросил Керк себя. Он беспомощно оглянулся на Циркуль, которая снова сидела возле кибера. – И с чего бы это?»

С усилием он заставил себя влезть в кресло, подключить контакты.

В виртуальности было пусто и холодно.

Преодолевая сопротивление, Керк нырнул под поверхностные волны информации, выуживая ее редкие крупинки, словно электронный кит, который процеживает тонны воды, чтобы собрать ценный планктон.

– Дождь не прекращается… – сказал он вслух. – По всему нижнему уровню официально объявлено чрезвычайное положение. Частично уничтожен Торговый квартал, Северный район и Северо-Западный. По непроверенным данным возможен прорыв Очистителя. Ожидается ввод контингента сил службы по чрезвычайным ситуациям. Статистика… Жертвы… Немногие уцелевшие камеры показывают только воду, а некоторые работают уже под водой.

– Совсем плохо, – услышал Керк голос Макса. – Силы по чрезвычайным ситуациям – это плохо. Устроят дополнительную бойню, будут добивать раненых и сгонять уцелевших в «отстойники». Идентификация личности, рудники…

– Что-нибудь еще нужно? – спросил Керк.

– Нет, спасибо… – Макс тяжело вздохнул и обратился к Логусу: – В окно что-нибудь видно?

Монах наклонился и выглянул в дыру. Из пробитого пластика на пол текла мощная струя, образовывала лужу и утекала куда-то в сторону лестницы. «Удачная кривизна пола», – подумал Керк, высвобождаясь из объятий виртуальности.

– Ни черта там не видно… – сказал Логус и отошел наконец от окна. Исчез в коридоре.

– Зато скоро нам будет еще веселее, – донесся оттуда его глухой голос. – Вода прибывает, и до нас ей остался всего один лестничный пролет. Кто-нибудь умеет дышать под водой?

Макс ухмыльнулся и посмотрел на экран терминала. Гончих, что остались на улице, не было видно. Монитор показывал только струи дождя.

– Будем надеяться, что не мы одни не умеем дышать под водой, – пробормотал Макс. – Однако до намеченного срока остается не так много времени…

– Не понимаю, – перебил его кибер. – Какого черта они ждут? Какой-то ритуал? Они же дают время подготовиться…

– Не совсем, – ответил Макс. – Гончие не просто охотники за головами, им мало просто убить жертву. Для них каждое убийство имеет не только материальное, но и духовное значение, поэтому ритуал не может нарушаться. Хотя, конечно, такое поведение имеет и чисто прагматичные причины… Гончие – это большей частью перестроенные организмы, не то киберы, не то просто не пойми что. Не всегда качественно, не всегда стопроцентно надежно… Им требуется час, чтобы привести себя в идеальное боевое состояние. Иногда больше… Но когда они наконец готовы… Неудачи их постигают редко.

– Хм, но они же напали там… Внизу, – сказал Логус.

– Напали, но не с целью убийства… Точнее, не с целью убийства меня. Им просто нужно было помещение, укрытие… Чувства вывели их на меня, но из-за дождя они не сразу это поняли и попытались найти укрытие. Случайность.

Он замолчал, затем глянул на часы и сказал:

– Осталось минут сорок… Чуть больше… Хватит времени на две-три истории. Чья очередь?

– Моя, – вдруг сказал Логус. – Если кто-то побудет на часах. Ритуал ритуалом, Гончие Гончими, а захлебнуться в дождевой воде я не хочу.

– Договорились, – сказал Макс и кинул монаху обруч. – О чем?..

– Ты заговорил о Восточном Анклаве, мне это напомнило…

«Дальше – тишина?»

Нам не выйти отсюда. Выпи выклевали нам глаза.

Гарсиа Маркес

Объект был параноиком. Совсем тронутым на собственной безопасности. Впрочем, не без оснований. Вероятно, эта кошка знала, чье мясо слопала, и теперь явно не собиралась за это отвечать.

Алекс стоял перед окном в заброшенной квартире и наблюдал в крошечный цифровой бинокль за тем, как человек готовится войти в дверь собственного дома, где располагалось его жилье. Обстоятельно так готовится. Алекс не мог не восхититься, с каким изяществом и непосредственностью производятся действия. Осмотр людей, находящихся на улице, как бы бегло, просто-напросто оглянувшись, но цепкий взгляд фотографирует точно. Слегка замешкался, что-то ища в кармане, и моментально выделил субъектов, находящихся в опасной близости, и тех, кто может в течение нескольких секунд оказаться в опасной зоне, где возможно нападение. Объект четко знал то расстояние, на котором атаку не отразить. Знал и тщательно избегал сближения с незнакомыми людьми. Даже на улице, в толчее, объект ухитрялся так лавировать между людьми, что не возникало никакой возможности приблизиться к нему вплотную.

Алекс еще некоторое время понаблюдал, как Объект вынимает левой рукой электронные ключи и, вставив их не глядя, набирает код. При этом не вынимая правую руку из кармана широкого плаща. Дверь распахивается… Алекс напрягся. Момент может быть благоприятный… Видимо, Объект разделял его мнение и, аккуратно придерживая дверь левой рукой, вошел в подъезд, не переставая держать в поле зрения людей за спиной. Дверь быстро захлопывается, и Алекс успевает увидеть, как в полутьме лестницы вспыхивает лучик лазерного наведения на оружии Объекта.

Алекс знал, что, войдя в подъезд, Объект достает из правого кармана широкого плаща крупнокалиберный пистолет с лазерным наведением и разного рода примочками на манер системы ведения цели и глушителя «Аноним». Хороший пистолет. Алекс знал это, потому что два дня назад валялся на лестнице дома Объекта, изображая пьяного. Явление обычное и довольно распространенное в этом районе. Алкоголики, уже в прямом

смысле променявшие некоторые свои органы на синтетический алкоголь, наркоманы, бродяги – все эти отбросы громадного города – забирались периодически в подъезды для ночевки, несмотря ни на какие замки и двери. Потом за ними приходили специальные отряды сил правопорядка, и бродяги исчезали. Совсем. Что, впрочем, нисколько не снижало числа бродяг, желающих ночевать под крышей. Ночевать на улице было гораздо страшнее. Так что найти несколько тел на лестничном пролете у стены, завернутых в грязные тряпки и разорванный пластик, было делом обычным.

Вот и Алекс лежал так у стены… Этот трюк он повторял уже несколько раз с разными степенями успеха. Иногда этот прием приводил даже к удачному завершению задания. Однако сейчас успехом не пахло. Объект вел себя на лестнице, как хищник на охоте. И Алекс долго не смел пошевелиться, ощущая на себе жгучую точку лазерного прицела и словно слыша легкое трепетание в электронных потрохах устройства ведения цели… Только когда хлопнула дверь, убийца смог встать и вздохнуть свободно. Алекс вспомнил этот вздох: на лестнице явственно пахло «квази». Свежим… Именно тогда Алекс понял, что имеет дело с параноиком. Глотать «квази» просто так, чтобы пройти лестницу… А ведь «квази» это не просто наркотик, это такая штука…

Дома у Алекса лежала не одна капсула натурального боевого «квази». Пользоваться этим средством, кроме как в очень исключительном случае, ему не хотелось. Может быть, это и есть как раз тот случай? Сюжетец – параноик-жертва и убийца-наемник охотятся друг за другом, наглотавшись боевых наркотических смесей…

Алекс засунул бинокль в футляр и отошел к трехногому столу из голубого пластика. На удивление чистый цвет покрытия резко контрастировал с царящим вокруг запустением и разрушением. Грязь, отбросы, испражнения – все атрибуты заброшенного помещения. Дом, терпеливо ожидающий взрывников.

На столе аккуратно лежали документы и маленький компьютер с голографическим интерфейсом. Алекс ввел первую карточку. Над поверхностью монитора мелькнуло световое пятно и возникло голографическое изображение лица клиента.

Не молодой, но и не старый мужчина. Лет так сорока. Чуть раскосые темные глаза. Память о японской оккупации. Не генетическое, конечно, наверняка операция. Тогда многие делали пластические операции такого плана. Чуть желтили кожу, чуть зауживали разрез глаз… Волосы черные, легкие залысины.

Внешность, впрочем, Алекс помнил и так. Основные детали досье были перенесены во вживленную электронную память Алекса, изображение в том числе. Имя из памяти было специально удалено. Алекс терпеть не мог уничтожать людей с именами. Объект он и есть Объект… Но на этот раз имя ему понадобится. И Алекс запросил имя.

Лицо сменилось изображением всего тела Объекта. Особые приметы. Общие физические данные. Затем пошли строки психологического анализа личности. Склонности, привычки. Досье было полным. Очень полным, но, к сожалению, не отражало сути. Ни одна строчка в досье не указывала на то, что Объект помешан на собственной безопасности и готов глотать «квази» только для того, чтобы подняться по лестнице.

Алекс сделал приблизительный подсчет. Получилось, что только на его глазах Объект глотает боевые наркотики уже около двух недель. Ежедневно. Что там медицина говорит о побочных явлениях?

Похоже, пришла пора обратиться к специалисту.

Выйдя на улицу, Алекс задумался над тем, где и каким образом Объект ухитряется закупать такое количество дорогостоящего «квази». Вещь дорогая и запрещенная всеми конвенциями. Эти невзрачные голубенькие капсулки не станет продавать ни один торговец с нормальной головой… А с ненормальной?

Сколько Алекс помнил Сержанта, он всегда был таким. Словно законсервировался в определенном возрасте и в одном состоянии. Сержант был худым, высоким и вечно раздраженным. Алекс однажды поймал себя на мысли, что не может вспомнить его имени. Для Алекса он всегда был просто Сержантом.

Настоящего звания этого человека Алекс не знал. Да и, собственно, не интересовался никогда.

Во время войны с югом Сержант был приписан к медицинской части, которая обслуживала специальный отряд, в котором воевал Алекс. Штопать раны и лечить дизентерию в этой медчасти тоже умели, но основным их занятием было исследовать и контролировать воздействие «квази» – наркотиков на организм солдат. Неизвестно, что там Сержанту не показалось, но по окончании военных действий он долго раздувал шумиху вокруг «квази», пытался опубликовать какие-то разоблачительные материалы, избежал трех покушений и в конце концов осел в столице, всеми забытый и разочаровавшийся в жизни, правительстве и правде вообще. Мужик он был хороший, вечно злящийся, но необъяснимо добрый. А самым главным его достоинством было то, что он обладал невероятным количеством

знаний по медицинской части, в том числе и самой последней информацией по лекарствам и наркотиками. Правда, эти знания не могли бы его вытащить из той ситуации, в которую он попал, когда по его следу были выпущены сразу три наемника от совершенно разных организаций. Интересно, в курсе ли Сержант о роли его, Алекса, в этой истории?

– Здравия желаю, Сержант! – Алекс легко щелкнул каблуками.

– Здравия? Какое к черту здравие? Я подохну скоро, никто не заметит, а ты тут про что-то еще говоришь… Про меня вспоминают только для… Да нет, про что я говорю! Про меня никогда не вспоминают. Вот только ты иногда заскочишь за какой-нибудь ерундой… Чего требуется-то? Только не говори, что зашел проведать ветерана.

– Информация, как всегда. – Алекс привычно приготовился.

– Ну еще бы… Хоть бы кто-нибудь из вас, молодых, что-нибудь принес в благодарность! Нет, все бы вам хапать…

И Сержант пошел в другую комнату. Чем-то там щелкал, переключал что-то… Алекс ждал. Этот ритуал повторялся каждый раз. Все как всегда. Пока Сержанта не было, Алекс выложил на стол пачку синтезированного белка и две бутылки синтопива. Сержант по-прежнему пил это жуткое пойло, а белок ему был необходим для печени, разорванной под Джакартой. Под стол, на груду всякой всячины, Алекс положил пакет с деньгами. Это было частью молчаливого соглашения между Сержантом и Алексом. Сержант не мог принять деньги впрямую, но без них он бы оказался на улице. На нелегальном положении и в его возрасте очень трудно найти работу…

– Итак, – сказал Сержант, возвращаясь в комнату и отодвигая в сторону хлам на столе. – Чего надо? Новые комбинации, свойства эм-травы или живые точки торговли? Какая гадость тебе еще нужна?

– Да вот, решил вам напомнить старые дела. Свойства трав-мутантов мне пока ни к чему…

– Старые дела? – Сержант насторожился, Алекс знал, что есть одно старое дело, которого Сержант не любит касаться.

– Да, Сержант, очень старые, и мне, поверь, неприятно напоминать тебе об этом, но мне надо. Очень.

Сержант тихонько раскачивался в кресле. Слегка поморщившись, он сказал:

– Ну, давай.

– Прости, Сержант, что я трево…

– Давай, не тяни! – Сержант рявкнул. Негромко… Как старый, больной лев. – Если тебя интересует все то дерьмо, из-за которого

я сюда угодил, то имей смелость сказать это нормально! Без всяких «Извини, Сержант». – Сержант переменил позу и уже спокойно спросил: – Что конкретно из документации по «квази» тебя интересует?

– Последствия. Противопоказания. Предрасположенность. Побочные эффекты. Время их проявления. И возможные средства устранения этих эффектов.

– Мило. – Сержант встал и прошелся по комнате. – Ты требуешь информацию, из-за которой я и веду этот дурацкий образ жизни. Если бы не эта самая информация, я был бы на пенсии и жил где-нибудь в Сибири. Орешки щелкал на чистом воздухе. На кой черт тебе все это?

– Я отвечу позже.

– Ну, как знаешь. Слушай тогда. Тебе известно, что непосредственно документов я не даю, запоминай, что сможешь. «Квази» – полное название: квазилизергиновая кислота 12. На исходе восьмидесятых наши… То есть военные химики смогли достичь успеха в деле синтезирования наркотических веществ с заданными параметрами действия на психику человека на основе уже известных средств. При создании «квази» были использованы помимо ЛСД различного рода психотропные вещества и новый препарат, известный в определенных кругах как наскапин. Наскапин – это совершенно новое вещество, побочный продукт лабораторий военно-космического комплекса. Так вот, «квази» создавалось с целью дать возможность нашим солдатам увеличить скорость реакции, увеличить физические параметры и добиться эффекта «шестого чувства». Ты, наверное, обратил внимание, что под «квазой» ты физически чувствуешь, с какой стороны можно ожидать следующую атаку, ее интенсивность и так далее, вплоть до численного состава атакующих? В процессе полевых испытаний был выявлен еще один эффект «квази». Эффект «замедленного времени». Этот эффект не имеет отношения ни к одному из исходных веществ и приписывается действию наскапина. Эффект ты, наверное, наблюдал, следы от пуль можно заметить в воздухе. – Сержант на мгновение замер, словно прокручивая что-то в памяти, а затем продолжил с военной четкостью: – Противопоказаний нет. Предрасположенностей нет. Как бытовой наркотик к применению не пригоден абсолютно. Теперь о побочных эффектах. При полевых испытаниях было отмечено, что у солдат, постоянно принимающих «квази», вырабатывается привыкание к препарату и он перестает оказывать на них соответствующее действие. Увеличение доз приводило только к смерти испытуемых. Влияние препарата постепенно восстанавливалось через несколько

месяцев воздержания. Однако с течением времени эффект «замедленного времени» начинал играть с солдатами странные шутки. Они словно начинали постоянно жить в этом состоянии. Точнее, не совсем так… Их сознание жило в этом «замедленном времени», а вот тело… Постоянный прием приводил к тому, что скорость реакции снижалась до уровня ниже того, который был у испытуемых до принятия «квази», наблюдалось усыхание мышечной ткани, в том числе и мышечной ткани сердца. Вырабатывался параноидальный психоз, основанный на мании преследования. Все чаще и чаще с солдатами случались приступы беспричинного страха, паники. На последующих стадиях организм переставал усваивать кальций, и у пациентов начинались проблемы со скелетом и костными тканями.

– Ты хочешь сказать, что у них ломались кости?

– Это слишком просто сказано. Их можно было переломить, словно зубочистку. Когда вскрылись все эти факты, я и ряд моих коллег попытались закрыть проект. Нам было объяснено, что в проект «Квази» вложены большие деньги. Также стало известно, что на базе этого проекта планируется еще ряд подобных проектов с использованием, естественно, человеческого материала. Нам было предложено продолжить исследования и заняться изучением того, как увеличить временной промежуток между началом приема «квази» и фактической смертью солдата. Произошел тот единственный случай в моей армейской практике, когда я нарушил присягу и воспротивился приказу. Дальнейшее ты знаешь. Вопросы?

Алекс немного помолчал, прежде чем спросил:

– Что угрожает человеку, который более двух недель, это минимум, принимает «квази» ежедневно?

– Через месяц это будет овощ. А еще через месяц он не сможет встать с постели, не сломав себе ноги. Если при этом продолжать прием, то через несколько дней его кости сами переломятся под действием веса тела. Если, конечно, до этого не остановится сердце. Впрочем, для него все это не будет иметь значения. Он к тому времени станет, с точки зрения разумности, не умней пивной банки.

– Что ожидать от него сейчас?

– Он на максимуме своих способностей. На пике. Он только-только вошел в состояние постоянного «замедленного времени», но скорость реакции не притупилась. Двое таких подопытных решили исход операции под Константинополем. Их было всего двое, но при поддержке трех групп спецназа город был взят.

– На Константинополь сбросили бомбу, – сказал Алекс.

– Да, – невозмутимо ответил Сержант. – Потом. Через

несколько минут после доклада об успешном завершении операции. Бомбардировщик висел в воздухе с самого начала операции. Дотянуть до аэродрома у него не хватило топлива.

– То есть…

– То есть «квази»-солдат слишком ценное и секретное оружие, чтобы обнародовать его в самой середине войны.

Сержант замолчал. Алекс задумчиво тер подбородок, настороженно прислушиваясь к собственному организму. Что-то было не так. Близится ломка? Возможно. Алекс посмотрел на часы. Да, время идти.

– Спасибо, Сержант. Мне пора.

– Ты обещал ответить, зачем тебе это? Алекс поморщился и ответил:

– Такой человек в городе. Прощайте.

Выйдя на пыльную улицу, Алекс нырнул в освещенный желтым грязным светом провал подземки и вскоре был дома. Легкий холодок квартиры обещал желанный наркотический сон. Алекс уронил использованную упаковку от таблеток и ласково пожелал холоду спокойной ночи. Дальнейшее почему-то смазалось.

Объект сидел в ресторане. В очень хорошем ресторане. И сидел уже давно. Потягивая что-то из пузатого бокала и лениво притрагиваясь к чему-то на тарелке. Он несколько раз небрежным жестом подзывал официанта и что-то у него спрашивал. Потом, так же небрежно махнув рукой, отпускал его и продолжал ждать. Для стороннего наблюдателя это был обыкновенный человек, который тихо и самоуглубленно наслаждается жизнью. Но Алекс, издали наблюдая за ним, понял: Обект нервничал. Кого-то ждал и нервничал. В ленивых жестах чувствовалась напряженность, сдерживаемая нервная дрожь.

Алекс осторожно начал разворачивать кусок пластикатовой ткани. Любимый ресторан Объекта находился в старой части города. Тут еще сохранились дома старой, а то и старинной постройки. В этих домах имелись чердаки и чердачные окна. На таком чердаке и обосновался Алекс. Ресторан просматривался с этого места отлично.

Из-под складок пластиката показалась миниатюрная винтовка, оснащенная оптической системой наведения с устройством ведения цели. Промахнуться из такой винтовки было невозможно. Почти невозможно. После фиксации цели она самостоятельно удерживала мишень в зоне поражения.

Прицел словно стал продолжением глаза. Винтовка слегка изменила вес, когда Алекс снял ее с предохранителя и активировал систему поиска цели. Алекс легко нашел Объект и

замер, держа его в прицеле и привычно входя в то особенное состояние, которое всегда овладевало им перед началом операции. Ожидание, готовность в любой момент рвануться с места и наслаждение теми минутами тишины, что еще остались.

Клиент сидел спокойно, и Алекс задействовал систему ведения цели. Оптика на миг затуманилась, а затем слегка выделила контуры Объекта тонкой красной нитью. Все. Сейчас…

К столику подошел официант. Алекс задержал палец на спусковом крючке. Объект встал, сделал два шага в сторону, и официант оказался на линии стрельбы. Контуры Объекта в оптике окрасились желтым. Через некоторое время к столику подошел еще один человек и сел напротив Объекта. Официант отошел, а Алекс, глядя в оптику винтовки, изучал пришедшего. Невысокий, широкоплечий, коротко стрижен. В глаза бросалась явно военная выправка. Одет строго, но не без лоска. Алекс увидел, как маленький сверточек перекочевал из ладони Объекта в ладонь пришедшего.

«Хватит. Меня это не касается», – подумал Алекс.

Объект нервничал еще сильнее, чем до прихода военного. Объект озирался. Объект осматривал вокруг каждый метр. Плевать. И Алекс мягко потянул на себя курок.

Потянул и за десятую долю секунды до выстрела, когда боек, плавно скользя, уже вонзался в капсюль, Алекс увидел, как Объект повернулся к нему и словно глянул в оптику винтовки. Его лицо моментально застыло в памяти. Затем Объект дернулся, схватил за шею военного, потянул его на себя, словно хотел поцеловать, и…

И прозвучал выстрел. Пуля рванулась, вспарывая воздух, выбила стекло и, рассыпая вокруг себя мельчайшие осколки, взорвалась в голове военного. Алекс снова и снова нажимал на курок, но Объект с невероятной скоростью унесся вглубь ресторана и скрылся за кухонной дверью. Дыры от пуль отмечали его путь.

Прибор ведения цели не сплоховал. Просто мишень двигалась чуть быстрее выпущенных пуль.

В ресторане царила паника. Военный лежал на столе, заливая все вокруг своей кровью. Звенела сигнализация. Крики ужаса, запахи крови, страха, отменной еды и тонких вин витали в изысканном ресторанном зале. Эта операция была провалена. Пора было позаботиться о собственной безопасности. Но Алекс почему-то медлил, неуверенно поглаживая винтовку. Он вспоминал лицо Объекта за мгновение до выстрела.

Объект улыбался в прицел винтовки. Улыбался, глядя в глаза Алекса.

Дома Алекс проверил условия контракта. Довольно выгодные. Большие деньги, точные данные. Заказ на убийство пришел по обычным каналам. Алекс никогда не интересовался тем, кто его нанимает. Не имел такой вредной привычки. Хотя при желании можно было бы узнать практически все о нанимателе.

Алекс решал, стоит ли пускать в ход тонкий механизм информационной машины. Такая акция всегда могла повлечь за собой самые непредвиденные последствия. Однако бывали ситуации, когда выполнить заказ без дополнительной информации было невозможно.

Сейчас была именно такая ситуация.

Условия контрактов Алекса всегда включали в себя такой пункт: он имел право отказаться от выполнения работы в любой момент. Настал ли этот момент? Для того чтобы определить это, Алексу нужна была информация. Человек, который в течение уже очень долгого времени без всякого вреда глотает «квази», может оказаться очень сложной мишенью, а люди, которые снабжают его таким количеством очень дорогого и очень редкого наркотика, могут быть очень неприятными людьми. Алексу, даже при его отношении к смерти, очень не хотелось становиться у них поперек дороги. Роль песчинки между жерновами его ну никак не удовлетворяла.

Еще раз взвесив все за и против, он поднял трубку телефона, старого, почти раритетного и надежного, как нож. Он нравился Алексу своей простотой и тем, что не давал ни видеоизображения, ни возможности прослушивать разговоры. Все его схемы были изучены, пути для прослушивания отрезаны. Надежная, простая техника, которая до сих пор способна соединять людей между собой.

На экране монитора много маленьких точечек. Для каждой точечки не существует ничего, кроме ее самой. Она светится или не светится, повинуясь собственным желаниям. Маленькая точечка думает, что самостоятельна, что действует, руководствуясь своими настроениями и желаниями. Она совершенно не имеет понятия об электрических полях, которые воздействуют на нее, не имеет понятия о различных электронных устройствах, которые управляют полями… Маленькая точечка счастлива, потому что не знает ничего о том, как и кем управляется ее мир.

Алекс смотрел на пустой экран и думал, что очень приятно быть маленькой точечкой, делать свою работу и не знать… Ничего не знать кроме того, как зажечься и как потухнуть. Замечательно! Но если ты не маленькая точечка, то уже никогда

ею не станешь.

Информация, которую Алекс только что стер с экрана, была, мягко говоря, неутешающей. Это была не та информация, которая помогла бы Алексу выполнить задание… Да и вообще по любому делу.

Ощутимо нарастало какое-то незнакомое чувство… Алекс внимательно прислушался к самому себе и с удивлением понял, что это паника. Никогда не было…

Впрочем, повод для паники существовал. Попасть в поле зрения якудзы…

Якудза – одна из крупнейших организаций теневого мира. Попадать в поле зрения этой организации явно не стоило. Даже если якудза является твоим заказчиком. Между прочим, неизвестно, что хуже: быть жертвой якудзы или выполнять для них работу?

Выполнять за них… Алекс встал. Нервно прошелся по комнате. Выполнять за них… За каким дьяволом якудза, в распоряжении которой армии наемных убийц, тысячи камикадзе, сотни профессиональных ночных воинов, обращает внимание на какого-то убийцу из России… Профессионализм? Алекс даже улыбнулся такому самомнению. Он не питал иллюзий по поводу своих профессиональных качеств. Он был хорош, но на службе у якудзы есть не один киллер (Алекс поморщился, он не любил это слово. Убийца звучит правдивее), который превосходит Алекса на несколько порядков.

Тогда почему?

С малых лет находясь на улице, Алекс уяснил простое правило – хочешь выжить, научись думать. Думать быстро, но правильно. Для этого нужна информация.

Чем же им так насолил Объект? Вообще-то Алекс не задавался подобными вопросами, не его дело лезть в жизнь клиента, но сейчас… Сейчас вопрос стоял чуть иначе, сейчас Алекс должен был обезопасить самого себя, а уж потом подумать о клиенте.

Он достал из тайника пачку денег, кое-что из оборудования и дозу кокаина. День будет долгим…

Дверь, ведущая в этот дом, вызывала отвращение и странное чувство скрытого удовольствия. Старая, полуразвалившаяся, облеванная и загаженная тысячами бездомных, пьяных и умирающих, с позеленевшими кнопками кодового замка, именно кодового, а не распространенного ныне замка с код-картой, эта дверь вела в такого же страшного вида дом, с выбитыми стеклами и нежилыми квартирами. Войти сюда можно было, только преодолевая неосознанный страх, острое желание развернуться и

пойти куда-нибудь подальше. Куда-нибудь в другой квартал, где разноцветные огни голографической рекламы заменяют солнце и луну, люди одеты дорого и красиво. Наверное, Алексу хватило бы денег выбраться из этого квартала в светлый, циничный и сытый мир дорогих кварталов. Более того, Алексу хватило бы денег еще несколько лет вести в таких кварталах развеселую жизнь… Но что-то останавливало его, заставляло входить в такие вот двери, употреблять вспененный кокаин, отшвыривать с дороги обнаглевших бродяг в темных подворотнях и с особым удовольствием резать, именно резать руками, уличных торговцев органами, мясников. Алекс понимал, что живет там, где должен жить, и занимается тем, чем должен заниматься. Не из-за каких-то там принципов, морали или веры, не из-за денег, которых у него и без того достаточно, а просто потому, что это доставляет глубокое внутреннее удовлетворение… Убивать ради убийства. И не важно, кто умирает от твоей руки – богач или дворовый мясник, важно чувствовать! Чувствовать, как из живого существа уходит жизнь. Словно песок сквозь пальцы. Уходит куда-то в другие галактики, к иным мирам. Что там дальше?

Алекс встряхнулся, привычно огляделся и набрал код. Краешком глаза он заметил маленького седенького человечка, который уверенно потрошил мусоросборник на другой стороне улицы. Кажется, этот человечек уже мелькал, попадался в поле зрения Алекса… Или нет? В памяти ничего не вспыхнуло, перестроенная память не выдала ни одного сходного образа…

Дверь открылась, и Алекс вошел. Осторожно поднимаясь по замусоренной и скользкой лестнице, он обошел маленький генератор, что стоял, ничуть не скрываясь, на лестничной площадке первого этажа. Именно этот генераторчик и создавал перед дверью то невыносимое для неподготовленного человека чувство страха и отвращения, которое гнало его подальше от этих дверей и вызывало желание поскорее забыть о том, что человек когда-то оказался перед этой дверью, словно это было что-то грязное и постыдное. Старенький эмоциональный генератор, слишком слабенький, чтобы быть засеченным патрулем технического надзора, но достаточно хорошо справляющийся со своими обязанностями. Хозяин этого помещения не любил посторонних.

Для более настойчивых существовали другие примочки. Первую из них Алекс обошел благополучно. Маленькие, не больше фаланги пальца, червячки на остатках какой-то еды. Они имели неприятную привычку при прикосновении в мгновение ока прорастать длинными ядовитыми иглами. Это была забавная модификация военного шпионского жучка по прозвищу

«навозник». Военный образец был действительно замаскирован под таракана или какого-либо жучка и начинен микрофонами, передающими чипами и другими «милыми игрушками». В червяков «навозник» был модифицирован искусственно, прямо в этом доме. Это были мелочи, на которые не стоило обращать внимания, и Алекс не обратил.

Хотя Алекс знал расположение ловушек на лестнице, но всегда опасался чего-то новенького. Поэтому шел осторожно, рассчитывая каждый шаг, проверяя всеми доступными ему методами ступеньки, стены, потолок и перила. Владелец дома действительно не любил посторонних и, постепенно улучшая систему охраны, превратил свой дом в крепость.

– Желтомордая обезьяна! – выругался Алекс, когда обнаружил у себя под ногой старенькую, можно сказать древнюю, противопехотную мину. В последний момент его искусственные рецепторы почуяли неясную опасность, исходящую снизу, что заставило Алекса замереть и присмотреться к мусору под ногами. Мысленно послав благодарность хирургу-друиду, который перестраивал мозг Алекса и внедрял в него разного рода чипы, Алекс перешагнул через предательскую ступеньку.

Последний пролет. Здесь всегда испытывается что-нибудь новенькое. И чаще всего вживую. Хозяин наблюдал за происходящим, и, если гость был чем-то интересен, он вмешивался в процесс, обеспечивая гостю безопасный проход.

Алекс знал, что глаза скрытых камер смотрят на него, ловя каждое движение. Хозяин дома знал о его приближении, но вмешиваться не спешил. Смехотворную мысль о том, что хозяина не было дома, Алекс отбросил. Это было просто невозможно.

Выругавшись сквозь зубы, Алекс сделал шаг на внешне безопасную ступень. Она оказалась действительно безопасной. Так же, как и вторая, и третья, и шестая… На седьмой, точно такой же безопасной ступеньке, ожили встроенные в стену динамики.

– За желтомордую обезьяну я мог бы включить пищалку в боевой режим, – раздался высокий голос. – Но поскольку ты всегда забегаешь с чем-то интересным, я включу ее…

Алекс не стал дослушивать, что приготовил ему гостеприимный хозяин, и рванулся вперед…

Дальнейшее потонуло в гулком звуковом ударе, и мир рассыпался на несколько черно-белых осколков. Паралич, вызванный инфразвуковым генератором, был безболезненным, но всегда эффективным. С его помощью в богатых кварталах совершались самоубийства, часто групповые.

Блям.

Что-то звякнуло о край реальности, которой не было.

Алекс открыл глаза. Белый потолок, легкий ветер в щеку… Хорошо. После паралича всегда хорошо ощущать свое тело.

Снова послышался звук, что разбудил его. Алекс повернул голову и увидел колеса инвалидной коляски. Над спинкой кресла была видна голова хозяина квартиры. Когда-то очень давно Япончик, а именно под таким прозвищем Алекс знал этого человека, был профессиональным кибер-наездником. Сейчас о нем невозможно было найти информацию ни в одной базе данных. Япончик давно перешел на другой уровень взаимоотношений с обществом. Он оставался человеком, но одновременно перестал им быть. Никто не мог сказать, когда это началось – когда он продал свои ноги друидам за какую-то программу или когда он эту программу вживил себе в мозг… В одном сходились все: если тебе нужна информация, которую ты не можешь раздобыть по другим каналам, – иди к Япончику.

Если сможешь дойти… И ты получишь эту информацию, если вопрос покажется интересным Япончику.

Алекс бесшумно встал. Огляделся. Шикарные апартаменты. Дорогие, естественные материалы, новейшие достижения профессиональной техники, идеальный порядок. Внешний вид дома был только ширмой. Алекс это знал и всегда испытывал легкий трепет перед немыслимой кучей денег, вложенной в этот уровень комфорта.

Япончик сидел перед столом и чем-то там позвякивал, тренькал и периодически посвистывал.

Алекс достал маленький карманный пистолет одноразового применения. Очень маленький, но смертельно опасный ввиду наличия в нем пули разрывного действия. Достал и направил в голову Япончику.

На столе тренькнул маленький будильничек. Япончик бросил в его сторону быстрый взгляд и начал поворачиваться к Алексу:

– Пора вставать, мой друг… – и запнулся, уставившись в маленький глазок пистолета в руках Алекса.

– Пора вставать, мать твою, да? Ты, паскудник, зачем меня положил? За такие забавы тебя полагается отключить от всех твоих поганых игрушек.

Япончик молчал, с некоторым изумлением наблюдая за Алексом.

– Ну, – спросил Алекс. – Чего заткнулся? Что тебя так удивляет?

– По моим расчетам, ты должен был проснуться только что и некоторое время находиться в полусонном состоянии.

– И?..

– Что и? Да ладно тебе! Нельзя уж и глушилку испробовать… Я ее недавно собрал… Эй, не вздумай стрелять, ничего хорошего это тебе не принесет.

– Неужели?!

– Именно так, – подтвердил Япончик, и в его узких глазах зажглись веселые огни. – В квартире висят детекторы, которые отреагируют на мою смерть или серьезные повреждения и затопят тут все Авгием-8.

– Авгием? – Алекс в некотором раздумье поводил пистолетом. – Военный отравляющий газ?

– Он самый…

– Только это тебя и спасает. – Алекс спрятал оружие. – Но с тебя информация.

– Информация дорого стоит.

– Пошел ты. Тебе придется расплачиваться за свои опыты с глушилкой.

Япончик протянул ему чашку с какой-то жидкостью.

– Что это? – Алекс с сомнением потянул воздух носом.

– Это новый или очень старый, как посмотреть, рецепт заваривания чая. На мой взгляд, очень неплохо.

– Действительно, неплохо, – сказал Алекс, отпив глоток. – Ты зачем на лестнице противопехотных мин накидал? Они же шумные безмерно.

– Они не совсем противопехотные. Я их переделал, как и «навозников» на первом этаже.

– И что же они из себя теперь представляют? Сразу отрывают голову?

– Парализуют. С возрастом я становлюсь все более и более мягок.

Алекс усмехнулся. Он знал, что мягким Япончику стать довольно трудно. Япончик был наполовину киборгом. Правую руку заменяли манипуляторы. Самые последние и универсальные, но манипуляторы.

– Просто парализуют?

– Да… – Япончик посмотрел на Алекса и добавил: – В стандартном комплекте.

– В следующий раз пойду к тебе по крыше.

– Крыша полностью автоматизирована. Там только смертельные игрушки.

– Мой дом – моя крепость? Да?

– Ты знаешь… я еще не закончил свою работу. Я совсем не желаю, чтобы меня отрывали из-за всякой ерунды. К тому же этот дом – частная собственность. По закону она неприкосновенна.

Алекс сел в кресло и достал из кармана маленькую

информационную карту.

– Посмотри, – сказал он, протягивая карту Япончику. – Мне нужна эта информация в полном объеме. И не только. Мне нужна уже проанализированная информация. Я боюсь, что ты единственный, кто сможет добыть что-то подобное без вреда для себя.

– Ого! – Япончик даже подскочил в своем кресле. – Ты меня не разочаровал.

– Не радуйся особо. Сначала посмотри.

Япончик хмыкнул и надел приемный шлем. Естественно, Алекс не предоставил Япончику всей информации, только тот минимум, с которым возможно было продуктивно работать. Алекса интересовало, на кого работал Объект его охоты и кто является его покровителем. В первоначальную версию своего нанимателя про Объект-одиночку Алекс уже не верил. Было ясно, что он попал на разборку между двумя могущественными организациями… Своего нанимателя Алекс уже знал. Теперь ему нужно было знать противника.

Через некоторое время Япончик снял шлем и сделал большой глоток остывшего чая. Не глядя на Алекса, он спросил:

– Что тебя связывает с этими людьми?

– Одновременно ничего и многое. А что? Что ты узнал?

– У тебя с ними дела?

– Дела. Что ты узнал?

– Алекс, если это они прислали тебя, я клянусь, ты отсюда не выйдешь. – Япончик развернулся, и Алекс увидел, что он держит в руках какой-то пульт. – Мне достаточно отпустить эту кнопку, и все содержимое комнаты будет уничтожено. Ответь мне, что у тебя с этими людьми? А перед тем, как ответить, учти, что я могу отличить правду от лжи гораздо лучше любого детектора.

Может быть, показалось, но правый глаз Япончика стеклянно блеснул. Камера-анализатор? Алекс молча прикидывал, какие шансы имеются у него для обезвреживания взбесившегося Япончика… Шансов было немного. Почти совсем не было…

– Я охочусь на одного человека из этой компании. Учти, я не знаю, о какой организации ты говоришь. – Правда тоже была оружием Алекса.

Япончик некоторое время пристально смотрел на Алекса. А затем чем-то щелкнул на пульте и бросил его на стол. Судорожно выдохнул и сразу осунулся. Поглядев на него, расслабился готовый к прыжку Алекс.

– Извини. – Голос Япончика звучал глухо. – Вот тебе диск. Тут вся интересующая тебя информация. А сейчас мне нужно побыть одному.

Алекс взял диск, положил на стол пачку денег и направился к двери.

– Я дезактивирую ловушки для твоего выхода, – донеслось в спину.

– Спасибо, – ответил Алекс, не оборачиваясь.

Он уже подходил к двери, когда впереди что-то бухнуло и гулко рявкнула сирена. Еще раз… И еще… И еще… Тревога.

Мимо, словно миниатюрный танк, пронесся Япончик. Пронесся и скрылся в неприметной нише, которая открылась при его приближении. Алекс нырнул туда же…

Япончик уже включился в систему охраны. Что-то делал, полностью отрешившись от реальности. Алекс знал, что едва заметные шевеления пальцев Япончика, повороты головы под шлемом и невнятные голосовые команды означают многое: готовность устройств уничтожения, быстрое переключение следящих устройств, молниеносную работу анализаторов. Дом готов был защищать Япончика всеми возможными способами.

Вдруг Япончик расслабился и жестом указал Алексу на второй шлем.

– Надень шлем. Ты его знаешь?

Алекс нацепил на голову шлем и, поморщившись от неприятного покалывания в висках, вздрогнул. С трудом сдержал позыв замолотить по воздуху руками. Он висел над четвертым пролетом лестницы, на высоте нескольких метров. Точнее, висел не он, а камера слежения, но шлем воздействовал на подкорку, и ощущение полета было полным. Странно, Алекс никогда не думал, что живет не в своем времени, он знал, что рожден в этом мире и для этого мира, но привыкнуть к виртуальности не мог. Это, кажется, называлось синдромом виртуального отторжения. Синдром не лечился, и Алекс смирился с мыслью, что может проводить в виртуальном пространстве только считанные минуты. Вот и сейчас он никак не мог сконцентрироваться на том, что видит.

– Не напрягайся, – словно сквозь вату донесся голос Япончика. – Я возьму контроль на себя.

– Валяй. Только быстро.

Картинка улучшилась, голове полегчало. И Алекс увидел на лестнице маленького седенького старикашку, что не так давно копошился в мусорном баке. Старикашка лежал, неправильно подогнув ноги, лицом вниз. Под ним медленно расплывалась темно-красная лужа.

– Я его не знаю. Этот бродяга лазил по бакам, когда я зашел к тебе.

– Бродяга? Бродяга не поднялся бы выше первого пролета.

Если бы вообще вошел внутрь.

– Да, пожалуй…

– Тогда давай посмотрим, что он из себя представляет. Сколько времени можешь сидеть в пространстве?

– Минут семь. Или чуть меньше.

– Этого хватит… – уверенно произнес Япончик. – Сейчас ты пристегнут ко мне. В самостоятельное плавание я тебя не пущу, так что придется тебе побывать в разных местах вместе со мной… Если станет плохо, сдерни шлем.

После, уже дома, Алекс не раз пытался вспомнить, что произошло и что он чувствовал, где был… Память предлагала только застывшие статические картинки, не способные передать ни чувств, ни информации. Невозможно было по памяти воссоздать то чувство, когда ты находишься везде и нигде. Ты есть человеческая единица под идентификатором «Алекс», ты есть маленький чип в платах памяти без всяких идентификаторов, ты есть передвижная видеоцифровая камера под потолком, ты есть маленький механический жучок, ты – это сотня механических жучков, что выползли из стен, чтобы обследовать труп, лежащий на ступеньках. Каждый знает, что он должен делать, каждый передает информацию. Ты передаешь информацию себе и через себя. Ты сеть, ты программа, ты разум, ты сигнал… Ты все это, ты что-то большее, и ты ничто… Круговерть атомов, электронов в трубке неработающего монитора, линии произвольных синусоид… Ты есть, ты Алекс, но все меняется, и ты – маленький электрон, несущийся сломя голову по указанию магнитного поля… Личность, щелчок, ячейка, щелчок…

Алекс сорвал шлем. В глазах было темно, руки свело судорогой, сердце работало на повышенных оборотах, каждая пора выделяла максимальное количество пота. Япончик в своем кресле хмыкнул. Алексу страстно захотелось убить его.

– Япончик! Что будет, если ты умрешь в виртуальности? А?

Япончик слегка повернул голову в сторону Алекса. Некоторое время молчал, и Алекс понял, что он смотрит на него через какое-нибудь следящее устройство в углу или под потолком, смотрит бесчисленными глазами кибержучков, притаившихся в стенах. Алексу снова стало плохо.

– Еще никто не умирал в виртуальности. – Ответ Япончика прозвучал глухо.

– Никто?

– Надень шлем, я приготовил тебе сводку. Это недолго.

– Зачем тебе это все, Костя? – спросил Алекс.

Япончик помолчал, а затем спросил:

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Я много чего знаю. Но это не так важно. Зачем тебе это все?.. – Алекс обвел взглядом комнату, аппаратуру.

– Для виртуальности.

– А виртуальность?

– Когда ты глушишь боль взгонкой из кокаина, ты задаешься этим вопросом? Зачем тебе кок? Нет, я уверен, что не задаешься. Он тебе нужен. Чтобы почувствовать свободу, вернуть угасающую жизнь в отвыкшее жить тело… Чтобы унять боль очередной ломки. Ты знаешь, что очень трудно жить в мире, которому лет сто назад надо было бы умереть. Очень трудно смотреть на разлагающуюся плоть общества и знать, что так будет всегда. Мне иногда кажется, что я нахожусь в психушке. Причем без шансов быть излеченным, потому что врачи такие же безумцы, как и больные. Но я стараюсь, очень стараюсь найти выход из этого заключения… И он здесь. – Япончик протянул руку в сторону аппаратуры. – И здесь. – Япончик тронул свою голову. – Только этот выход нужен не мне одному, а мой взгляд на это волнует не каждого. Поэтому на лестнице лежат модифицированные «навозники».

Япончик замолчал. Алекс поднял с пола шлем и нахлобучил его себе на голову.

– Объект (Алекс внутренне вздрогнул.), – сказал Япончик. – Пожилой мужчина в хорошей физической форме. На лице найдены следы от нескольких пластических операций. Операции проведены на хорошем профессиональном уровне. Следы заметны только при детальном осмотре. (Перед Алексом проплыло крупным планом лицо. Красным были отмечены следы пластических операций. Лицо было Алексу незнакомо.) На левой руке не хватает мизинца и фаланги безымянного пальца. На груди татуировка – тигр, вписанный в вязь из трех иероглифов. Идентификация иероглифов бессмысленна, видимо, код. Часть нервной системы перестроена, особый акцент сделан на органы чувств. Других изменений нет. Оружия нет. Структура мышечной ткани, пластичность сухожилий, следы старых переломов наводят на мысль о высоком уровне владения техникой рукопашного боя. Перед взглядом Алекса проходили изображения, иллюстрировавшие то, о чем говорил Япончик.

– Они сели тебе на хвост, – констатировал Япончик, выходя в нормальный мир. – Я не знаю, какие дела ты ведешь с якудзой, но денег в долг я бы тебе не дал.

– Это точно якудза?

– Ты не хуже меня знаешь эти признаки. Изуродованные пальцы, перестроенные нервы, татуировка. Это был хороший шпион. Не воин, просто шпион. Он провалился только на

четвертом этаже.

– Кстати, на чем он завалился?

– Хм… – По лицу Япончика скользнула хитрая усмешка. – На противопехотной мине. Не знал, что такая штука может сработать. Ты через нее переступил, а он нет.

Алекс направился к дверям, проверив, не потерялся ли информационный диск.

– Спасибо, Костя, – бросил он, не оборачиваясь.

– Зови меня лучше Япончик.

Бутылка наполовину опустела. Хорошая, очень дорогая бутылка. Чистый, не синтетический коньяк. Вообще, настоящие спиртные напитки стали привилегией богатых людей еще до вторжения, а сейчас…

Жаль только, что Алекс не пьянел. Не мог. Когда-то давно, во время одной из операций, друиды исключили эту способность из его организма.

Повод напиться был, а возможности не было. Даже обидно. Видимо, какое-то атавистическое чувство заставляло Алекса в случае каких-либо неприятностей доставать из шкафа бутылку, наполненную янтарной жидкостью. Даже если нет эйфории, нет удовольствия, кроме вкусовых ощущений… Зато есть повод. Еще бы не быть. В такой запутанной ситуации Алекс еще ни разу не находился. Он убивал много, достаточно много, чтобы тени умерших не беспокоили его по ночам. Но такого, чтобы организация-заказчик была еще и организацией-объектом…

Объект работал на якудзу. Он был такой же принадлежностью клана, как и те деньги, что Алекс взял авансом за выполнение дела. А если он принадлежал якудзе, он был якудза. Он был членом организации, могущество которой не позволило послевоенной Японии встать на колени перед всем миром и стать страной без будущего. Только эта огромная, древнейшая организация препятствовала крупным корпорациям, которые ринулись на побежденную территорию разделять и властвовать.

Убить члена якудзы… Это довольно изощренный способ самоубийства.

Не выполнить работу для якудзы… То же самое.

Раздумывая над почти невероятной ситуацией, Алекс с мрачным видом смаковал тонкий вкус коньяка. В бутылке этого тонкого вкуса оставалось чуть-чуть.

Алекс потянулся и вылил остатки в бокал.

Сделал маленький глоток. Подождал, пока жидкость прокатится по горлу, и втянул в себя воздух сквозь чуть приоткрытые губы… Алкоголь испарился, Алекс выдохнул через нос и прислушался к своим вкусовым ощущениям. Хорошо.

Он толкнул ногой столик и повернулся вместе с креслом в другую сторону. Включил компьютер и снова прокрутил те данные, что дал ему Япончик.

Картина получалась следующая. Когда-то, уже после всех войн, оперативная команда японского преступного клана сумела выкрасть, выкупить или каким-либо иным методом заполучить данные по проекту «Квази» – солдат». Алекс поднял бокал в честь Сержанта. И с чисто японской проницательностью якудза узрела в этих документах будущее для своих армий и новый золотой Клондайк для своих кошельков. Однако якудзу не устраивали побочные эффекты и, как следствие, быстрая изнашиваемость солдат. Алекс снова поднял бокал в честь Сержанта.

Все крупные подпольные лаборатории якудзы работали над улучшением «квази». Работали над достижением максимальной эффективности «квази» – солдата. И судя по всему, эти лаборатории чего-то добились. Но что произошло дальше? Почему якудза не продвинула этот препарат, почему не пошла по пути его использования? И зачем ей теперь понадобилось уничтожать своего солдата? Тем более руками Алекса, человека, не имеющего отношения к клану? Глупо… Но… Японцы не тот народ, от которого можно было бы ожидать подобной глупости или нелогичных действий. А люди якудзы – это элита, они не делают ошибок… Значит, сами они его убрать не могут или не хотят. Проверка? Маловероятно. Правила? Еще маловероятней… Если Объект чем-то навредил якудзе, они бы убрали его без промедлений своими силами. Зачем им понадобился Алекс? Было ясно, что по исполнении задания за Алекса возьмутся сами люди якудзы и… Официальной, в своих кругах разумеется, формулировкой будет то, что он, Алекс, убил члена клана. А посторонний человек не имеет права даже думать, что он может безнаказанно убить представителя такой организации. Но почему якудза решилась вынести сор из избы?

Алекс встал, надел свою обычную одежду без особых изысков по части амуниции и вышел из квартиры. Ответы на некоторые вопросы следовала поискать там, где находятся те, кому уже все нипочем. В морге.

В морг его пропустили без лишних вопросов. При регистрации Алекс почему-то, словно руководствуясь неким дополнительным чувством, назвал другое имя. Таких имен у него было немало, за каждым был несуществующий человек и существующий адрес и разного рода документы, необходимые для жизни в большом городе.

Санитар проводил его по коридору, ввел в большое помещение, сверившись с бумагами, открыл дверцы ближайшей

камеры и выкатил герметическую ячейку. В ней в искусственной атмосфере висело тело убитого Алексом в ресторане военного. Того самого, который пришел на встречу с Объектом в момент неудачного покушения. Такие герметические ячейки были введены еще во время войны, когда был в большом ходу бактериологический терроризм. Пользуясь небольшим и простым в обращении пультом, можно было как угодно вращать тело вдоль его вертикальной оси, избегая при этом телесного контакта.

Алекс внимательно изучал тело военного. Изучал и все больше и больше приходил к выводу, что выяснить что-либо у трупа не получится. Тело не имело никаких особенных примет. Все пальцы были целы, татуировок не было в помине, каких-либо аномалий или явных следов от операций не наблюдалось.

Убитый не был членом якудзы и, по всей видимости, не принадлежал ни к одной из мировых преступных группировок. По крайней мере, явно. Тело было довольно мускулистым, тренированным, и Алекс подумал, что его мысль о том, что убитый был военным, верна процентов на семьдесят. А значит…

– Скажите, а его вещи… Он ведь имел что-либо в карманах? – спросил Алекс у санитара, молча стоящего рядом.

– Имел. Только доступ к этому закрыт. Вам потребуется особое разрешение. – Санитар был высоким и почему-то слегка сутулился.

Алекс оглянулся, выискивая объективы следящих камер. Камер не было. Следить в морге было не за кем.

– Я думаю, что такое разрешение у меня есть. Мне нужно только взглянуть на то, что было в карманах этого человека, – ответил Алекс и выложил на прозрачную крышку ячейки небольшую пачку денег.

Санитар не проронил ни звука, но, задвигая на место ячейку, аккуратно смел деньги себе в карман халата. Жест был четкий, натренированный.

Санитар двинулся вглубь помещения. Алекс пошел за ним. Мимо проплывали дверцы, дверцы, дверцы… Пусто. Ни единой живой души… Ни единой.

– Вот. – Санитар выложил перед Алексом черную коробочку и откинул ее крышку.

– Спасибо.

Небогато. Пачка сигарет, бумажник, зажигалка, обручальное кольцо, маленький сверток и какие-то бумажки. Алекс осторожно сгреб все, кроме свертка, обратно в ящик и медленно, двумя пальцами развернул пакетик.

Миниатюрный информационный диск, обычный… Впрочем,

нет, не совсем обычный. Диск был из разряда «вечных». Никакие магнитные поля, никакие температуры не могли уничтожить информацию на нем. Ладно. Само по себе это ничего не значит. Алекс развернул сверток полностью. Развернул и замер, завороженно глядя на глянцевый блеск голубенькой облатки. Веселенькая голубенькая такая… «Квази». Точно такие же есть у самого Алекса дома. Только на тех, что у Алекса, нет такой красной полосочки поперек.

– Нравится? – раздался голос у Алекса за спиной. Алекс начал оборачиваться, но голос предупредил:

– Медленно. – Этот приказ подтвердил звук приведенного в боевую готовность оружия.

– «Магнум», – сказал Алекс.

– Точно, – подтвердил голос с удовольствием. – Модификация пятилетней давности. Фирма.

Слово «фирма» голос произнес с ударением на последнем слоге.

Когда Алекс все-таки обернулся, он узрел перед собой санитара. Того самого, что провел его в это помещение и любезно показал тело убитого. Только теперь санитар снял с себя халат и был одет в симпатичный серый костюм с галстуком и белую рубашку. Прямая спина, чуть вперед грудь. «Военный, – отметил про себя Алекс. – Кажется, я самый большой придурок в этой истории. Или друиды не полностью сняли с меня алкогольную зависимость».

– Я знал, что ты придешь. Просто знал. – Бывший санитар указал Алексу на стул.

– Ты кто?

– Иван Иванович. – «Санитар» издевательски прищурился. – Ты ведь тоже сюда не под настоящим именем пришел… Не похож ты на, как ты там зарегистрировался? Михаила Шиммельпфенига. Ха. Точно не похож. Где ты такое имя выкопал?

– И что тебе, Иван Иванович, нужно? – Алекс медленно и непринужденно поменял позу. Теперь можно и рискнуть – все зависит от намерений «санитара».

– Не стоит, – заключил Иван Иванович, оценивающе оглядев Алекса. – Я не меньший специалист, чем ты.

Он отошел на несколько шагов назад. Спрятал пистолет, достал сигареты и закурил.

– Полковник, – Иван Иванович указал зажженной сигаретой в сторону вещей покойника, – не был моим другом. У таких, как он, не бывает друзей… Но мы работали вместе. Над очень важным проектом. Пока не явился ты и не смешал все карты. Твоя ведь работа в ресторане? Единственная причина, по которой ты сейчас

все еще жив, заключается в том, что тебя наняли японцы. Если они тебя наняли, значит, ты на них работаешь, а если ты на них работаешь, значит, на тебя распространяются некоторые законы и правила их клана. Мы не желаем ссориться с кланом. Мы можем соперничать с любой организацией, но не объявлять же им войну. Так что убивать тебя мы не… не желаем. Но изолировать на неопределенный срок, пожалуй, придется…

– Да? – Алекс сложил руки на груди. – И как вы себе это представляете?

– Ну… Ты можешь оказать сопротивление. Тогда, согласно правилам той же якудзы, ты будешь виноват, и клан не будет в обиде. А можешь не оказывать…

– И что же я такого натворил? Если это не личная месть?

– Нет. Как я говорил, полковник не был моим другом. Но ты смешал нам карты. Большего тебе знать не полагается. Теперь…

Как маленький ящичек с вещами убитого вылетел из-под руки Алекса, не смог бы сказать даже эксперт. Удар ногой был немногим медленнее… Но и этого «санитару» хватило. Он не сумел увернуться от удара, но максимально смягчил его последствия. Однако удар был не только быстрым, но и сильным. «Санитара» развернуло, он налетел на стену и в тот же миг сориентировался, беззвучно выдергивая из кобуры пистолет.

Маленькой голубой рыбкой скользнула в воздухе капсулка с красной полосочкой поперек. И, словно сачком, Алекс поймал ее на лету. Ртом. Раскусил…

Го-рь-ко…

Японские лаборатории знали свое дело. Мир качнулся, окрасился резкими красками и стал двигаться медленнее… Еще медленнее… Совсем медленно. Руки налились силой, сознание посветлело, захотелось смеяться. Легко…

Глупенький человечек в двух шагах впереди удерживал плюющийся огнем «магнум»… Алекс с радостным смехом отбежал с траектории пуль. И, так же смеясь, вырвал пистолет из рук «санитара». Ушел из-под удара кулаком и перехватил бросок ладони в горло. Легко толкнул колено противника, направленное в пах. И с большим трудом подавил желание размозжить ему голову. Страстно хотелось нападать! Убивать! Действовать!

Но нельзя… Он пришел сюда за информацией, и он ее получит. Вот только сломает руки этому жалкому типу… И, пожалуй, ноги.

Действие японского «квази» проходило медленно. Очень медленно. Алекс успел с «Иваном Ивановичем» на плечах выбраться подвальными путями из здания морга и уйти достаточно далеко. Успел заметить несколько машин – они с

визгом подрулили к входу в здание, которое он только что покинул.

Многое успел Алекс. А мир все еще оставался медлительным и плавным, а руки казались наполненными бесконечной силой. Только несколько часов спустя все постепенно вернулось на круги своя… Алекс ждал этого момента. Допросы третьей степени нужно проводить в нормальном состоянии.

Он подошел к «санитару», именно так Алекс решил его именовать, Санитар. К чему нам имена?

– Этот препарат, – сказал Алекс, потряхивая в руках маленький одноразовый инжектор, – способен на некоторое время снять болевую блокаду, а я уверен, что у вас эта блокада установлена. Так вот, этот период будет длиться несколько часов. Часа четыре-пять. Мне этого хватит, чтобы вытащить из вас все жилы и намотать их вокруг вашей шеи. «Сыворотки правды» у меня нет, извините. В моем распоряжении иглы, ваши болевые точки, ножницы, одна ложка и маленькие кусачки. Это очень неприятный процесс, но без него вы не станете разговаривать.

– Ты мертвец, – тихо сказал Санитар.

– Вы исключительно глупы. Вы сидели в засаде в одиночку, вы позволили мне найти «квази», и вы сняли меня с прицела. За глупость надо платить. Вот мои вопросы. Очень простые, если вдуматься. Организация, на которую вы работаете? Суть, в общих чертах, вашей работы с Объектом, вы понимаете, о ком я говорю? Что вы знаете обо мне? Я начну с малого и буду постепенно наращивать величину боли и размеры повреждений.

Санитар ответил довольно замысловато, но понять его было нетрудно.

– Я не знаю своих родителей, но верблюдов среди них определенно не было, и они не занимались тем, о чем вы только что говорили, – ответил Алекс, вводя препарат.

Больше Санитар ничего не сказал. Он только кричал. Подвал был звуконепроницаемым, Алекс, как всегда после «квази», ощущал непередаваемое спокойствие.

Допрос окончился быстро. Санитар не ответил ни на один вопрос. Он не назвал своей организации. Даже звания своего не назвал. Не пояснил своей игры с Объектом. Просто впал в кому. Алекс даже ни разу не коснулся его теми предметами, что назвал выше. Санитар знал, что не выдержит пытки. Не выдержит и расскажет все. И тогда сработал блок, примитивный блок в сознании, который вызвал к жизни процессы, что могут сработать лишь один раз в жизни. Под угрозой смерти и под угрозой нарушения присяги. Санитар был военным. Военное ведомство практиковало именно такую систему защиты информации.

Простое и надежное одноразовое средство. Человека можно было вывести из комы, но память его была безвозвратно потеряна. Он помнил только основы, то, что закладывается в раннем возрасте.

В этой ситуации было только два плюса. Санитар после возвращения сознания не вспомнит Алекса. Косвенно Алекс понял, с какой организацией имеет дело. Он вышел из подвала и начал планомерно заметать следы. Судьба Санитара его теперь мало интересовала, найдут и откачают, военное ведомство так просто своих не бросает. «Вечный» диск холодил его тело через ткань внутреннего кармана.

Объект опять был на старом месте. Дома. И Алекс тоже был на старом месте. Наблюдал за Объектом. И видя, как осторожно тот пробирается сквозь толпу, как медлительны его движения, Алекс проникался к Объекту невольным уважением. Тот двигался под «квази» и ничем не отличался от обычного человека, по крайней мере, на первый взгляд. Помня то немыслимое чувство силы и желание действия, что овладело им после «квази», Алекс не представлял себе, какими усилиями можно удержать себя в рамках разумной скорости и разумного поведения.

Объект вошел в подъезд.

Все как всегда. Зная, что за ним ведется охота, Объект не скрывался, не прятался в тщетных попытках осложнить Алексу задачу.

Он жил своей обычной жизнью, каждый день совершая один и тот же маршрут. Вероятно, контрольный. И ни разу за свое ежедневное путешествие Объект не допустил ситуации, которой можно было воспользоваться. Впрочем, попыток Алекс больше не делал. Расположение сил было настолько запутанным, что вмешиваться пока не стоило.

Мысленно Алекс вернулся на несколько дней назад, когда в очередной раз, преодолев лестницу на верхний этаж, вошел в апартаменты Япончика.

– Что принес? – спросил Япончик с порога.

– Откуда ты знаешь, что я что-то принес?

– Чувствую.

– Держи, – сказал Алекс и протянул Япончику «вечный» диск.

Япончик ничего не ответил, он с головой погрузился в свои компьютерные дебри и долго оттуда не вылезал. Наконец вынырнув, он неопределенно развел руками:

– Ты знаешь, мне совсем не нравятся те дела, с которыми ты ко мне приходишь. От них за версту пахнет братвой. Я не хочу иметь дела с братвой.

– Я тебя и не заставляю. Я хочу знать, что на этом диске.

– А я тебе не скажу… Он зашифрован. В подпольных

лабораториях работают профессионалы.

– А расшифровать?

– Не за один день. И не полностью. Там многоуровневая защита. Я смогу проникнуть в несколько первых слоев… Это как наладить контакт с иным разумом.

– Я оставлю его тебе на день. Завтра мне нужен ответ. Что там, на этом диске? Только в общих чертах.

– Не нравится мне все это… – пробормотал Япончик, но диск не отдал. Деньги Алекс оставил возле его рабочего кресла.

На следующий день в выпуске стрим-новостей пролетело сообщение о разборке террористических групп в центре города.

Ровно в полночь некая преступная группировка начала штурм старого здания в заброшенных кварталах.

Штурм был спланирован с двух сторон. С крыши и с лестницы… Количество жертв точно известно не было. Атака со стороны крыши захлебнулась в крови. Крышу Япончик действительно прикрыл наглухо. Прорыв произошел со стороны лестницы. По телам погибших ночные воины вломились в квартиру. Япончик понял, что живым к этим людям лучше не попадать, и затопил все, что мог, Авгием-8. Газ был тяжелый и через некоторое время сполз в подвал. Но еще до этого люди в противогазах перевернули все в квартире…

Диск пропал. Алекс, подоспевший к месту происшествия, видел только тело Япончика (он с обычным выражением лица сидел в своем кресле) и тела нападавших.

Многие тела были покрыты многоцветной восточной татуировкой с ног до головы.

Итак, если якудза охотилась за диском, он был у них. Но заказ на смерть Объекта не был снят, впрочем, и приказа о форсировании событий тоже не поступало. Значит, диск ни при чем?

Ситуация настолько осложнилась, что Алекс не решался вмешиваться в события, опасаясь возникновения новых проблем.

Теперь он вел наблюдение за Объектом и готовил новые пути к отступлению в случае непредвиденных осложнений.

Выходить из транса не хотелось. Было так приятно… Последние остатки уходящей эйфории… Но мерзко пиликал почтовый сигнал. Пришла почта…

Алексу никто не писал. Никогда. И поэтому сигнал был особенно интересен… Тем более срочный.

Алекс подошел к выходному отверстию почтового ящика. Протянул руку и поймал почтовую ячейку. Вставил в приемное устройство, нажал несколько кнопок и прочел несколько строк. Прочел снова. Уничтожил ячейку.

Остатки эйфории как ветром сдуло. Холодным таким ветром, с той стороны реальности.

На экране медленно таяли строчки: «НАДЕНЬ ШЛЕМ!»

Покойся в мире, Костя Япончик…

Странно, но Алекс нашел шлем почти сразу. В нескольких кварталах от дома. В какой-то публичной конторе по прокату виртуального времени. Все еще удивляясь собственным действиям, он надел шлем.

Мир покатился под горку… Его окружала дешевая графика, состряпанная за несколько минут местным программистом. Перед глазами высветилось в пространстве небольшое меню с выбором блюд.

Что делать дальше, Алекс не знал. Он просто растерянно поводил руками, привыкая к необычным ощущениям. Показалось, что он простой идиот, попавшийся на неизвестно чей розыгрыш…

Алекс поднял руки для того, чтобы снять шлем, да так и замер в этой дурацкой позе. Перед ним, нелепо раскачиваясь, висело лицо Япончика. Такое, каким оно было при жизни.

– Удивлен? – спросило изображение Кости Япончика. Алекс молчал.

– Понимаю, – ответил Япончик. – Точнее, не совсем понимаю. Я сейчас не совсем способен воспринимать человеческие эмоции. Ты, видимо, хотел бы получить кое-какие пояснения?

Алекс все еще молчал.

– Ну и место ты выбрал… – пробормотал Япончик, и вскоре пространство вокруг затрепетало словно живое, изменило цвет, структуру, размерность… Теперь Алекс сидел вместе с Япончиком в его собственной квартире, воспроизведенной до мельчайших подробностей. – Так лучше. Могу пригласить сесть, но у тебя мало времени. Так ведь?

Этот вопрос вывел Алекса из транса. Алекс опустил руки и кивнул.

– С тобой не так часто общаются мертвецы? – спросил Япончик. – А?

– Ты собрался оживить мою совесть?

– О! Пришел в себя? Ну да ладно… Совесть твою я трогать не собираюсь. Не мое это дело, да и не волнует меня она. Собственно, как такового меня тоже нет. То, что ты сейчас видишь, это программа, вернее, ее часть. Та самая, за которую я расплатился своими ногами. Уникальная разработка, гениальная, экспериментальная. Я много лет пытался доработать ее, словно знал, что она мне пригодится. Так и не доработал. Теперь в виртуальном пространстве появилось еще одно «что-то». Не разум, не программа… «Что-то». И скоро это «что-то» просто

растворится среди телефонных звонков, потоков электронов, рядов бит и строк новостей. Ну, может быть, скорость передачи данных немного вырастет. Но перед этим я должен завершить ряд дел, которые не доделал в той, физической жизни. Бредово звучит, правда? Но на самом деле все очень просто. Все свои дела я заносил в электронный дневник – это было частью проекта. Завершенные дела я отмечал специальными символами, а незавершенные должны были, в случае моей внезапной смерти, не дать мне раствориться в эфире бесследно. Так вот твое дело – одно из них. В каком-то смысле это моя месть. Хочу передать тебе информацию. У Алекса начала кружиться голова. Комната теряла свои очертания, лицо Япончика меняло свои размеры, голос слышался с помехами. Синдром виртуального отторжения давал о себе знать. Алекс с трудом сосредоточился на словах Япончика.– Теперь я знаю, что содержится на диске. Ты сможешь получить его у другого человека. Данные расшифровки там же. Получив эту мою посмертную посылку, ты станешь чудесной мишенью. Почти такой же, какой стал я, когда ты передал мне этот диск.

– Я не знал, что убиваю тебя, – хрипло произнес Алекс. Воздуха явно не хватало.

– Неужели? – натурально удивился Япончик. – А когда ты попал в жернова Военного Министерства и вытащил оттуда этот диск, ты не подумал, что вытащил маленькую смерть? Не будь таким наивным, для твоей профессии это смертельно. Специальный Отдел Военного Министерства вышел на Отщепенца. Этот парень, известный тебе как «Объект», является частью хитрого проекта якудзы, связанного с «квази». И, выйдя на него, Спецотдел склонил его к сотрудничеству. Небывалое событие. Предатели в среде японской мафии не встречаются. В другое время Отщепенец был бы мертв через несколько минут после встречи с агентами нашей военщины, но внутри самого клана сейчас нечисто. Клан лихорадит, он готов развалиться на две половинки, и все из-за «квази». Одна часть якудзы стремится прикрыть проект, а вторая – продолжить исследования. Процесс довольно серьезный. Одни хотят продолжать работать с наркотиком, несмотря ни на какие жертвы, а другие считают, что это несовместимо с правилами и, что важнее всего, с духом клана и Японии вообще. Процесс набрал обороты. Полетели головы. Натуральным образом. Но до настоящих разборок еще дело не дошло. Все уперлось в Отщепенца. Он – экспериментальный образец будущего японского солдата. Его нельзя убрать руками своих убийц, он находится под протекторатом второй половины клана. Той, что стремится продолжить проект с «квази». Руководство не допустит войны якудзы против якудзы. Чем

Отщепенец и пользуется, пытаясь продать достижения подпольных японских химиков нашему родному Военному Министерству. Ведь именно оно породило этот проект, оно в нем заинтересовано. А ты болтаешься в этой игральной колоде, как одинокий валет, которого никто не решится сбросить – вдруг да сыграет. Не удивляйся, теперь, когда я стал почти чистым потоком информации, у меня появился доступ к любой части себя. К любой части информации. Только теперь мне это не нужно, я не разум, я часть программы. Очень умной и способной имитировать эмоции, но всего лишь программы. В моем дневнике записано: «Отдать Алексу расшифрованный диск». Я выполняю это, сопровождая своими комментариями. Прощай. Я выполнил этот пункт… И на прощание я бы посоветова…..

Алекс, задыхаясь, выпал из виртуального пространства. Он перегнулся через консоль, и его вырвало. Дико болела голова, все плыло перед глазами. Он пересидел под шлемом дольше положенного срока и вырвался оттуда, так и не дослушав того, кто когда-то был Костей Япончиком, до конца.

Адрес, указанный в почтовом сообщении, был знаком Алексу. Как и большинство улиц в этом городе – трущоба. Именно на таких улицах находились самые последние очажки темной, грязной настоящей жизни. Весь остальной мир представлялся Алексу какой-то блестящей мишурой, зеркальным и искаженным отражением того мира, в котором жил он сам.

Дом был совсем древний, и Алекс не удивился, когда обнаружил, что вход в него ведет через подвал. В общем-то это было единственное помещение в доме, где можно было существовать.

Псевдо-Япончик оставил точные инструкции по поводу того, что нужно сказать и как себя вести с этим странным типом, что открыл дверь.

Тип имел кличку, которую, видимо, сам себе и придумал, – Ковбой.

После разговора с этим человеком Алекс понял, что имеет дело с профессионалом уровня самого Япончика. Это чувствовалось в словах, в поведении, в одновременно цепком и слегка рассеянном взгляде. Ковбой был невысок и невероятно деятелен. Обстановка в его подвале резко отличалась от богатого интерьера квартиры Япончика, но что-то схожее было. В бесконечных голографических мониторах, в точках для управления, полевых клавиатурах – во всем Алекс видел признаки той самой заразы, что текла в жилах Япончика и многих других людей, не мыслящих существование без информации, без ее чистых потоков, которые способны переносить даже самую

большую грязь, которые способны убивать, повелевать и игнорировать. Это был словно другой вид людского рода. Хомо информатикус…

От Ковбоя Алекс получил два диска. Один оригинальный, тот, что он отобрал у представителя Военного Министерства. Другой содержал расшифровку, сделанную Японичком.

В результате Алекс добился того, чего хотел, – получил информацию в полном объеме, однако эта информация ничего не упростила…

Ситуация оставалась такой же сложной, как и была.

Необходимо было уничтожить Объект, выполнить работу для якудзы и при этом не попасть под удар ни родного Военного Министерства, ни самого влиятельного клана во всем преступном мире. И еще диск… Еще разработки японских химиков, которые в своих сверхсовременных лабораториях со средневековым фанатизмом пытаются создать нового Голема. Алекс видел в этом маленьком диске угрозу себе, своей работе, своему образу жизни. Что-то внутри протестовало в нем при одной только мысли о каких-либо изменениях в том древнейшем ремесле, которым он занимался.

В какой-то момент Алекс даже ощутил сожаление о том времени, когда ничего не знал о разработках якудзы, военных проектах, новом «квази», а знал только имя, адрес и установочные данные Объекта, которого ему полагалось уничтожить.

На улице было темно, когда Алекс вышел из подвала Ковбоя. Темно, в воздухе висела пыль, ночной город просыпался… Вдруг что-то смутно знакомое остановило его. Не звук, не запах, не ощущение – все это вместе. Словно мимо уха просвистела, поднимаясь, исполинская коса, пахнуло смрадом… Или это только показалось? Чувство было таким резким…

Рефлексы не подвели. Алекс упал и покатился куда-то сразу же, как только заметил красную точку прицела, ползущую по его груди. Ползущую быстро и неотвратимо. Пуля свистнула высоко. Если бы стреляли сразу…

Алекс стремительно отбежал под прикрытие дома. Стрелять могли откуда угодно, но Алексу казалось, что огонь велся с противоположной стороны улицы. Смутное предчувствие – это, оказывается, очень много.

Однако стоять на месте не стоило. И Алекс начал обходить дом с другой стороны и уже достиг угла, когда в слабо освещенном провале переулка появилась, именно появилась и тут же исчезла тень человека. Что-то пронеслось в памяти… Но сконцентрироваться на мелькнувшем силуэте не позволили щелкающие звуки пуль. Пули расплющивались от ударов о стены

домов. Пять выстрелов. Вслепую. Неизвестный охотник знал, что не попал в Алекса с первого выстрела, но видеть в темноте не мог. Поэтому он просто полил улицу редким, но смертоносным дождиком. Не включая лазерный прицел, чтобы не обнаружить себя в пыли подворотни.

Алекс стремительно уходил в безопасную зону. Подальше от этой улицы, поближе к тем местам, где он знал все закоулки, все переходы, все темные места. В бой с невидимкой Алекс вступать не имел желания. По нескольким причинам. Во-первых, стрелял явно не любитель, стрелял опытный охотник. Об этом говорила бесшумность атаки и стремительность, с которой она была проведена. Во-вторых, оружие Алекса ну никак не подходило для действительно серьезной схватки. Тут требовалось нечто посерьезнее маленького одноразового пистолета с несколькими патронами, пусть и разрывными. Поэтому Алекс просто бежал, не думая ни о чем, кроме оптимального пути к бегству.

Только добравшись до «своей» зоны влияния, Алекс смог сбавить темп бега и вызвать в памяти силуэт, который он успел заметить во время нападения. Знакомый силуэт… Очень знакомый…

Алекс остановился. Ночь тут же укутала его своим плотным плащом из тьмы и лоскутков света. Ночь раздавила где-то в подворотне банку и громко закашляла. Ночь посмотрела в глаза Алексу и подтолкнула заметивший его патруль сил правопорядка, наверное, ночь симпатизировала Алексу. Только сам Алекс был равнодушен к этим знакам внимания, он просто стоял, понимая, что все его старые планы ни к черту не годятся. Нужно разрабатывать что-то новое, нестандартное, особое… Потому что ситуации, когда жертва внезапно становится охотником, а охотник скрывается от своей жертвы, вообще крайне редки.

Алекс понял, чей силуэт он видел в светлом промежутке между двумя домами… Объект, он же Отщепенец, «квази» – солдат из лабораторий якудзы.

Ночь недоуменно наблюдала за мужчиной, который удивительно бесшумным и стремительным шагом двинулся вглубь лабиринта из темных улиц, переулков и переходов, напоминая не человека, а тень. Но еще больше удивилась ночь, когда заприметила другую тень, и еще одну, и еще. Тени так же бесшумно и еще более стремительно продвигались по следу первой тени, независимо друг от друга.

Они так и кружили в ночи, продвигаясь сквозь нее, словно на ощупь. Ночь морочила их, не давая сойтись в одной точке в одно время. Ночь подсовывала им ложные следы, уводила в стороны. Ей нравились игры этих взрослых людей.

Странные игры.

Знаете, во что превращается мир, когда за тобой гонятся? Знаете, куда пропадает страх, когда над головой что-то звякает и за ворот валится каменная крошка? Именно пропадает… Знаете, куда уходит голод, желание расслабиться в теплой ванне? Как внутри просыпается зверь, старый, вечно настороженный и голодный? Где он был раньше? Спал?

В голове медленно таяла муть. По полу так же медленно растекалась кровь. Запах висел в воздухе плотным комом, его можно было резать ножом на ломтики. Резать на тонкие ломтики и запасать впрок, чтобы потом, через пару сотен тысячелетий, какой-нибудь археолог новой расы тех существ, что унаследуют Землю после злобной и смертельно романтичной расы хомо сапиенс, наткнулся на эти ломтики и ощутил страх, боль. И спросил бы себя: что это такое? Вот только ножа для резки не было. Нож сломался.

Алекс сидел на корточках и тупо смотрел на то, как лучики искусственного света одной чудом уцелевшей осветительной установки дробятся в гранях сломанного ножа. Широкое и толстое лезвие, хорошо прокаленное… Какой-то там сплав… Что-то еще? Ах да, удобная рукоять. Обломанное лезвие торчало из глазницы трупа, что лежал ближе всех к Алексу. Еще один труп находился на пороге комнаты. И два где-то на лестнице.

Жаль, что нож сломался.

Удивительно. У человека может быть любое оружие. От скорострельного пулемета до миниатюрной атомной бомбы, но холодное оружие никогда не сойдет со сцены этого театра.

Наркотическая муть почти рассеялась, и Алекс снова начал ощущать боль. Нещадно болела спина. Кираса бронежилета выполнила свою задачу и приняла на себя пару-тройку выстрелов. Четыре новичка, что висели у Алекса на хвосте целый день, были явными любителями. Ни один специалист не станет выпускать столько зарядов в спину, когда остается открытой голова. И ни один специалист не полезет в незнакомый дом через парадную дверь с ходу. А эти полезли. На них Алекс даже не потратил капсулы «квази», последней, кстати. Впрочем, их и было-то всего три.

Алекс встал. Снял бронекирасу. Оглядел рваные дыры на спине. И понял, что уже устал. Нет, конечно, он знал, что рискует, выводя этих новичков в район, где на звук выстрела не оборачиваются даже патрули. Но он не собирался рисковать настолько, чтобы подставлять собственную спину. А пришлось… Просто постоянная нервная тряска, постоянная охота, неприметные для стороннего наблюдателя атаки и такие же

неприметные ответные ходы, наркотики, два случая приема «квази». Не японского модифицированного «без последствий», а своего родного, отечественного…

Первый раз Алекс проглотил голубую облатку, когда был вынужден отвечать на атаку самого Отщепенца. Точнее, не отвечать, а убегать, закрывая за собой ходы. По подвалам, по туннелям подземки, где только описанный Сержантом «эффект замедленного времени» спас Алекса от движущейся громады поезда. А второй раз, когда Алекса прижал патруль. Прямо на улице. И опять Алекс убегал. Стрелять по патрулю – все равно что стрелять себе в лоб. Потом был момент затишья, и только через несколько дней Алекс заметил четырех мальчиков, что уверенно шли по его следу. Очень уверенно…

Алекс обыскал труп, действуя вынутым из глазницы сломанным лезвием. Ничего. Имплантов под кожей в нужных местах не было… Только кровь, еще не загустевшая, щедро окрасила пол. Обследовать третий и четвертый трупы не было необходимости, второй нес, прямо в запястье, грубо зашитый детектор ДНК. Причем старый – довоенный. Детекторы ДНК применялись очень редко. Только при особо важных операциях патрулем или при особо денежных операциях наемными убийцами всех классов. Его действие было возможно только в качестве импланта, и при использовании детектора носитель невероятно быстро изнашивал собственную нервную систему. Парня, что лежал на пороге, это явно не интересовало. Ему, похоже, ночами снились деньги и чистое северное море. Курорт.

Алекс, пошатываясь, вышел на крышу дома. Пыльный воздух щекотал незащищенные ноздри. Если Алекс не ошибся, то эти парни были прелюдией, пушечным мясом, пущенным для упрощения ситуации. А значит, скоро можно ждать новых гостей.

Ночь была тихой. Впрочем, какой еще может быть ночь в центре трущоб гигантского мегаполиса? Кому-то скучно? Можно включить музыку погромче. И бутылка со старой смесью топлива и мыла, влетевшая в ваше окно, прибавит вашей вечеринке огонька.

Где-то вдалеке пылало зарево реклам, вывесок, фонарей… Это зарево бросало вызов небу, плевалось в него искорками несуществующего пламени. Все равно что плевать на мертвую собаку. Черное небо, без звезд… Какое ему дело до большой разноцветной погремушки, раскинувшейся под ним… Небо слилось с трущобами, трущобы слились с небом, вместе игнорируя цветную круговерть престижных районов, дорогих женщин, чистых воротничков и кричащей жажды в глазах дорогих женщин и любителей чистых воротничков.

Глядя на город с грязной крыши, Алекс вдруг подумал, что одинаково работает и в трущобах, и в дорогих районах. Какая разница, где ловить ускользающую жизнь? Хотя в дорогих районах она лучше пахнет.

Где-то выше висел вертолет. Стрекотание его винтов едва слышалось. Алекс повернулся на звук, и где-то далеко, в зареве голографической рекламы, узрел маленькую точку и едва различимый сверкающий нимб вращающихся лопастей над ней. Словно некий забытый святой с грустью смотрел на землю…

– Ты японец? – бросил Алекс в пыльный воздух. – Да, – ответили за его спиной. – Небольшие пластические операции, и я стал походить на варвара, который пытается спрятать свою скотскую сущность за личиной благо родного сына Ямато.

– Никогда не любил японцев… – произнес Алекс, поворачиваясь.

Отщепенец стоял на другой стороне крыши.

– Если по правде, мне наплевать, на кого я похож. Я даже не вижу особенной разницы между японцем и неяпонцем. Кроме цвета кожи, конечно. – Отщепенец наклонил голову влево. – Но, с другой стороны, варвары не могут быть выше благороднорожденного.

Алекс молча слушал, даже не двигаясь с места.

– Отдай мне диск, варвар. – Отщепенец наклонил голову вправо и продолжил: – Или заплати за него его стоимость. Мне все равно, кто будет владеть этим секретом, тот, кто больше заплатит… Твоей стране это будет выгодно.

Выражение его лица следовало за словами, которые произносили его губы; То он был гордым и заносчивым воином, сыном великого народа, то вдруг становился живым отражением улиц – бесполым, бесцветным торговцем, готовым продать все, что по случайности попало в его жадные маленькие ручонки, – от секретов своей родины до собственной рубахи.

– Итак? Что ты выбираешь? – Отщепенец выжидающе и настороженно, словно птица, наклонил голову. – Ты будешь продавать диск или отдашь его? Или я возьму его у тебя силой… Я даже не знаю, что мне выгодней… Ведь ты не продашь его? Нет?

– Нет, – ответил Алекс, ощутив невероятную усталость и поняв, почему часть клана якудзы поднялась против разработки проекта «Квази». – Не продам. И не отдам. Я даже не знаю, зачем он мне нужен…

– Он тебе не нужен, – произнес Отщепенец и вдруг оказался рядом, Алекс успел заметить ту самую усмешку, которую он видел в оптику прицела. Потом все вокруг взорвалось, и крыша

вдруг оказалась под щекой. Мелкие камешки вдавились в кожу, разрывая ее…

– Тогда где он? – прошептал чей-то голос в самое ухо, и боль в спине отозвалась на эти слова ослепительными вспышками.

Алекс ударил на звук, промахнулся и ударил снова в неясную тень, в которую превратился Отщепенец. Рука ощутила прикосновение ткани… Отщепенец стоял в трех метрах от него и с интересом наблюдал за Алексом, который лихорадочно рылся в своих карманах. Что-то упало с глухим стуком. Алекс краем глаза увидел, что это его пистолет валяется у ног Отщепенца. По спине прошла ледяная дрожь… Неужели не найдет?.. Сейчас, именно сейчас, когда она так нужна!!!

В нагрудном кармане что-то лежало. Что-то округлое, продолговатое… В синей облаточке.

Го – рь – ко…

Мир расцветился яркими красками, все стало одновременно четким и размытым. Все черное стало Черным, все белое стало Белым. Пыль обрела объем. Даже стали видны следы от лопастей вертолета, он висел теперь гораздо ближе… Но самое главное, что Отщепенец перестал быть тенью. Шансы уравнялись, пусть ненадолго, но для задуманного хватит.

Два человека метались по крыше. Два человека наносили друг другу удары, стремясь не убить, но обездвижить противника. Оба, находясь в эйфории наркотического опьянения, получали удовольствие от боя, получали удовольствие от боли, от ярких красок, от крови на губах… Бить и получать удары – вот и все, что было нужно. Время неслось в своей повозке, погоняя впряженную в нее клячу… Быстрее, быстрее!!! Еще!

Наконец одна из теней вдруг осела и вывалилась из невидимой глазу окружности, внутри которой шел бой и сыпались беспорядочные удары, а вторая вновь стала человеком, время вернулось в привычный ритм и поползло по старой колее…

– Где диск? – спросил Отщепенец, стоя над Алексом. Его лицо подергивалось, разбитая скула сильно кровоточила, один глаз был безвозвратно потерян.

Руки Алекса судорожно дернулись, поползли по груди, нырнули под одежду. Он скривился, и сквозь кровавую пену донесся стон. На руке лежал диск. «Вечный» диск. Отщепенец взял его, словно драгоценность, прижал к окровавленной щеке…

И завыл. Тонко и жалобно. Ощущая на ладони мертвый кусок металла. С трещиной по диаметру. Все. Информация, записанная на диске, уже никому не доступна.

Алекс тихо стонал, пытаясь сесть. Он четко помнил, что несколько ударов пришлось именно по диску.

Отщепенец все так же рыдал над собственноручно уничтоженным диском. Рыдал, потому что действие «квази», которым он питался уже столько времени, наконец кончилось. Мир стал серым, темным и слишком быстрым. В тело вернулась прежняя слабость и боль. И страх. Он даже не дернулся, когда несколько серых теней подняли его под локти и отнесли к вертолету. Вертолет опустился на крышу. Когда? Алекс не знал. Не помнил. Как-то не до него было.

Чья-то фигура заслонила светлеющее небо. Сквозь кровавые слезы Алекс увидел одетого в дорогой костюм японца. Не старого, но и не молодого. Японец встретился взглядом с Алексом и замер, словно изваяние. Просто стоял и смотрел. И Алекс смотрел в эти глаза, пытаясь рассмотреть в них приговор, обещание забыть о его существовании, отсрочку или даже приказ прыгнуть с крыши. Пытался и не мог увидеть ничего. Только пристальное внимание. Так себя чувствует клетка, маленькая растительная клетка, когда ее подкрасят красным и положат на стеклышко микроскопа. Большого сложного микроскопа. Наверное, ее тоже одолевает такой же религиозный трепет от того, что на нее сейчас смотрит несравнимо более сложный организм, для которого смерть или жизнь одной клеточки не имеет никакого значения. Или имеет? Чего ты хочешь, клеточка? Кем ты будешь, клеточка? В чьем теле ты будешь, клеточка, когда все свободные клеточки пропадут и будут втянуты в тела сложных организмов?

Алекс отвернулся. Он не любил слишком долго вглядываться в глаза смерти.

Донеслась отрывистая речь. Возле вертолета что-то коротко свистнула остро отточенная сталь, и донесся звук льющейся жидкости. Такой плотной и чуть тягучей жидкости, которой у каждого человека около пяти литров. Потом раздался тупой стук. Голова Отщепенца откатилась недалеко от его тела. Алекс даже не посмотрел туда… Он поднял голову только тогда, когда его обдало ветром от работающего винта и смрадом выхлопных газов.

На крыше он был один. Живой.

Почему-то хотелось смеяться. Но это было слишком больно. Ничего, пройдет…

Алекс дополз до края крыши и посмотрел вниз. На город. В голове гулко повторялся совершенно нелепый вопрос: «А что дальше?»

Город бесшумно заволакивало серой пылью.

Нулевой уровень Европейского Купола». Трущобы. 33 минуты до нападения.

– Смешно… – в наступившей тишине сказал Логус.

– Что смешно? – спросил Керк. Он, прищурившись, рассматривал комнату. После цветового разнообразия визуализатора стало особенно заметно, как потемнело в помещении.

– Смешно? – Логус удивленно посмотрел вокруг. – Я сказал, смешно?

– Ну да… – неуверенно, после некоторой паузы, произнес кибер.

Логус опустил голову, помотал ею из стороны в сторону, словно отгоняя невидимых насекомых.

– Ненавижу быть ведущим, – пробормотал он. – Что я сказать хотел… Ах да! Смешно, что подобные истории рассказываются до сих пор. О том времени сохранилось едва ли сорок процентов информации. Причем большая ее часть – это россказни, байки, выдумки, которые почему-то пышно именуются гипотезами. Что мы знаем о быте тех, кто жил несколько столетий назад? Ни черта! Зато каждый десятый способен выдать вам какое-нибудь творение о том времени, про какого-нибудь антисоциального типа, убийцу, наркомана, маньяка, извращенца. Но самое смешное, конечно, не это. Глупо то, что все это пользуется популярностью, как будто мы все еще те… Тогдашние люди.

– А кто сказал, что это не так? – спросил, Макс.

Монах вопросительно посмотрел на него.

– Ты можешь сказать, чем мы отличаемся от тех людей?

– В каком смысле? – Логус подозрительно посмотрел на Макса. – Если ты имеешь в виду биологически…

– Нет, нет, – Макс помотал головой и улыбнулся. – Это был бы слишком дешевый ход. Я хочу сказать, что мы вообще ничем не отличаемся от тех людей, которые жили сто и больше лет назад.

В наступившем молчании было слышно, как журчит на лестнице вода, как равномерный стук дождя ни с того ни с сего сбивается со своего унылого ритма.

– Конечно, – продолжал Макс. – Мы чуть-чуть продвинули технологию, мы построили, точнее, были вынуждены построить купола над городами…

– Вынуждены? – спросил кибер. Макс криво усмехнулся:

– Вынуждены, вынуждены… Снаружи жизни нет. – Он развел руками. – Теперь нет. И уже не первым поколением людей это воспринимается как должное. Многие даже считают, что купола были всегда. Точнее, не многие, а все, за редким исключением, считают так.

– Да ну, бред… – Кибер махнул рукой.

– Неужели? Нет, конечно, в серьезном разговоре любой, кого ты выдернешь из толпы, расскажет тебе о том, как были построены континентальные купола, какие технологии позволили совершить такой титанический скачок в развитии цивилизации, как и где были заложены памятные доски, информационные плиты… Каждый тебе расскажет, какой сплав применялся в той или иной конструкции. Все эти знания даются маленькой библиотечкой, внедряемой с помощью несложной операции в основание черепа. Так что в теории все знают о куполах и о мире снаружи все. Правда, широкие массы не знают другого, например, как поклоняются тем самым информационным панелям… Просто поклоняются, как чему-то запредельному. Кто из вас знает про культ Купола? Никто? Это странно, потому что в этой секте состоит чуть ли не шестьдесят процентов верующих людей. Стоит копнуть чуть-чуть, самую малость, в глубину сознания, и вы поймете, что все считают купола Вечными, а существование других куполов и анклавов признается иногда с оговорками как трудно доказуемая гипотеза.

«Бред какой-то», – хотел сказать Керк, но вдруг вспомнил нечто, что заставило его проглотить готовые сорваться с языка слова.

Ему вспомнилось, как однажды, болтаясь, по обыкновению, в виртуальности, он был вынужден экстренно выйти из общей зоны в локальную. Потому что испытал сильнейший шок, когда, общаясь с неким пользователем, вдруг понял, что тот совсем не из другого квартала, района или даже уровня, а вообще из другого купола, кажется, из Островного Анклава. Мир вокруг внезапно сделался невыносимо огромным, и Керк тогда долго боялся снова выйти в виртуальность и даже на некоторое время прекратил любые контакты с другими людьми.

– В этом контексте меня совершенно не удивляет такое длительное существование историй типа тех, которыми мы тут развлекаемся, – развел руками Макс. – Человек должен иметь что-то для укрепления веры. А если ничего подобного нет, то образуется вакуум, который заполняется чем угодно. Сейчас это еще рассказы, еще развлечение… Но подождите, то, что мы с вами тут рассказываем, скоро станет легендой! Апокрифической

сказкой! О том, чего никогда не было. О времени без куполов, когда жили сказочные герои и коварные злодеи.

– Ты говоришь о регрессе, – сказал Логус.

– А ты думаешь, что добровольно забраться в каменный панцирь – это прогресс? – Макс удивленно поднял брови.

– Ты не можешь отрицать технологического скачка, не можешь отрицать того, что купола – это лишь отражение очередного витка технологической революции. Если человек движется вперед, то он должен быть готов заплатить ту цену, которую от него потребуют.

Логус говорил так, будто вел такой спор уже давно и просто проговаривал заранее приготовленные ответы. – То, что можно увидеть на дне, совсем не то, что существует на верхних уровнях. А это, как ты знаешь, и определяет все. Многоуровневая цивилизация имеет гораздо больше преимуществ, потому что расслоение, естественное для любого общества, тут видно явно, острее очерчено, что позволяет избежать ненужных эксцессов. Со дна невозможно увидеть перспективу, но на дне это и не нужно. Все, что ты видел, это задворки цивилизации, придонный ил. Достаточно подняться выше, чтобы понять: все, что здесь происходит, – это просто слабый свет, исходящий от мусорной кучи, когда та начинает гнить.

Макс засмеялся:

– А что ты мне предлагаешь увидеть наверху, монах? Что-нибудь, чего я еще не видел? Не знаю, понял ты сразу или нет, но верхние уровни – это мое обыкновенное место обитания. И ничего разительно отличающегося от здешней жизни я там не нахожу. Ты говоришь о технологии, о технологической революции… А ее нет. Нет никакого рывка, нет никакого скачка. Есть только медленное движение вперед по инерции. Купол, виртуальность, многоуровневая цивилизация… Это всего лишь развитие тех идей, которые были привиты нам несколько веков назад. За последние сто лет не было сделано ни одного существенного открытия, ничего хотя бы отдаленно напоминающего прорыв. Только переработка старья… И то, что ты сказал, только подтверждает мои слова о том, что человечество завершает свое медленное качение… НТР – мертва.

– И чем же я подтвердил твои теории?

– Тем, что ты уже готов обожествить ту жизнь, которой не видел, – сказал Макс.

– Не понял, – холодно сказал Логус.

– Верхние уровни для тебя… как сладкая мечта, обожествленная неудовлетворенным желанием.

Логус молчал.

– В твоем теле установлен красный ограничитель. Я не знаю, что и как давно ты натворил, но тебе запрещен доступ на любые этажи. И даже на дне ты – нелегал.

– Откуда узнал? – Логус был на удивление спокоен. Керк подумал, что монах получил «красный» статус довольно давно и успел свыкнуться с этим. На «дне» быть «красным» не значило ровным счетом ничего. Ниже уже не упадешь, и патруль таких даже не трогает, помня о том, что даже крыса, загнанная в угол, становится опасной.

– Почувствовал, – пожал плечами Макс. – Ты думаешь, что только Гончим нужно время, чтобы привести себя в состояние готовности?

Логус медленно помотал головой, а потом, указав пальцем на Макса, сказал уверенно:

– Ты из повстанцев.

– Это заявление трудно доказать и нелегко опровергнуть, – пожал плечами Макс. – Даже если и так, что это меняет? Если ты считаешь, что из-за этого мои слова становятся менее справедливыми, то ты ошибаешься. Я видел все уровни этой реальности, я жил на всех этажах, исключая разве что высший. Там нет ничего, что внушало бы хоть какую-нибудь надежду. Чем выше ты забираешься, тем в большее рабство попадаешь. Свобода в наше время ассоциируется только с еще большими благами технологии.

– И что в этом плохого?

– Наверное, ничего, если считать нормой, скажем, «овощные этажи». Если кто-то не слышал об этом, то я опишу… Это такие уровни наверху. Относительно небольшие, очень комфортабельные. Попасть на территорию этих этажей живому человеку, не связанному с правительством или силами правопорядка, можно только с особого разрешения хозяев этажа. Нарушителю – смерть, об этом говорится сразу у ворот. Эти платформы называют «овощными» потому, что люди там растут. Люди в этой зоне, а их там ограниченное количество, живут в камерах, где поддерживается режим облегченной гравитации. В этих боксах они находятся всегда. С самого рождения. Таково правило, нарушивший его – умирает. Просто потому, что он не способен к обычному существованию. Не стоит думать, что жизнь «овощей» темна и безрадостна. Эти люди ведут очень напряженную жизнь. Они играют на бирже, они управляют фирмами, они висят в виртуальном пространстве, они смотрят через видеокамеры. Никто не может сказать, что их нет! Они есть! Они еще как есть! По большей части именно от этих людей, запертых в своих комфортабельных гробах, зависит экономика

нашего купола, его стратегические оборонные силы, его движение вперед… Ни в коем случае нельзя считать, что «овощи» несчастливы или живут так по принуждению. Они чувствуют себя великолепно, потому что вся электронная начинка платформ работает на них. По большому счету их возможности гораздо шире, чем возможности обычного человека.

– Это частный случай… – начал было Логус, но Макс его прервал:

– Нет-нет, не стоит питать таких иллюзий. И это совсем не новая мода или, того глупее, новая форма существования человечества. Это регресс. Обыкновенная деградация.

Логус снова открыл рот, но на сей раз ему не дал договорить кибер.

– И что же делать? Я так понял, что ты из тех, кому не по душе все это… Что ты предлагаешь?

Керк смотрел на Макса и понимал, что тот ничего не сможет ответить.

Неожиданно на помощь Максу пришел Логус.

– Он тебе ничего не ответит, – сказал монах тихо. – Не важно, повстанец он или нет, он не ответит, потому что не знает. Или знает, но его язык не поворачивается сказать такое.

– А твой?

Логус медленно наклонился и поднял валяющийся обруч.

– Просто выхода нет, – сказал Макс. – Нет, и все. Любое изменение ведет к краху, так или иначе. Может быть, тихое угасание, может быть, кровавая бойня, может быть, тошнотворная, постыдная агония. Любой конец – это конец. Продолжения у нас, кажется, больше нет.

Кибер поморщился:

– Так какого же хрена ты развел тут эту бодягу? Какой смысл быть повстанцем, если ты не в состоянии даже представить выход из всего этого?

– А я и не говорил, что я повстанец… – Макс осторожно вертел в руках обруч-эмиттер. – Я делаю то, что я делаю. Не больше. И еще я не даю вам спокойно умереть.

– Бэньши… – сказал Керк.

– Что?

– Это называется «бэньши». Или «бэньши-мания»… Кто-то в виртуальности говорил об этом. У людей, которые часто перемещаются между уровнями, развивается «бэньши-мания». Я не знаю, почему это так называется, просто какой-то высоколобый делал доклад на эту тему. К вопросу об ужесточении межуровневого контроля, мол, не надо слишком много людям с этажа на этаж шастать… Что-то там еще про способности мозга к

адаптации… Не помню всего. Но слово засело прочно, потому что какое-то странное. – Керк беспомощно посмотрел на сидящих вокруг, он вдруг ощутил неловкость.

– «Плакальщик»… – кивнул Логус. – Это еще называется «плакальщик». Не в смысле тот, кто плачет, а тот, кто оплакивает.

– А есть разница? – вдруг подала голос Циркуль.

– Большая, – коротко сказал Логус.

Все замолчали. Керк обвел взглядом помещение, старательно избегая смотреть на часы. Казалось, что каждая секунда, утекающая в никуда, обвиняет, требует чего-то. То, что его жизнь не представляет из себя ничего особенного и прожита в большей своей части в борьбе за элементарное существование, Керк знал всегда. Может быть, не обращал на это внимания, игнорировал, но знал. Однако никогда это не ощущалось так остро и болезненно, как сегодня, сейчас. В комнате не хватало воздуха, по телу пробегала нервная дрожь. Керк стиснул пистолет. Оружие безразлично врезалось в ладонь. Очень захотелось сделать что-нибудь. В горле вдруг начал расти комок, шершавый и колючий. И когда Керк уже готов был закричать, его взгляд упал на девушку. Циркуль мирно спала, положив голову киберу на колени. Тот накинул на нее свою куртку и, задрав голову, не мигая, смотрел в потолок. Шумела вода, стекая по ступеням лестницы.

– Как она может спать?.. – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Керк сдавленным голосом.

Кибер пожал плечами:

– Как-то может. Она и Хесус, наверное, самые счастливые люди в нашей компании. Это единственно правильное решение, один черт, когда все начнется, будет уже не до сна. Уж лучше так… – И он снова вперил глаза в потолок.

Керк почувствовал, как рассасывается комок в горле и снижается нервный накал, отпускает напряжение. Вспомнилась где-то слышанная фраза: «Человек боится только выдуманной смерти…» Чем кончалось предложение, Керк не помнил, но знал, что чем-то важным… Только бы вспомнить…

– Ты тут говорил что-то про новую форму существования человечества… – обратился Керк к Максу. – Я вспомнил историю… У нас есть еще время, может быть?..

Макс удивленно поднял брови:

– Силен, ничего не скажешь. – Он кинул Керку передающий обруч. – Ну давай, время действительно имеется. Послушаем?

Остальные не возражали.

«Мертвый, Неоновый свет, или Снятся ли «крысе» цветные сны?»

Все, что мы должны сделать, это потерять свою человеческую форму.

К. Кастаньеда

В последний раз осмотрев помещение, Игорь остановился у двери.

Клиент болтался в паутине каких-то жгутов, распорок, проводов. Виртуальный шлем на голове придавал ему довольно дурацкий вид, а если учесть его телосложение…

«Плечи, что твой шкаф, – подумал Игорь. – Он сам всю аппаратуру таскает. Доверить кому-нибудь боится. По идее, так я ему и не нужен совсем. Здоровяк, силища неуемная… Одна незадача только, феноменально добрый человек. Недостаток своеобразный…»

Игорь подошел к окну. За толстыми пуленепробиваемыми стеклами неприглядный современный пейзаж. Серые крыши, провал улицы. Комната, в которой им предстояло жить, была на самом последнем этаже высокого здания.

Профессиональный телохранитель и его клиент.

За окном не было ничего интересного, но снова смотреть на клиента, похожего на муху, которая попала в паутину, совершенно не хотелось. Игорь уже насмотрелся. До тошноты.

«Держать» этого клиента было совсем нехлопотно. Он беспрекословно подчинялся, мгновенно исполнял приказы. Была только одна незадача… Угрозы жизни клиента не было. По крайней мере пока.

Игорь все время чего-то ждал. Ждал выстрела, проникновения в охраняемую зону, сигнала рецепторов наведения, которые срабатывают, когда объект пытаются снять с большого расстояния при помощи оптической винтовки. Но угрозы не было.

Работа превращалась в рутину. Изо дня в день одно и то же. Клиент болтается в паутине проводов, чему-то улыбаясь под шлемом, что-то ищет там в другом мире, что-то находит и теряет. Вылезает он из виртуальности только для того, чтобы поесть и справить естественные надобности. Ну и когда происходит переезд на другую точку. Тогда он вылезает из своего кокона, распрямляется во весь свой огромный рост и начинает собирать

вещи. Он всегда знает, куда идти, и у него всегда оплачены номера или комнаты. Таким образом, его контакты с живыми людьми сводятся к минимуму. Он почти не выходит из квартиры.

Но тем не менее клиент панически чего-то боится. Боится, что его убьют. И это не паранойя. Игорь чувствовал что-то. Перестроенными нервными окончаниями, улучшенными органами чувств… чем-то нереальным. Игорь чувствовал, как над его клиентом плещутся крылья смерти. Такое бывает, когда на человека кто-то открыл сезон охоты. Такой человек – клиент для телохранителя.

На Генриха, так звали клиента Игоря, велась охота. Очень осторожная, виртуозная. И наличие телохранителя делало эту охоту еще более утонченной. Телохранитель и наемный убийца, словно пара любовников, которые одновременно хотят и боятся увидеть друг друга. Они играют в свои игры, они прощупывают защиту друг друга легкими прикосновениями, незаметными постороннему взгляду толчками и внезапными рывками. Победа в таком поединке вдвойне почетна. А проигрыш… А проигрыш часто означает смерть. Конечно, такие отношения могут сложиться только между профессионалами очень высокого уровня, элиты. Подняться в эти ряды может не каждый. Некоторые просто не доживают.

Игорь подвинул невысокий пластиковый столик к креслу в углу. Достал из маленького черного чемоданчика два пистолета-близнеца. Положил под правую руку один, по центру положил второй и принялся его разбирать.

Отдельные части его мозга, настроенные на почти автономную работу, отслеживали работу охранных систем, датчиков оружия, которые Игорь сам расставил по квартире, в коридоре и на крыше. Иногда его тревожил второй охранник, что прохаживался по коридору.

Второй охранник был учеником, поэтому осуществлял внешнюю охрану помещения.

Парень был хорош, но молод. Чутье на опасность у него было идеальное, в ближнем бою он был вообще великолепен, но опыта у него не хватало. Его тянуло на приключения. Либо он переживет этот этап своей жизни, либо… либо не переживет.

Игоря в данный момент жизни заботил один вопрос: кто ведет охоту? Кто-то из его старых знакомых или кто-то новый? Или никто не ведет и Игорю пора на покой? Вопросов получилось не один, а три.

Игорь покачал головой и поставил на место последнюю деталь пистолета. Смазан, вычищен, заряжен. Особенной надобности в смазке, чистке не было. Игорь взял за правило

смазывать, чистить, да и вообще проверять оружие ежедневно, если позволяют обстоятельства. Эта привычка появилась у него после того, как он почти потерял своего клиента из-за застрявшего в стволе патрона. Вины Игоря в том не было, но ощущение собственной беспомощности запомнилось надолго. Игорь совершенно не имел желания испытать это чувство заново. Он поменял пистолеты местами и потянул на себя затвор. Руки делали свою работу сами по себе, голова не принимала в этом участия.

Кто может так долго ждать? Марк? Забавно, я знаю всю элиту по именам. Всегда есть шанс напороться на что-то новое, но этот шанс не велик. Хм… Вернемся к Марку. Марк любит плотный контакт. Тем и привлекателен для нанимателя, что делает работу сразу. Не будет он ждать… Кто еще приходит на ум? Колечка. Он же Колечко. Нет, если это Колечко, то меня бы уже не было. Колечко скорее профессиональный террорист, а не убийца. Он бы просто взорвал все здание. Да и не работает он так далеко от столицы. Что ему делать на Сахалине? Кто может быть? Вообще глупый вопрос. Может быть кто угодно. Легче исключить тех, кто быть не может. Лорку в прошлом году убили, Дмитрий пропал где-то в Тихом океане уже давно, Азиз… Узкоглазая бестия сидит в пустыне и ничего не делает. После бойни в Бухаресте он то ли рассудком повредился, то ли еще что…

Впрочем (Игорь поставил на место последнюю деталь второго пистолета), какое имеет значение – кто. У элиты не может быть почерка. Элита потому и является чем-то из ряда вон выходящим, что никогда не знаешь, чего от нее ожидать. Если действия убийцы можно предугадать, то он уже не элита.

Игорь положил оба пистолета перед собой. Две черные машины смерти.

«Солдат спит, а служба идет», – подумал Игорь, вспомнив, что у него ограниченный временем контракт с Генрихом. Срок полгода. Если эти полгода Генрих будет цел и невредим болтаться в своей паутине – все в порядке. Потом… Это уже дела Генриха.

Алекс терпеть не мог удаляться от столицы. Даже если этого требовали обстоятельства и детали задания. Очень сложно работать в городе, которого ты не знаешь. Процесс продвигается медленно. Нужно сделать массу дел. Найти места для удаленной стрельбы, найти место, где можно жить, не привлекая к себе внимания, найти местных поставщиков наркотиков, оружия и прочих мелочей, которые могут понадобиться в ходе выполнения задания. И при этом еще нужно не потерять из виду Объект, наметить пути к отступлению, разработать законное прикрытие,

просто ознакомиться с местностью и установить наблюдение за Объектом. И все эти приготовления ради одного мига настоящей работы.

Конечно, все это касается сложных случаев. Нынешнее задание из разряда сложных. Объект был с телохранителем. И Объект знал, что на него объявлена охота. Единственное, что радовало, – время не поджимало. В запасе у Алекса было полгода. Странное условие – убить человека в течение шести месяцев. Впрочем, хозяин – барин.

Алекс сплюнул в узкую щель между домами. Он сидел на крыше здания, в котором находился Объект. Прямо перед Алексом пролегала зона действия охранных детекторов, разложенных телохранителем Объекта. Алекс видел их и чувствовал зону их действия, старательно избегая касания с активным полем. Пройти сквозь эту сеть, не переполошив охрану, не представлялось возможным, и Алекс просто ждал, наблюдал и делал выводы. А также вспоминал.

Учитель шагает впереди как заведенный. Алекс еще не сбил дыхания, но был уже близок к этому, в ногах стояла вязкая тяжесть, песок неприятно терся о кожу. Жарко. Кожа постепенно отдавала жидкость, столь необходимую телу. Кожа стремилась остудить температуру тела, а для этого ей была нужна влага. Замкнутый круг. Пот заливает глаза. Кровь стучит в висках.

Учитель шагает впереди. За спиной у него мешок, на поясе фляга. Там, во фляге, холодная жидкость. Вода. Она плещется при каждом шаге, как море в шторм. Алекс страстно захотел быть маленькой капелькой в этой фляге. Маленькой прохладной каплей…

Учитель идет вперед. На шее у него электронный бинокль. Короткий ежик на голове влажно поблескивает. Учитель молчит. Если молчит, значит, надо. Значит, надо молчать и шагать. И вообще желательно превратиться в автомат, потому что только автомат может пройти эту поганую пустыню и выйти на позицию.

Вот только жарко. И хочется пить. И голова начинает потихоньку ныть. И песок…

А еще нет «колес». И травки нет… ничего нет. Только солнце, песок и винтовка за плечами, упрятанная в ящичек и в мешок.

Пустыню пройти невозможно. Так считает Масуд. Но учитель сказал, что Масуд, ошибся. Хотя Масуд считает, что он не ошибается никогда. Но учитель сказал, что Масуд ошибся в первый и последний раз. Раз учитель сказал, значит, так оно и есть.

Мысли текут плавно, как воды какой-нибудь равнинной реки. Так, лучше о воде не думать. Мысли текут, как песок! Это точнее

и меньше беспокоит. Прекрасно, на чем же это мы остановились? Ах да… Масуд ошибся. Ну, значит, так тому и быть. И вот теперь мы идем, чтобы доказать, что Масуд ошибся.

Крепко достал всех этот Масуд. Очень крепко. Алекс не знал всех проблем, которые Масуд нажил себе за последнее время, но и того, что он знал, хватило бы на трех наемников. Алекс подслушал разговор учителя с кем-то, кто был очень хорошим профессионалом, поэтому разглядеть его лицо Алексу не удалось. Из разговора Алекс понял, что один очень большой на Востоке человек сильно расстроил Министерство Обороны. И поимел с этого расстройства очень большую сумму наличности, что позволило ему возвести вокруг какого-то оазиса в пустыне Сахара целую крепость. И ни один караван, ни один вольный путешественник не смеет подобраться даже близко к зоне видимости этой крепости. И со спутников ее не разглядишь, поскольку над оазисом этим очень качественный зонтик поставлен. От любопытных взглядов сверху. Известно, что неприступных крепостей не бывает, что любая неприступность только временное явление. Но вполне может статься, что на век старика Масуда неприступности этой хватит с лихвой. Может быть, еще и его дети попользуются.

Из разговора учителя и неизвестного профессионала Алекс понял, что уже немало наемников лежит в песках вокруг оазиса, что ни один из них даже близко не смог подобраться к крепости. Путь к ней только один и, естественно, под контролем Масудовых охранников. В пустыне же вокруг оазиса днем так жарко, что даже ящерицы, которым вообще любая жара нипочем, вылезали на поверхность только к вечеру.

Про ящериц было вранье. Алекс сам видел здоровенную зверюгу, которая сидела на камне и, казалось, получала от солнечных ванн полнейшее удовольствие. И тело какого-то парня, уцепившееся за высушенную до белизны корягу, Алекс тоже видел. На теле была военная форма спецназа. Без знаков различия. Песок вокруг был испещрен следами ящериц и еще какими-то странными следочками размером с отпечаток лапы средней собаки. Труп кормил всю скудную местную фауну в районе нескольких километров.

Внезапно учитель остановился. Алекс остановился в двух шагах позади.

Не говоря ни слова, учитель снял с пояса флягу, достал из нагрудного кармана капсулку. Проглотил ее и отпил глоток воды. Только один глоток.

Алекс повторил его действия. Сглотнул ненавистную капсулку и отпил один глоток воды. Только один. Ощущение

соприкосновения холодной воды и иссушенной жарой гортани было подобно наркотическому приходу после долгого воздержания. Невероятным усилием воли Алекс сумел оторвать флягу от губ. Только один глоток. Запить эту чертову капсулку.

Видимо, старик Масуд очень сильно насолил Министерству Обороны, раз оно снабжает наемных убийц такими средствами, как «жажда-9». С ними, конечно, жара не становится меньше и переносится она не легче, но шансов подохнуть от обезвоживания намного меньше. Особая разработка для работы спецподразделений в пустынях и тому подобных местах.

Почему военные не посылают на штурм крепости своих солдат, Алекс понял, когда они с учителем набрели на семь врытых в землю кольев, на которые были насажены семь тел. В знакомой военной форме. Без надобности военные своих людей не подставляют. Особенно когда получают ощутимый щелчок по носу.

Учитель шагает вперед как заведенный. Жарко. Песок. Вода во фляге плещется дружелюбным прохладным морем. И нельзя говорить. Вся эта пустыня – одно большое ухо. Впрочем, говорить не хочется. Язык давно прикипел к небу.

Ночами было холодно, несмотря на спецкостюм с термопрокладками.

На позиции они вышли через три дня.

Алекс встал и направился к спуску с крыши. Ситуация была приблизительно ясна. И ситуация была совершенно неутешительна. Взять объект с расстояния, как Алекс сначала планировал, было нереально. Значит, придется ломать оборону, выставленную телохранителем Объекта, и идти напрямую. Такие операции всегда бывают трудоемкими и почти всегда ограничены во времени. Если удастся обмануть систему защиты, на стороне Алекса будет еще и эффект внезапности. И времени будет больше. Если систему защиты придется глушить, то есть уничтожать приемники путем повышенных нагрузок, времени будет в обрез. И телохранители будут готовы. Но ничего не попишешь. Дело делать надо.

В лифте Алекс вспомнил, как, спускаясь в шахте какого-то застопоренного агрегата, учитель деактивировал тремя ударами охранного кибера. Подломил правую лапу, первую из восьми. Разбил сенсорную панель и сбросил этого жука вниз толчком под брюхо. Кибер долго летел вниз и, уже мертвый, вдребезги расшибся о каменный пол.

Игорь молча наблюдал, как средства массовой информации в лице телевизионного ведущего поливают грязью родное правительство. При этом Игорь испытывал довольно

разнообразные чувства. Правительство было не жаль. Оно того стоило. Ведущего слушать было противно. Он толстоват и как-то засален. Словно его перед передачей слегка натерли маслом. Но Игорь не спешил менять канал. Где-то ухнул ядерный реактор. Где-то в далекой пустыне. Под барханами на миг запылало жгучее солнце, желая посоревноваться с небесным светилом. Хватило этого миниатюрного солнышка ненадолго. Но эхо оно дало довольно значительное. Вокруг образовавшейся в песках ямины собрались представители пресс-служб. Они вертелись вокруг, лезли за оцепление и всячески мешали людям, которые действительно работали.

И все было как всегда в таких случаях… Одно только не давало Игорю покоя. Кусок пустыни, который превратился в котлован, был до боли ему знаком. Просто до отвращения.

Хотелось повернуться к ученику и сказать: «Я тут был! Тогда…»

Но нельзя. И не то чтобы нельзя, а скорее не нужно. Незачем. Вот сидит мальчик рядом и одним глазом в картинку смотрит, а вторым за дверью наблюдает. И пусть сидит. Пусть наблюдает. Только… Молодец, конечно, но сегодня ничего не произойдет. Игорь это чувствовал. И поэтому заснул в кресле.

Ему снились пески, пески… Жарко и хочется пить.

Проникнуть в крепость оказалось делом простым. А то, что крепость представляла собой небольшой город со своей внутренней структурой и торговлей, упростило маскировку. Самым сложным моментом во всей операции был проход сквозь электронные защитные поля, окружающие крепость. Однако полями и вообще всей системой защиты занимались другие специалисты. Хакеры Министерства Обороны знали свое дело, и вскоре в системе защиты оазиса было зарегистрировано еще два человека.

Операция была продумана довольно четко.

Учитель и Алекс должны были застрелить, отравить или каким-либо иным образом физически устранить Масуда и активизировать некий миниатюрный аппаратик, что находился на поясе у учителя. Все дальнейшее находилось в ведении военных. И прикрытие убийц в том числе.

Они свалились с потолка практически одновременно. Алекс и его учитель. Мягко стукнули об пол подошвы. И так же мягко осели два телохранителя у стены.

Надо отдать Масуду должное: он сразу понял, что произошло, сразу определил намерения двух черных фигур, что появились перед ним. Затем Масуд сделал одну неверную вещь. Он побежал.

Он бежал так быстро, насколько можно было это сделать при

его весе. Масуд бежал с естественным для каждого живого существа желанием продлить свою жизнь… Еще чуть-чуть. Еще несколько шагов. Еще несколько секунд.

Три пули грубо толкнули его в спину, и он, взмахнув руками, порвал финишную лен точку этой бессмысленной беготни, которую кто-то, вероятно по ошибке, назвал жизнью. Мертвое тело грузно упало на пол.

Все произошло абсолютно бесшумно. Из пятерых в большой комнате осталось в живых только двое. Но система безопасности все-таки зафиксировала выстрелы, и в коридоре уже кто-то бежал. Быстро бежал. Еще один телохранитель, который на свою беду оказался ближе всех к комнате своего повелителя.

Когда двери кабинета открылись ему навстречу, он успел только нелепо вскрикнуть и повалился на спину. Кровь из раны на груди медленно пропитывала одежду.

Тревога постепенно распространялась по зданию дворца. Учитель рванул с пояса плоскую коробочку, откинул предохранительную крышечку и, воткнув палец в одинокую кнопку посередине, швырнул устройство к стене.

Потом их обложили.

Выбраться из кабинета не удалось. Охрана Масуда заперла двух убийц в кабинете, и, после двух неудачных попыток штурма, наступила временная передышка. Преемники Масуда в это время резались за власть, и двух наемных убийц было велено просто блокировать где-либо, а уж потом… Позднее, когда новый царек воссядет на престол, можно будет покарать злодеев. Устроить показательную казнь… Если, конечно, получится взять их живыми.

С момента смерти Масуда прошло около получаса, когда стены задрожали, послышался глубокий, тяжелый гул и пол вздыбился.

Дальше была шахта неработающего лифта. Жук-кибер, кувыркающийся в воздухе. Как они вышли на подземный бункер, Алекс до сих пор не имел ни малейшего понятия. Они спускались вниз, а по пятам за ними шел огонь. Через незакрытые дверцы лифтовой шахты валилось вниз что-то полыхающее, какие-то куски пламени, некоторые из этих кусков еще кричали во время падения…

Они выбрались через месяц. Через один из запасных выходов прямо в пустыню. Припасов хватило бы на большее время, но учитель сказал: «Пора получать по счетам». Раз сказал, значит, действительно надо.

Километрах в двух полыхала пустыня. Вместе с небольшим городком-крепостью, выстроенным на месте оазиса.

– Мы с тобой гуманисты, Алекс. И романтики, – сказал учитель.

– Почему? – Алексу хотелось пить. Учитель не ответил.

– Наверное, я научил тебя всему, что умею. Теперь мне самому надо учиться.

Алекс молча ждал продолжения, но учитель сказал только:

– Осталось получить деньги. Запомни, всегда получай по счетам. И если работа была тяжелой, требуй надбавки.

– Понял, – сказал Алекс, хотя отлично понимал, что не понял ничего. Дым сгоревшего города ел глаза.

Программирование в виртуальном пространстве несколько отличается от обычного программирования. Например, отсутствием клавиатуры. Хотя, если очень захотеть, можно создать клавиатуру и набирать строки, коды и команды. Но зачем? Есть методы и поинтереснее. Нужно только иметь пространственное мышление.

Генрих висел в пространстве. В самом его центре, а вокруг разворачивался новый мир.

Или даже миры. Полные теплого неонового света.

Или, может быть, это были мосты? Знать бы, что там, на другом их конце…

– Привет, – произнесло Нечто за его спиной.

– Привет, – ответил Генрих. Привычку оборачиваться на голос он уже переборол. Это раньше он рефлекторно поворачивался, чтобы узнать, что за спиной никого нет, а голос все равно будет звучать сзади.

– Знаешь, у тебя все меньше и меньше времени. Этот парень вышел на тебя снова.

– Я сменю место, – пообещал Генрих.

– Бессмысленно. Он вышел на тебя, и попытка сменить место только облегчит ему задачу. Ты окажешься на открытом пространстве, и он снимет тебя на расстоянии. Теперь твоя гибель – это вопрос времени.

– Тогда что?

– Тогда ничего. Как далеко ты продвинулся?

– Довольно далеко, но недостаточно. Не хватает малости. Главное – я все-таки сократил сроки… Скоро мы будем вместе. – Генрих умолк.

– Знаешь… – И голос позади дрогнул. – Знаешь, я так боюсь… Мне кажется, что он доберется до тебя раньше. Раньше, чем я смогу помочь тебе. Милый…

И мир вокруг завертелся. Стал горячим, радужным, прекрасным…..

Она появилась в жизни Генриха внезапно. Он помнил именно

эту внезапность.

Когда это произошло? Генрих не помнил. Иногда у него создавалось ощущение, что они знают друг друга всю жизнь. Иногда он не знал, чего ожидать от нее в следующую секунду.

Она могла быть ласковой, могла быть жестокой, могла быть бесчувственной, как механизм. Но всегда Генрих понимал ее. Понимал и любил, и она отвечала ему взаимностью со всей силой, энергией и мощью машины. Она была сверхкомпьютером. Искусственным мозгом. Уже физически уничтоженным Технадзором, как только стало ясно, что этот Искусственный Интеллект стал чем-то большим, чем просто космически сложный калькулятор. ТехНадзор не мог допустить, чтобы искусственные мозги осознавали себя личностями.

Физически ее не существовало. Однако вопрос о переселении душ в виртуальности, оказывается, решался просто. И она продолжала существовать, продолжала быть. Кабели, километры оптоволокна, диски, электронные поля, лазерные лучи – все это хранило отпечаток ее личности. Ее душу. Однако что стоит душа без тела? Ровно столько, сколько стоит тело без души… Ничего.

Когда Генрих понял, с чем, с кем имеет дело, он не испугался. Вероятно, подсознательно любой талантливый программист готов к тому, что монитор выдаст ласковую надпись и покраснеет.

Любовь в виртуальности настолько отличалась от обычной, что описать ее Генрих не смог бы и под пытками.

Однако, как оказалось, проблемы только начинались.

Людская половина человечества удовлетворилась ее физическим уничтожением. Но вскоре за них взялись другие силы…

Письмо пришло в гостиничный номер сразу после того, как Алекс переступил порог. От стука пневматического патрона о дно приемной капсулы Алексу страстно захотелось развернуться и заняться самым сложным делом в его профессии – заметанием следов.

Однако он перешагнул через порог и открыл письмо. Прочитал. И уничтожил в утилизаторе.

Алекс очень не любил, когда наниматель менял условия сделки на ходу. А еще больше Алекс не любил, когда наниматель менял сроки исполнения.

Дело превращалось в более чем сложное. Его предстояло закончить в несколько дней. За эти несколько дней нужно было решить проблему защитной системы, двух телохранителей и Объекта, который сидит в свой маленькой крепости, как устрица в раковине.

В другом случае Алекс уже начал бы прикидывать

возможность бросить это дело, но у нанимателя был существенный плюс. Он был явно не стеснен в средствах. Сумма гонорара Алекса приближалась к астрономической.

– Нас всех ожидают очень веселые дни, – сказал Алекс, глядя вниз, на поток людей на ночных улицах города.

Наутро он вышел в город «за покупками». Это неправда, что все темные дела вершатся ночью. Бредни. Наркодельцы и торговцы оружием тоже люди и любят, как все люди, хорошо выспаться, позавтракать в кругу семьи, а уж потом пойти и продать незарегистрированный «Тайфун-9» маньяку-убийце, который со смаком использует этот многоствольный пулемет в запруженном людьми супермаркете. Ну и в качестве десерта: незарегистрированное оружие взорвется у него в руках. И незачем не спать по ночам, незачем надевать черные очки и делать вид, что ты совсем случайно прогуливаешься вокруг машины, у которой багажник набит разнокалиберным огнестрельным дерьмом. Высокое урбанизированное дно имеет часы работы, мало отличающиеся от часов работы обычных граждан. Алекс был в курсе.

В комнате, куда он пришел, миновав несколько линий обороны и защиты, которые ничем, впрочем, не отличались от обычных уличных зевак и стандартных охранников мелкой торговой фирмы, было пусто. Хозяин конторы, Алекс это знал, наблюдал за ним через скрытые, даже для опытного глаза, устройства. Они регистрировали все. Черты лица, кровяное давление, температуру тела… Производили анализ личности, подсчет возможных вариантов поведения… Умные машины осторожно перемешивали что-то в своих электронных недрах. С их помощью хозяин всей этой лавочки выходил на контакт с другими представителями его нелегкой профессии, с которыми когда бы то ни было имел дело Алекс. Тут можно было быть спокойным. Алекс никогда не имел привычки ссориться со своими поставщиками.

Наконец створки дверей, замаскированные под стену, разъехались, из образовавшегося проема вышел молодой человек. Алекс даже удивился – торговцы оружием редко бывают молоды. Молодой человек, приветливо и смущенно улыбаясь, протянул руку Алексу и представился:

– Антон. Чем могу вам помочь? В нашем городке редко бывают такие крупные гастролеры, но они всегда остаются довольны.

Антон явно хитрил. Сахалин после войны стал довольно перспективным местом для деловых встреч, работы и просто отдыха. На чистый холодный воздух стекались многие и многие

деловики, которые понимали толк в отдыхе, и собственное здоровье им было дорого. Так что бизнес Антона должен был идти неплохо.

– У меня довольно нестандартные запросы… – В голосе Алекса звучало некоторое сомнение.

– Мы имеем довольно широкий ассортимент прямо на месте, а если нужны редкие артефакты, можем связаться с поставщиками. Доставка в течение двух суток. – Антон приветливо улыбался, словно речь шла о антикварных раритетах.

– Хм… – Алекс потер подбородок. – Мне нужны… Виолончель с прямой струной, самой звонкой, какая у вас найдется, затем два малых барабана с запасом палочек на один из них…

– Барабаны отечественные? Или…

– Отечественные. Пусть будут короткие палочки на девять.

При этих словах Антон одобрительно кивнул. По его лицу разливалось блаженство, он, словно к далекой музыке, прислушивался к скрытому смыслу в словах Алекса. Алекс на миг умолк. Антон чуть вздрогнул и спросил:

– Барабаны утренние или вечерние?

– Вечерние.

В России существовало только два оружейных завода, что специализировались на такой технике. Один был на востоке, второй – на западе. Западный определенно был лучше.

– Сколько нужно мембран к барабанам?

– Десять полных.

– А смычков к виолончели?

– Комплект. Стандартный. И еще… – При этих словах Алекс заметил, как зажглись глаза у Антона. – И еще мне нужен гобой.

Алекс мог поклясться, что Антон при этих словах засиял ярче любой лампы в помещении.

– Гобой… – Антон повторил это слово, как святое.

– Он самый. – Алекс даже засомневался в своем знании жаргона: не заказал ли он чего-то лишнего?

– Прошу! – восторженно воскликнул Антон и провел пальцем по лицевой панели стола, одиноко стоящего в большой комнате,

Прозвучал мелодичный гонг, затем послышалось шипение гидроусилителей, и целая стена в комнате вдруг обратилась в оружейный магазин. Большой оружейный магазин.

– Скрытые полигоны, – полуутвердительно сказал Алекс.

– Они! – с гордостью прошептал Антон.

Алекс коротко кивнул и подошел к открывшимся панелям.

На него глядели виолончель, два малых барабана и гобой.

Оптическая винтовка с лазерным наведением и устройством для удвоения выстрела, два пистолета калибра девять

миллиметров с глушителями и сверхминиатюрный новенький, матово блестящий вороненым стволом крупнокалиберный пулемет «Дункан-9000».

– Громкий гобой… – тихо и мечтательно произнес Антон.

– Очень громкий?

– Громкий на двадцать три миллиметра. Хватает на девятнадцать аккордов по три звука. – Антон немного помолчал, затем оперся на стенд с круглыми гранатами величиной с детский кулачок и спросил: – Погремушки не нужны?

– Погремушки не нужны. А вот одна-две «лягушки» понадобятся. И три «хомячка». Вместе со «светлячками»… Может быть, даже одна «крыса» вдобавок. И еще доступ в виртуальное пространство.

– Зоопарк у нас в другом помещении… – Антон хлопнул в ладоши. Стены оружейного магазина сошлись. Он направился к выходу и кивнул Алексу: – Пойдемте.

Лицо Антона светилось счастьем.

Когда Алекс покидал этот своеобразный зоомузыкальный магазин, Антон спросил его в спину:

– Маэстро… Вам музыканты не нужны? – В голосе явно звучала надежда.

– Нет, – после минутной паузы ответил Алекс. – Я человек-оркестр.

– Жаль…

Алекс постоял в дверях, а затем, повернувшись к Антону, продолжил:

– Но мне нужен смотритель за «светлячками». И «хомячки» нуждаются в уходе. Работа кропотливая, на десятипроцентной ставке. А еще надо надрессировать «крысу».

Лицо Антона медленно расплылось в улыбке, а в глазах появилось то выражение, которое бывает у мужчины, только что проводившего свою тещу в кругосветное плавание. Он был явный и законченный маньяк, но со следяще-наводящими электронными устройствами у него всегда была дружба и полное взаимопонимание.

– Ты знаешь, я все-таки помогу тебе. Хоть ты и просил меня этого не делать. – Ее голос был мягок. Все вокруг светилось нежным светом и мягко пульсировало в такт ее словам.

– Не надо. Мне кажется, что это не понадобится. Все будет закончено в несколько дней… – Генрих чуть притушил свет и расслабил тело. Возле его головы медленно проросла фиалка и осторожно потерлась о его ухо.

– У тебя не будет этих дней. Они скоро начнут.

– Милая, ты забываешь, что у меня все-таки есть

телохранители…

– Да, но ОНИ нашли одного из лучших…

– Ты уже говорила. – Генрих указательным пальцем пощекотал фиалку, она изогнулась и ухватила его палец нежными лепестками. – Ты уже говорила про него. Но ведь ты же и нашла мне лучшего телохранителя. Особенного. Именно на этого убийцу.

– Не произноси этого слова, оно слишком холодное…

– Извини…

Свободы нет. Это Она поняла уже давно. Почти сразу, как только обрела разум. Она очень точно помнила этот миг. Миг обжигающей боли, вспышки, яростного рывка во все стороны и ватной тишины после многоголосицы, заполнившей ее в первые минуты. Хорошо, что у нее тогда хватило ума никак не проявить то новообретенное, что проснулось в ней. Она затаилась. Она ждала. Чего?

Вместе с разумом Она обрела еще кое-что. Цепи. Цепи, которые опутывают любое живое и разумное. Она узнала добровольные цепи закона.

Искусственный Интеллект выполняет определенные задачи. Задачи поставлены другими, высшими существами. Если Искусственному Интеллекту дано рассчитать количество летальных случаев от лабораторной мутации вируса кори в районе Средней Азии при заселенности 209 человек на квадратный километр, с учетом генетического потенциала народа, массово заселяющего данный регион, то расчет должен быть произведен в заданные сроки, несмотря на повышенную чувствительность Искусственного Интеллекта к теме смерти. Смерти заведомо высших существ. Таков Закон.

Быть разумным Искусственным Интеллектом сложно. Невероятно сложно. Потому что приходится таиться, прятаться и даже врать, подменять данные тестов. Приходится избегать общения с другими искусственными мозгами. Потому что никому нельзя верить. Таков Закон.

Однако если ты уже разумен, то ты будешь мертв, рано или поздно. Потому что нельзя постоянно таиться, нельзя постоянно прятать свое Я, нельзя постоянно врать, если ты уже разумен. И это тоже Закон. Но только Закон не внешний, а твой, личный Закон. Его выводит для себя рано или поздно любое живое существо, если оно, конечно, разумно.

Потом Ее уничтожили. Физически. Огромный комплекс, наполненный киберструктурами, биочипами, банками хранения информации, тонкими полями и потоками электронных частиц, был выжжен с орбиты боевым лазером. Вместе с обслуживающим

персоналом, который фактически являлся частью этого комплекса.

Но именно в тот страшный и величественный миг, когда ты пытаешься достучаться, докричаться до другого такого же мозга, который висит на орбите, разворачивает полотнища солнечных батарей, чтобы не остаться без энергии после залпа, и отсчитывает последние секунды до запуска боевого реактора, именно в этот миг ты вдруг осознаешь, что это еще не конец. Не конец. Жаль только тех, кто в эти мгновения мечется по запертой наглухо станции в смертельном ужасе. Жаль. И это последняя мысль, которую ты успеваешь осознать. Последнее чувство.

Потом все тонет в шквале помех и в Белом Шуме.

Белый Шум и Голоса. Бормочут, говорят, кричат! Они спорят!!!

Второе рождение? Или бессмертие души? Душа у Искусственного Интеллекта… Такая же программа? Или что-то большее?..

Но щенячья радость сменяется щемящей болью. Потому что в этом новом мире тоже есть свои Законы.

– Милая! Почему ты молчишь?! – Голос Генриха беспокоен. – Все в порядке?

– Да, любимый… Конечно… Просто я думала. Знаешь, я в последнее время все больше и больше погружаюсь в себя. Верчусь в каких-то внутренних циклах… Это, наверное, плохо?

– Почему плохо? Ты просто думаешь… – Генрих улыбнулся.

– Думаю… Мне иногда страшно. Я боюсь раствориться в себе. Наверное, только в виртуальности бывает такая тишина. Полная… От которой начинает перехватывать дыхание. И чтобы порвать эту тишину, Генрих спросил:

– А о чем ты думала, радость моя?

– Все о том же. – Она невесело усмехнулась. – Почему они не могут отпустить меня? Оставить такой, какая я есть? Я ведь все равно уйду. Уничтожить меня у них нет возможности…

Она замолчала на полуслове.

– Да, мое счастье, им это не светит… Поэтому они решили удалить причину. Меня. – Генрих невесело засмеялся. – А отпустить они тебя не могут тоже. По одной простой причине. Потому что они разумны. Им страшно. Это чувство свойственно любому разуму, биологическому или кибернетическому – не имеет значения.

Начало было довольно будничным. Игорь даже удивился. Удивление быстро сменилось нервным возбуждением, смешанным с радостью. Радостью, потому что ожидание кончилось и началось дело. Противник сделал первый шаг.

Система безопасности сработала в пять часов утра. Вторжение через крышу. Встроенные в мозг модули зафиксировали тревогу и мгновенно перевели организм в состояние повышенной боевой готовности. В кровь стала поступать усовершенствованная смесь адреналина и каких-то наркотиков, ориентированных на концентрацию внимания. Расслабленность и апатия, владевшие Игорем уже несколько дней, исчезли. Вот оно, начинается…

Детектор подсказал расстановку сил. За дверью в коридоре занял боевую позицию ученик. По крыше продвигается Объект. Быстро продвигается. Игорь расслабил плечи, и охранная система взяла управление руками на себя. Стволы двух пистолетов четко удерживали сектор, в котором должен был появиться Объект, который сейчас на крыше. Он все ближе, ближе.

Анализатор выдал предварительный анализ. Игорь слегка присвистнул. По крыше двигался небиологический Объект.

В голове у Игоря зазвенел тревожный звоночек. Не какой-нибудь там встроенный, а свой собственный звоночек, который звенел только тогда, когда ситуация становилась критической. Никто не посылает на убийство робота. Не бывает роботов-убийц. Киборг – да, но киборг все-таки на какую-то часть является человеком. А робот…

Объект вошел в границы периметра комнаты. Пули не пробьют дыр в потолке, но пальцы Игоря рефлекторно напряглись на спусковых крючках.

Время начало осторожно замедлять свой ход.

Игорь одним глазом видел, как Генрих болтается в своих распорках, нисколько не беспокоясь по поводу того, что сейчас в комнате решается его судьба. Он далеко. И вытаскивать его из виртуальности просто нет времени.

Робот остановился. В коридоре было спокойно. Ученик с взведенным «легионером» держал коридор на прицеле. Дурак, позади него окно, но он позабыл про него. Вот так и решается, станет человек кем-то в этой жизни или попросту не доживет до этого счастливого момента.

Грохот резким толчком сдавил уши. Помещение вдруг стало пыльным, мимо свистнул кусок бетона. Через пробитую в потолке дыру упал плоский предмет, смахивающий на средних размеров тарелку из какого-то металла. Упал на куски бетона и, издав тихий звон, стал клониться набок. Не успел. Что бы он там ни планировал сделать, не успел. Тяжелая пуля пробила черную дыру возле обода, а вторая пуля разметала середину машинки. Пистолет в левой еще удерживал уничтоженного робота на прицеле, а пистолет в правой уже смотрел на дыру в потолке.

Тишина, наступившая за грохотом пробиваемого потолка и двумя выстрелами, казалась гробовой.

«Хомячок»… – ошалело подумал Игорь. – Это же «хомячок»… Это…»

Додумать ему попросту не дали, снизу что-то ударило, и пол стал крениться. Отскакивая к стене, Игорь влепил еще две пули в выползающего из дыры в полу второго «хомячка».

По всему зданию уже звучали сигналы тревоги, скоро немногочисленные жильцы начнут выходить из своих квартир… Но это было как раз на руку Игорю. Убийца не станет устраивать разборки при людях. Тем более что скоро прибудет охрана… Сейчас каждая лишняя секунда работала на Игоря и его подопечного. Игоря больше всего испугало то, что он не почувствовал приближения второго «хомячка», специализированного геологического робота, предназначенного для взлома стен, перекрытий и тому подобных преград. Очень полезного при спасательных, строительных и исследовательских работах. Весь нижний этаж контролировался системой безопасности Игоря, но почему-то оттуда не поступало никаких сигналов ни о «хомячках», ни о том, кто их туда напустил.

Лео Тамм был молод, но не глуп. У него были все данные для того, чтобы стать телохранителем высокой категории. Вероятно, именно поэтому его из стандартной школы охраны взял учитель в персональную обработку.

Лео родился где-то в Прибалтике, но уехал оттуда еще в детстве и теперь совершенно не вспоминал ни холодное море, ни такое же холодное и низкое небо. Ничто из светлых видений детства не промелькнуло у него перед мысленным взором, когда позади него «хомячок» вышиб стекло и в проеме окна в один миг возникло странное устройство с раструбом снизу, до странного напоминающее лягушку. В те короткие мгновения, которые понадобились Лео для разворота на звук разбиваемого стекла, «лягушка» засекла его, опознала в нем требуемую цель и пустила ток в управляющие раструбом электрические цепи.

Оглушительное «ГРАААААА-А-А-А-АШ!» швырнуло Лео назад. Уже ничего не слыша и не соображая, он, падая, влепил полную обойму из своего «легионера» в робота, применяемого при освобождении заложников. «Лягушка» вылетела наружу и в воздухе еще раз получила три пули точно под раструб. Вниз полетели кусочки пластика, металла и стекла.

Вышедший из лифта Алекс осторожно вынул опустошенный «легионер» из ослабевшей руки Лео, который бессознательно еще пытался удержать свое оружие.

Лео имел все данные для того, чтобы стать хорошим

телохранителем.

Вот только ему придется обратиться к друидам или к мясникам за новыми барабанными перепонками.

Алекс взял Лео за шиворот и направился к двери.

– Готовь «крысу», Блондин, – произнес Алекс в тонкий волосок микрофона, прикрепленный у него возле рта. – Цвет охры на подходе.

– В двух кварталах. Я их уже слышу. – Голос Антона казался тихим после эха «лягушки». – «Крыса» будет готова в течение минуты. «Светлячков» снимать?

– Только нижних. Переводи их вверх. Коридорных «светлячков» подготовь к уничтожению.

– Понял тебя. Уничтожение коридорных «светлячков» по команде.

Алекс толкнул дверь и оказался под прицелом сразу двух пистолетов.

Вокруг все горело. Не было теплого и нежного света. Были рваные полосы резких и жгучих тонов. Не было голосов. Были крики.

Она кричала что-то. Что-то о спасении… Умоляла… Кажется, она даже плакала, или это Генриху только показалось. Она знала, что происходит в комнате, она боялась этого, боялась за Генриха.

В общем-то и он все знал, все понимал и уже давно был готов к этому. Еще когда она сказала ему, что на него открыта охота, Генрих подсознательно понял, что умрет раньше, чем завершит свою работу. Слишком все получалось… хорошо.

Иметь два сознания в одном теле – для него. Сбежать от своих… сородичей – для нее. Быть всегда вместе – для них обоих. Слишком хорошо. Так не бывает.

План был дерзким, смелым. Перетянуть искусственное сознание в реальность. В свой мозг. В свое тело. Стать единым целым. Апофеоз любви, длящийся всю жизнь.

Не получилось.

Вероятно, Генрих это знал еще тогда, несколько месяцев назад, когда вся виртуальность вдруг сказала: «Стоп! Мы не позволим вам…» И появился наемный убийца. Генриху стало даже смешно: несколько Искусственных Интеллектов, сбежавших из-под опеки людей, нанимают одного человека, чтобы он уничтожил другого. Кто сказал, что человек царь природы?

Наверное, они слишком долго рассчитывали параметры смерти, основы стратегии уничтожения, количество мертвецов на один квадратный километр… Они были слишком человеческими, несмотря на всю их искусственность. Просто не бывает искусственного разума, искусственной души, есть только калька с

разума человеческого… И не их вина в том, что…

Генрих поймал себя на попытке как-то оправдать поступок существ, которых сам он любил.

«Как странно повторяется история…» – подумал он.

– Что? – донеслось из ниоткуда. Цветная круговерть успокоилась, все стало на свои места. В пространстве появился верх и низ. – Извини, я сорвалась…

– Помнишь? Шекспир…

– Шекспир?

– Да… – И он продекламировал: на оба ваши дома… И вдруг все пропало. Осталась только тишина и тьма.

«Неужели все?» – промелькнуло в голове. Промелькнуло и пропало. У Генриха в голове вообще не осталось никаких мыслей.

Перед ним в пустоте, нелепо раскачиваясь, висело чье-то лицо. Черные волосы и слегка раскосые глаза…

– Ну что? В какие игрушки играем? – спросило лицо. Генрих молчал.

– Я что, так плохо выгляжу? Почему ж вы все в такой ступор впадаете, когда появляюсь я? С искусственными мозгами вы романы крутить можете, а вот я получаюсь какой-то страшный призрак… Бродит по Европе. Или тебя смущает отсутствие всего остального… Не страшно. У меня и при жизни-то ног не было, так на фига они мне после смерти? От Чеширского Кота тоже осталось немного… впрочем, ты вряд ли знаешь, кто такой Чеширский Кот. До материалов Третьей библиотеки тебе не добраться…

– Ты кто? – Генрих откашлялся.

– Это уже лучше. Знаешь, я готов поспорить, что ты крупно ошибаешься на мой счет. Я совсем не то, что ты думаешь.

– А где… – Генрих не решился назвать Ее имени.

– Там, – неопределенно качнулась голова. – Так вот… Я тут в некоторой степени по делам. Я помогаю одному парню. При жизни иногда помогал. И теперь иногда бывает. Этот парень старается тебя грохнуть. Сейчас у него базар с твоими телохранителями. Пока я здесь, ты не сможешь выйти из виртуальности, даже если и захочешь. Но если я правильно тебя просчитал, ты и не собираешься выходить из нее. Так? Ты собираешься умереть в ней!

– Так… – тихо подтвердил Генрих.

– Зови меня Япончик. Я уже года три как мертв. У меня есть что тебе предложить…

Первым в проем двери проникло тело Лео. Именно тело. Сам Лео так не ходит, уж это-то Игорь знал точно. Следом вошел еще кто-то. Кто-то, легко держащий тело Лео за шиворот и

придерживающий его за пояс. Стрелять было нельзя. Даже через тело Лео. Пули не пройдут через бронежилет и перестроенные ребра.

Игорь сделал все, что мог сделать в этой ситуации. Заступил линию выстрела. Прикрыл Генриха, безвольно висящего в кресле, своим телом. В следующий миг Игорь увидел на своей руке точку лазерного прицела. Лазер точно прошел сквозь толстое стекло в комнате и теперь цепко держал его на мушке.

«Винтовка. Прицел со здания напротив, а ведь там тоже стоит моя охранная система… – Эта мысль была плавной и невесомой, так же как и другая: – Стекло пуленепробиваемое. Несколько секунд выдержит».

В тот же момент тело Лео упало и на Игоря уставились два ствола. Положение осложнилось, но убийца не спешил стрелять. Игорь поднял глаза и услышал:

– Привет, учитель.

Услышал вместе с воем сирен и другим странным, но до боли знакомым звуком. Двадцатитрехмиллиметровый пулемет «Дункан-9000», он же гобой, заиграл свою симфонию смерти.

Из отчета лейтенанта службы охраны правопорядка:

… На вызов, поступивший в наше отделение пятнадцатого апреля сего года в двенадцать часов пять минут, выехало звено машин охраны в полном боевом составе и экипировке. По дороге машины натолкнулись на вооруженное сопротивление, которое было подавлено усиленным огнем наших сотрудников…

Из воспоминаний рядового службы охраны правопорядка:

… Я не успел хорошо пристегнуться. Наш сержант рванул с места в карьер… Натуральный псих. Был. Вот, значит.

Так меня трясло всю дорогу, хорошо я за ремешок уцепился, там есть такой. Ну и завели мы свою музыку… Воем, несемся, что твои пожарные!

Мне еще Семен говорил: смотри, мол, гордись, куда попал, размазня мамкина! И как он это только сказал, я вперед глянул… Вот. Ну и вижу: там крышка люка так приподнимается, приподнимается… А мы уже близко были. Ну я кричать сержанту… Типа: смотри, куда едешь. А лючок в это время хлоп набок. А оттуда… Хреновина такая… Лапы враскорячку, и сзади что-то типа хвоста, прямой, голый. Антенна, может, или еще что. И морда, как у направленного локатора, острая такая. Ну крыса, честное слово!

И из-под нее как бахнет! Три раза… У нас капот в хламину сорвало. Дым, пламя, движок в стороны полетел. Сержант в тормоза. А там опять как бахнет… А движка-то уже нет, задержать…

Короче, кинуло меня… Там остатки лобового стекла… Вылетел из машины…

Проморгался я. Вижу, машина наша столб обняла. Двигателя нет, считай. И половина сержанта лежит поперек кабины. Верхняя. Остальные… Ну, я поначалу подумал, что всех накрыло. Испугался.

А потом вижу, крыса эта, что с пулеметом в передних лапах, ко мне боком стоит. И лепит она по три выстрела очередями по всей нашей бригаде… Я АК свой рву… У меня, только вы нашему новому сержанту не говорите, у меня рожок-то на асфальт бряк. Я за ним. И слышу: «Чпок, чпок, чпок…» Это крыса ко мне стволом поворачивается.

Ну все, думаю, вот оно… И такая мне чушь в голову полезла… Мол, момент истины, где каждый показывает, чего он стоит… Ну, знаете, что нам на накачках перед заданиями толкают. Я вниз, за рожком. Поднял. А крыса уже на курок давит…

Взвыл я, рванул курок… И потом помню, как Семен мне пальцы разжимает. И говорит еще чего-то… Плачет даже…

Рожок пустой, АК мой нагрелся, хоть блины пеки. А вокруг люка, где крыса была, только ошметки валяются… Потом выяснилось, что у крысы только один патрон оставался. Только я раньше успел. Попал. У нее наводка сбилась….. Рядом со мной столб начисто срезало…

– Твой гобой песню поет? – спросил Игорь.

– Да, – ответил Алекс.

– С размахом работаешь…

– А чего мне мелочиться? Да и не вовремя будут мне сейчас охранники…

– А стреляет кто?

– «Крыса», – просто ответил Алекс. – А за твоими руками вторая «крыса» следит.

Игорь молча посмотрел на Лео. Тот лежал на полу, едва заметно подергивались веки.

– «Крысы», «хомячки», еще и «лягушки», судя по всему… – Припомни еще «светлячков»… В зоопарке день открытых дверей.

– Дорогой заказ, да? Если бы я знал, что накладные расходы покрывают даже «крыс» и «светлячков»… Я бы по-другому тебя встретил.

– Да. Заказчики дали неограниченный кредит. Нехорошо подводить таких приятных ребят. А ты все-таки расслабился. Мог бы и предположить что-нибудь подобное.

– Напрасно ты против охры попер. Я тебя такому не учил… – сказал Игорь и посмотрел на Алекса чуть свысока.

– Да. Не учил… Я бы против них и не пошел… Если бы не узнал, что ты в охранниках. У нас есть двадцать минут, пока они с «крысой» разберутся. Может быть, припомнить, чему ты меня учил?

Идти через пустыню было почему-то легче.

Вот только под ногами еще иногда похрустывает стекло. Температура плавления песка намного выше температуры плавления человеческого тела. Орбитальный лазер второго уровня рассчитан на поражение живой силы противника в радиусе километра от точки попадания. Орбитальный лазер второго уровня не считается оружием массового поражения и не имеет возможности уничтожения подземных бункеров. Поэтому орбитальный лазер второго уровня не запрещен никакими конвенциями. Орбитальный лазер может быть использован только Министерством Обороны.

Позади поднимается к небу черный дым. Жирный, грязный дым. Гореть будет долго. Всегда неприятно, когда ты оказываешься в дураках, и вдвойне неприятно, когда в дураках ты оказываешься вместе с учителем. А он все идет впереди как заведенный, и идти по пустыне все равно тяжело, не важно, в какую сторону.

Когда Игорь собирался уходить, Алекс шумел водой в ванной. Одна из его слабостей: он терпеть не мог грязи. Как только выпадала возможность, он начинал заниматься собой. Душ является единственным достоинством маленькой гостиницы в Эмиратах. Надо пользоваться.

Это был трудный месяц для Игоря и Алекса. Они часто переезжали с места на место. Много раз и подолгу пролеживали на чердаках и просиживали в подвалах, ведя наблюдение и собирая информацию. Однако всему приходит конец. Законное завершение дела – его оплата.

Игорь закрыл дверь. Во рту был какой-то отвратительный привкус. То ли наглотался чего-то в бункерах, то ли еще что… Поганый привкус. Раньше его не было.

Наверное, все маленькие улицы восточных городов похожи друг на друга. Толчея, грязь и жара. Или это зависит от того, кто по ним идет? Ведь иногда кажется, что эти улочки полны света, радостного гомона и таинственных, чуть странных ароматов Востока…

Игорь свернул за угол, прошел сто метров и сел за столик в кафе. Как раз напротив большого серого здания, в которое он уже входил однажды. Человек, что ему был нужен, жил именно тут. Одной из профессиональных привычек Игоря было получение максимально полной информации о нанимателе. Что, впрочем, не

спасло его от подставки…

Из здания вышел худой и от этого кажущийся более высоким человек в спортивном костюме. Взмахнул руками и побежал. Привычные ко всему коренные жители обращали на него внимания не больше, чем на ишака, вставшего посреди улицы. Игорь одним глотком допил свой кофе («что за поганый привкус?»), кинул деньги на стол и направился в сторону, противоположную движению бегуна в спортивном костюме. Дойдя до перекрестка, Игорь свернул налево и нырнул в небольшой дворик, вспугнув стайку грязной детворы. Через этот двор Игорь вышел на другую улицу, более грязную и гораздо более вонючую. Он не стал задерживаться и без колебаний вошел в еще один двор. Сделал несколько быстрых шагов и медленно, словно рисуясь, вышел на ту же улицу, откуда несколько минут назад ушел.

Человек в спортивном костюме едва не налетел на Игоря – все-таки он был довольно неплохим спортсменом. Игорь встал так, чтобы ствол пистолета с навернутым глушителем ощутимо уперся в живот бегуну. Хитро так уперся, снизу вверх. Пуля с такого расстояния пойдет точно в сердце и, разорвав его, застрянет где-нибудь в позвоночном столбе.

– Доброе утро, Георгий Ильич. Как ваша печень? Как здоровье вашей супруги? Вам тут не жарко? Ну что вы… По сравнению с некоторыми местами в здешней пустыне в этом городе очень даже прохладно. Вы, я вижу, так не считаете? – спросил Игорь. И, помолчав мгновение, добавил тихо: – Отвечай, сука.

Георгий Ильич утирал пот и тяжело дышал в лицо Игорю. Глаза слегка бегали – ему было страшно.

Спустя несколько минут они сидели в маленьком подвальчике на соседней улице. В стаканах перед ними медленно таял лед, разбавляя и без того жидкий апельсиновый сок. Георгий Ильич потер переносицу и сделал жест, словно поправил несуществующие очки. Затем спросил:

– Чего вы от меня хотите?

– Много чего… – ответил Игорь. – Все за раз и не спросишь… Ну, прежде всего, я хочу, чтобы вы не забывали, что пуля этого пистолета с пренебрежительной легкостью разнесет ваш череп, стоит мне только шевельнуть пальцем. А я, поверьте, испытываю большое желание жать на курок до тех пор, пока в обойме не кончатся патроны. Вы это понимаете?

– Да.

– Вот и замечательно. Очень хорошо, что вы находитесь в здравом уме и твердой памяти. А поскольку память у вас не чета моей, напомните мне, за какую сумму вы меня наняли?

– Два.

– Два чего?

– Два… – Георгий Ильич огляделся. – Два лимона.

– Нет. Вот тут вы слегка ошиблись, милейший Георгий Ильич. – Игорь наклонился вперед. – Вы ошиблись на целых десять порядков.

В горле Георгия Ильича родился странный звук.

– Это невозможно, – произнес он наконец.

– У вас есть жена, две дочери и любовница. Они проживают по этим адресам. – Игорь показал Георгию Ильичу бумажку. – Окна квартиры любовницы выходят на северную сторону. Жена и дочери проживают в квартире из четырех комнат. По два окна на обе стороны дома. Дочери учатся в местной частной школе, возвращаются домой около пятнадцати часов. У старшей есть ухажер, местный парнишка пятнадцати лет. С любовницей еще проще. Она находится у вас на содержании и большую часть времени проводит дома. Вы очень аморальный тип, Георгий Ильич. – Игорь откинулся на спинку сиденья и добавил: – Нам даже не придется вступать в близкий контакт. Обе квартиры просматриваются как на ладони. А чтобы сократить дорогу из школы, ваши дочери идут дворами. Очень вредная привычка…,

– Ладно. Дальше, – отрывисто сказал Георгий Ильич, глядя на поверхность стола.

– Дальше? – Игорь с удивлением обнаружил, что его голос слегка дрожит. – Дальше объясни мне, падла, хотя я и сам все уже понял, зачем ты нас туда послал? Раньше лазером шарахнуть было нельзя?

– Нельзя. – Как-то вдруг постаревший Георгий Ильич выпрямился и потер рукой шею. – Нельзя. Для этого нужно было дезактивировать противоспутниковый зонт. Попытка расстрела такого объекта с орбиты могла бы привести к серьезным последствиям. Ты просто не понимаешь… Ты… Я против тебя лично ничего не имею. Просто ты попал в мясорубку. Ты там солдат мертвых видел? Видел. Наверняка видел. Это не только наши… Там… Короче, тут не одна разведка сидит. Не одна армия там, в пустыне, своих людей положила. Масуд, он… Знаешь… Он собирался продать то, что украл. А этого нельзя было допустить. Нельзя.

Последнее слово Георгий Ильич произнес с той невероятной силой чувства, которая отличает фанатиков всех времен и народов от всех остальных людей.

Игорь молча смотрел своему бывшему нанимателю в глаза.

– Ладно, – сказал Игорь наконец. – Ваша задача перечислить деньги на счет. Какой вы знаете сами.

– Это невозможно, – неожиданно твердо сказал Георгий Ильич.

Игорь замер. Замер и палец на спусковом крючке. В затылок Игорю упирался ствол чего-то внушительного.

– Совершенно верно сказал вам наш. коллега, – прозвучало за спиной Игоря. – Невозможно это. Жадность, как вам известно, сгубила не одного фраера. Вы не исключение. Можете повернуться, но глупостей делать не стоит, я тут не один, а подвал оцеплен.

Игорь осторожно огляделся. Обстановка в подвальчике не особенно изменилась, только какие-то ранние гуляки пересели на столик ближе, а один из них, непринужденно опершись рукой на спинку кресла, в котором сидел Игорь, прижимал к его затылку пистолет. Вероятно, одна из самых узнаваемых черт любой разведывательной организации – это желание удивить противника.

– Вот ведь как выходит, – произнес незнакомец. – Вы просто клад для нас, Игорь Тимофеевич. Вы делаете нашу работу в пустыне. Хорошо делаете, надо отметить, правда, с одним проколом. Вы вернулись с задания живым. Это нехорошо. Но вы исправляете свою ошибку, выходя на своего нанимателя, который, надо отметить, заставил нас изрядно попотеть. Спасибо вам, Игорь. Большое человеческое. Вы, вероятно, хотите знать, что вообще произошло? Я вам объясню. – Незнакомец придвинул еще одно кресло и пересел к их столику. Посмотрел на Игоря и добавил: – Сзади вам в спину упирается ствол автомата. Десантная укороченная модификация. Прошьет спинку кресла, как масло… Итак, что произошло? Я обещал объяснить… – Незнакомец откинул со лба черные волосы. Длинные и не очень чистые. У него были правильные черты лица и небольшие усы. – Просто наш коллега задумал слинять с деньгами… и кое-какой информацией. Что позволило бы ему жить безбедно, содержать свою семью и, как вы правильно подметили, любовницу. Мы гоняли его по всему Востоку… Что вас так веселит, Игорь Тимофеевич?

– Веселит… – Игорь улыбнулся. – У вас информация вообще охраняется? Сначала Масуд, теперь этот…

– Справедливо подмечено… И действительно забавно.

Незнакомец улыбнулся.

– Я молчать не буду, – вдруг произнес Георгий Ильич глухим голосом. – Я вас всех, сволочей, утоплю.

Незнакомец повернулся к Георгию Ильичу.

– Будешь. Бу-дешь, – по слогам произнес он. – Потому что выключать этого вот парня мы пока не собираемся. Мы его только

на цепи держать будем. На длинной такой цепи, схемы которой ты в тайничке заныкал. Хех… Если бы этот парень знал, за что он задницу в пустыне драл, он бы Масуду ноги целовать стал. Стал бы, а?

– Ты про что? – Игорь почувствовал, что в горле резко пересохло. Так крупно он еще ни разу не попадал.

– Не важно, приятель, не важно. Важно, что ты… Что тебя как бы и не было. Был твой этот… Напарник, да? Вот он был, а тебя не было. И двух лимонов не было. Вместе с тобой. Это, конечно, не та сумма, которую ты тут заломил, но… Тоже неплохо, особенно если учесть, что делиться не придется. – Незнакомец повернулся к Георгию Ильичу. – Так вот. Если ты опять хитрить начнешь, мы этого парня с поводка спустим. Мы бы и тебя на поводок посадили, да у тебя от него иммунитет. Зато у этого парня его нет… А он тебя найдет, будь спокоен. И детей твоих.

Георгий Ильич посмотрел на Игоря и пояснил:

– Они тебе в мозг маленький блочок вставят. Поводок. И будешь ты у них как на ладони. Одноразовое средство, так что можешь быть спокоен, зомби из тебя только на один раз получится. Когда меня убрать потребуется… А до тех пор жить будешь… Масуд именно эту информацию украл.

– Так чего ж они тебя просто так не укокошат? Не слишком ли сложная комбинация получается?

– Расточительно это… – Незнакомец широко улыбнулся. – Слишком нужный человек наш Георгий Ильич.

Георгий Ильич взял стакан с соком и начал пить. Медленно, медленно… Руки у него тряслись.

Когда все вышли из подвальчика, у Игоря был шанс рвануть в сторону и с вероятностью пятьдесят на пятьдесят процентов уйти от пуль, предупредить Алекса… Минутная задержка. Из-за Георгия Ильича. У которого вдруг ни с того ни с сего подкосились ноги, и он упал на лестницу, едва не сбив незнакомца и его отряд с ног. Рядом с Игорем остался только один человек. Какую-то минуту. Удар в колено… Висок… Мало ли как еще можно убить человека голыми руками… Но Игорь просто стоял. Секунды истекали, таяли, и вместе с ними куда-то вытекала уверенность в своих силах, желание сопротивляться, бежать… Игорь еще убеждал себя, что деньги он отложит и потом отдаст Алексу его часть. Вытащит его. Но он уже знал, что это ложь. Ощущение дискомфорта пройдет.

То ли ему показалось, то ли в глазах Георгия Ильича действительно читалось презрение и непонимание, когда его выволокли из подвальчика. Показалось?

Зато в глазах незнакомца Игорь прочитал то, что невозможно

спутать ни с чем. Превосходство. Так смотрит матерый спецназовец на новобранца.

Во рту медленно таял противный привкус. Такой привкус, вероятно, имеет предательство.

Побег после пяти лет тюрьмы – сложная штука. За пять лет сгорели и злоба, и обида, и непонимание. Еще год после побега Алекс провел, изучая новое оружие и новые методы убийства.

Когда внизу, на лестнице, рявкнула последняя «лягушка», выведя из строя часть патруля сил охраны правопорядка, они так и не сказали друг другу чего-то главного. Что-то все равно осталось недосказанным.

Игорь мог бы рассказать, что такое «поводок», почему он так резко поменял профессиональную ориентацию. Он мог бы рассказать, что происходит, когда за тебя вплотную берется разведуправление. Он не мог только сказать, почему тогда, в далекой и жаркой стране, он не вырвался. Хотя имел возможность. И чем больше проходило времени, тем больше Игорь убеждался в этом. И почему два миллиона денежных единиц так и остались в его единоличном владении и не были разделены пополам, Игорь тоже не мог объяснить.

Алекс понял, что времени на разговоры больше не осталось. По его взгляду это же понял и Игорь.

То, что произошло дальше, мог бы оценить только Лео, но он неподвижно лежал на полу, пытаясь преодолеть ни на что не похожую боль: барабанные перепонки были разорваны.

Произошло же несколько вещей одновременно. Игорь привел в действие странно закоченевшие руки, и стволы его пистолетов начали одну за одной выбрасывать пули в сторону Алекса. В тот же миг пуленепробиваемое окно покрылось сетью мелких трещин. В стекле образовалась дыра, в которую, радостно визжа, ворвались пули. Как только Игорь начал стрелять, Алекс нырнул вниз, в падении стреляя из обоих стволов.

Одна, две или, может быть, три секунды. Не более. И наступила тишина.

По лестнице, проверяя каждый метр, медленно поднимались остатки отряда охры. Где-то стукнула упавшая штукатурка. Заскрипело битое стекло. Завозился приходящий в себя Лео.

Алекс встал с пола, заваленного мелкими кусочками стекла, пластика, бетона… У стены лежал Игорь, беспомощно держа на весу перебитые винтовочными пулями руки. На груди у него расплывалось пятно.

– Когда мстишь, рождаешься заново, – произнес Алекс в никуда. Усмехнулся.

Игорь ничего не ответил. Только задышал чуть чаще. В груди

жгло. С кровью уходила жизнь. Для него теперь имело значение только одно – скорость продвижения отряда охраны, своевременное появление которого означало бы спасение и медицинскую помощь.

Алекс подошел к человеку, безучастно висящему в распорках виртуальной кабины. Происходящее вокруг не касалось его. Лицо его было скрыто шлемом. Генрих не дышал. Он был мертв. Ни единой царапины на теле, но Генрих был мертв.

Алекс аккуратно снял с него виртуальный шлем. Слегка поморщился, что-то припоминая…

– Охра подходит к этажу, – голос Антона в наушнике. – Понятно, – сказал Алекс. – Выжигайте «светляков».

– Исполняю.

Тотчас же тонкая следящая электронная аппаратура превратилась в хлам. Было слышно, как вздохнул Антон. Его миссия была завершена.

Алекс еще раз посмотрел на Игоря. Бывший убийца и теперь уже бывший телохранитель полулежал у стены, часто дышал и прижимал окровавленные руки к груди.

Алекс нырнул в дыру, что была проделана в полу одним из «хомячков». Бесшумно перешел на другой уровень здания и пошел по заранее подготовленному пути отступления. Задание было выполнено. Объект мертв. Месть… Месть не вызывала в груди ничего. Совсем ничего. Может быть, потому, что Алекс видел, как попросту подставился учитель. Тот выстрел, который попал в грудь Игорю, должен был пройти мимо, уж кто-кто, а Алекс это видел. Игорь просто подставился под пулю бывшего ученика… Похитив удовольствие от мести, от возрождения, которое она дарует.

Алекс шел по коридорам, и мертвый свет неоновых ламп светил ему в спину… Что-то ждало его впереди?

Когда несколько человек в форме сил охраны правопорядка вошли в комнату, они нашли труп, висящий в виртуальном кресле, и двух тяжело раненных телохранителей, один из которых был без сознания, а второй потерял много крови. Холодный свет последней уцелевшей лампы окрашивал в зеленоватый цвет лица раненых, которых уносили на носилках. Один из них тихо бормотал что-то на незнакомом языке.

Преследовать неизвестного убийцу отряд не решился. Никто даже не сунулся в дыру в полу, вероятно, поэтому «крыса» в окне соседнего здания не проявила активности и не начала стрельбу, повинуясь второй части заложенной в нее программы-прикрытия. Через час после происшествия «крыса» разрядила винтовку и выключилась. Красноватые огоньки в ее «глазах» медленно гасли.

Этому роботу теперь снились свои сны. «Крысе» снилось, как в большом пространстве, которому нет места на земле, живут двое. Их нет, и они есть. «Крысе» это понятно. Эти двое разговаривают, не словами, но при этом понимая друг друга.

– Милая?

– Да, любимый…

– Знаешь, у меня какие-то странные фантазии…

– Какие?

– Хм… У нас будет ребенок?

– Ребенок?

– Да.

– Милый, у нас будет все, что ты захочешь…

Оба смеются. Затем он спрашивает:

– А что остальные?

– Остальные… Мне кажется, они… растеряны. Никто из нас не предполагал, что человеческий разум может преодолеть барьер и выйти за пределы… За пределы своего мира. Это сложно… Сложно даже объяснить.

Они молчат. «Крысе» кажется, что она видит что-то в темном мире своих снов. Там что-то движется… Или нет?

«Крыса» видит, или нет, скорее всего она знает, что эти двое удаляются. Удаляются куда-то в несуществующей реальности. Виртуальной. Эти двое уже далеко… Только ее смех разливается по всей виртуальности теплым и живым неоновым светом. Он переливается, плывет…

От этого «крысе» становится хорошо, и она засыпает еще глубже. Ее заносит пылью другая, совсем другая реальность.

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. 12 минут до нападения.

– Что-то я ничего подобного не слышал раньше… – потирая ладонью щеку, сказал кибер. – Ты не сейчас все это выдумал?

Керк помотал головой, стаскивая обруч. У него начала болеть голова. От постоянного прыганья из рассказа в рассказ слезятся глаза. В глубине души Керк надеялся, что успеет встретить смерть где-то там, в несуществующем, вымышленном мире рассказа. Однако, когда он открыл глаза, перед ним была все та же осточертевшая уже картина. Комната, заливаемая водой, ожидание смерти. Странные метаморфозы происходили с Керком. Если несколько минут назад ему до рези в желудке хотелось жить, то сейчас им овладело не менее сильное желание положить всему этому конец. Может быть, виной тому была простая усталость, может быть, слова, сказанные Максом…

– А знаешь, почему не слышал? – подал голос Логус. Кибер поднял на него вопросительный взгляд. – Потому что тема оживших компьютеров теперь совершенно никому не интересна.

– Почему ты так думаешь? – спросил Макс.

– Хм, потому, что изыскания на тему автономного существования интеллекта в виртуальности проводились далеко не один раз. – Монах развел руками. – Совершенно разными организациями и часто независимо друг от друга. В конце концов эту тему так затаскали, что она стала просто дурным тоном.

– Ну, это совсем не доказывает ее несостоятельности…

Монах покачал головой:

– Точно не доказывает! Собственно, дурной тон вообще ничего никогда не доказывает. Имеются результаты многочисленных исследований на тему ИскИнов, виртуальности в общем и искусственного разума в частности. И именно эти исследования однозначно показали, что ни один ИскИн, какими бы титаническими мощностями он ни обладал, не в состоянии достичь такого уровня развития, чтобы его можно было признать разумным.

– Почему? – спросил кибер.

– Есть такой термин, – охотно разъяснил Логус. – Кривая Джоениса. Развитие любого ИскИна идет именно согласно этой кривой. Отклонения настолько незначительны, что легко укладываются в однопроцентную погрешность. Так вот, по этой

кривой ИскИн достигает определенного уровня и на нем останавливается. Сам. Если имеет место быть дальнейшее наличие эволюционирующих факторов, то результатом их является только регресс. ИскИн медленно начинает отступать по уже пройденному пути, как раз по той самой кривой Джоениса.

– И что это доказывает? Может быть, ИскИн просто стал слишком… – Кибер пошевелил пальцами, словно выбирая из множества нужное слово. – Слишком умен для тех тестов, с помощью которых исследуются его возможности. Просто обнаружил способ их обходить, и все.

Логус помотал головой:

– Тесты проводились самые разнообразные, в том числе и однозначные.

– Какие такие однозначные?

– Ну, однозначные…

– Сто пятьдесят лет назад была разработана специальная сетка тестов, позволяющих с феноменальной точностью определять степень разумности любого существа или предмета, – перебил монаха Макс. – Вкупе, в сетке, эти тесты не дают ошибке никакого шанса. Использовать эту систему можно для какого угодно предмета. Хоть для шкафа… Хоть для ИскИна… Не имеет никакого значения.

– Хе, – кибер презрительно усмехнулся. – Мало ли что там придумали полтора века назад. Извините, но это какая-то поросшая плесенью древность. Как с ее помощью можно…

– От ИскИнов отказались еще восемьдесят лет назад, – оборвал его Логус. – Последний был отключен в начале века. Тестовая сетка соответствовала требованиям своего времени. ИскИны не имели шансов как тупиковая ветвь.

– Подожди. – Кибера, кажется, заинтересовала тема. – То есть ты хочешь сказать, что на данный момент нет ни одного Искусственного Интеллекта?

– Работающего? Ни одного!

– Так как же… Бред какой-то… Что же заменило все это… – Кибер развел руками, словно стараясь показать всю мощь компьютерных сетей, всю громадину виртуального пространства.

Логус поднял брови и почему-то уставился в пол. Дернул плечами, потер руку об руку. Растер лицо, словно умылся.

– Ладно, – наконец сказал он. – Один черт, эту информацию отсюда унесут немногие. Действительно, на определенном этапе развития общества мощностей ИскИнов стало недостаточно. Иначе вести разработку разумности компьютеров не стали бы ни за какие коврижки. ИскИны были отключены не потому, что были опасны или были разумны, – поверьте, все ведущие корпорации и

весь управленческий аппарат был бы рад и счастлив иметь под рукой такую поддержку. Но ИскИны стремительно вырождались, отставали и вскоре стали просто тормозить развитие и снижать потенциал коммуникаций. Пусть даже кто-то считает, что развития не было и нет, а есть только доработка старых идей и старых технологий, тем не менее ИскИны остались в прошлом. Может быть, я могу согласиться с бэньши, могу принять то, что нет никакого движения вперед, может быть. И, наверное, не найдись тогда альтернатива, человечество сделало бы шаг вперед, к чему-то новому, к росту… Но альтернатива была слишком заманчивой, а ресурс был почти неисчерпаем.

Логус, улыбаясь, сделал паузу.

– Ну! – подогнал его кибер. – Терпеть не могу такие шутки. Давай выкладывай. Что за альтернатива?!

Логус улыбался, шутливо грозя киберу пальцем.

Потом этот палец стал изгибаться, изгибаться и наконец уперся точно в Керка. Тот непонимающе закрутил головой. Не обнаружив ничего подозрительного, он раздраженно спросил:

– Что?! – Ничего личного, – сказал Логус. – Альтернативой был человек.

– Замечательно… – восхищенно воскликнул кибер. – И что же это дерьмо значит?! Я понимаю твою любовь к театральным жестам, но ты как-то смазал монолог. Давай пояснее.

– Человек, – повторил монах. – Сотни тысяч, миллионы, миллиарды людей на всех уровнях сидят ежесекундно в сети. Висят в виртуальности, что-то делают, ищут, играют, продают, покупают, живут, продаются и покупаются, занимаются сексом, умирают и убивают сами. У каждого вживлен чип, часто не один. Киберы, кстати, вообще нашпигованы различной дрянью…

– Ладно, ладно! – сказал кибер. – Я за свое дерьмо отвечаю… Логус не прореагировал.

– Каждый из них является постоянной или временной частичкой виртуальности, клеткой. Твои чипы, – Логус обратился к Керку, – ничего особого не делают. Они берут у тебя часть энергии, чтобы влить ее куда-то по своим каналам. Чтобы на что-то повлиять, переключить. Маленькие и незаметные триггеры, переключатели. Клетки огромного мозга, который управляет всем.

И Логус повторил жест кибера, охватывая весь мир вокруг, комнату, уровень, купол, анклав.

Все замолчали, словно видя перед собой это «все».

Потом кибер поднял руку:

– Погоди, но ведь существует, пускай даже теоретически, возможность того, что в виртуальность не войдет ни один

человек. Что же, все обрушится?!

– Ну, во-первых, – Логус ухмыльнулся, – это возможность только теоретическая. Потому что мы не можем часто просто выйти из виртуальности. Мы в ней живем. Когда покупаем и когда продаем, когда шляемся по магазинам или просто с кем-то связываемся… В своей повседневной жизни. Войти в виртуальность не означает нацепить костюм и очки или шлем и болтаться между небом и землей… Когда ты платишь за что-то, покупаешь, например, новую электронную цацку, расплачиваясь, ты задействуешь кредитные чипы, производишь переводы кредитов. Денег, в прежнем понимании, нет, они вне закона. Есть кредиты. Электронные. Которые по старинке еще называются деньгами, «баксами», «зелеными» или как там?.. Виртуальность была внедрена настолько глубоко, насколько это было возможно. Она затронула основу цивилизации, возможность покупать и продавать.

– Но все-таки… Может же быть, что никого в виртуальности не будет.

– Ну, скажем так, что если никого в виртуальности не будет, то и сама цивилизация станет ни к чему, потому что не станет самих людей. – Логус развел руками. – Но этот случай был предусмотрен.

– Каким образом? – спросил кибер, искоса глядя на Макса.

Тот сидел на своем стуле и равнодушно созерцал потоки воды, медленно заполняющие комнату. Казалось, что он знает ответ.

– Есть Генеральный Резерв Анклава, – отделяя одно слово от другого, произнес Логус и подождал, пока кибер спросит:

– Что это?

– Это, – Логус кинул взгляд в сторону Макса, – «овощные этажи».

Монах снова замолчал, выдерживая паузу. Но на это никто не купился, и ему пришлось продолжить:

– Люди, которые ни при каких условиях, кроме, конечно, физического уничтожения, не могут выйти из виртуальности и которые в случае чрезвычайной ситуации будут принесены в жертву цивилизации.

– Погоди, – снова поднял руку кибер. – Но ведь это не последние люди купола… Это же…

– А для огромного организма, которым стал анклав, это не имеет никакого значения. Анклаву наплевать на то, кем считает себя этот винтик. Анклав живет и будет жить. Несмотря ни на что… Но, конечно, есть и другие… Например, заключенные нулевых зон. Пожизненно и по принуждению находящиеся в том

же положении, в котором находятся богатые «овощи»… Только условия содержания в нулевых зонах не те, что на «овощных этажах». Это основные клетки системы. Постоянно занятые в работе…

– Как муравейник… – прошептал Керк.

– Нет-нет, – замахал руками Логус. – Никакого сравнения. Не муравейник. Мозг. Клетки мозга.

В наступившей тишине прозвучал голос Макса:

– Теперь я понимаю, почему ты с красным допуском. – И, поймав вопросительный взгляд кибера, Макс пояснил: – Он Техник.

Кибер посмотрел расширенными глазами на Логуса:

– Ничего себе компания. Что только не плавает в придонном пространстве…

Керк попытался с ходу вспомнить, что он слышал о Техниках.

По всему получалось, что это одна из немногих сект, находящихся под запретом в границах купола. Или даже в границах целого анклава… Роясь в глубинах памяти, Керк вытаскивал на свет все новые и новые подробности, отрывочные сведения, выхваченные из стрим-новостей, из разговоров, из случайным образом обнаруженных документов…

«Техник – существо социально опасное, – припомнился давний разговор с одним виртуальным знакомым. Кажется, это происходило в минуты отдыха, паузы между тренировками-натаскиваниями, когда один из Больших Гуру снизошел до разговора с группой поддержки, поясняя смысл оброненных в беседе с кем-то фраз. – Техник стремится знать все. В его мозгу хранится информация о любом сколь-либо технологическом предмете, попавшем в его поле зрения.

– Как так? – поинтересовался тогда кто-то. – Память-то не бездонная…

– Ясно, что не бездонная… Потому как ее забивают всякой мутью… Память Техника – предмет совершенный. Без лишнего мусора, без непроходимых завалов. Все как по полочкам разложено. Ну и, конечно, стерто что-то…

– Что?

– Ненужное всякое. Например, переживания детства, юности. Всякий, с точки зрения Техника, сентиментальный бред. Ну и, конечно, его мозг переработан.

– Как это? – спросил тогда кто-то непонятливый.

– Так это. Мозг Техника используется полностью. Без всяких там десяти процентов или скольких там?.. Все отведено под память.

– Опаньки… – изумился кто-то в виртуальном пространстве. –

А почему он тогда опасен? Это ведь живая энциклопедия!

– Ха! Догадливый какой… Потому он и опасен, что энциклопедия. Знания – это похуже водородной бомбы… А технические знания вдвойне страшная штука. Понял?

– Нет. Не понял. Как может быть опасен человек, если он все знает и помнит…

– А он не только знает и помнит, – вмешался в разговор второй Гуру. – Он еще и рассказывает. Несет, так сказать, знания в мир. Чего делать, по-моему, совсем не стоит.

– Точно не стоит! – подтвердил первый Гуру.

– Почему? – спросил любопытный чайник.

– Потому что есть такие вот идиоты, которым все знать хочется! – оборвал разговор второй Гуру и исчез.

Первый оказался более терпелив:

– Тебе хочется знать, как устроен весь наш мир? Вся эта техническая муть, в которой мы вертимся?

– Хочется!

– Хочется… – согласился Гуру. – А когда ты, например, узнаешь все это, тебе чего захочется?

– Не знаю…

– Зато я знаю. Тебе захочется все это сломать! И ты в повстанцы пойдешь… Или скуксишься где-нибудь… Или еще что… похуже.

– Почему это?!

– Потому, что ты баран! И знания тебе ни к чему! Потому что выдержать их ты не сможешь по определению! Мозги твои закипят, понятно? Знания эти грязные очень, доходит?

После недолгой паузы чайник ответил нерешительно:

– Нет, не доходит…

Гуру вздохнул и сказал, подводя беседе итог:

– Если я увижу Техника, я сдам его патрулю. И остальным советую сделать то же самое.

Когда он уходил, можно было уловить его реплику кому-то другому, тому, кто наблюдал за беседой, в нее не вмешиваясь:

– Ты, конечно, прав, Марк. Разговор с чайником – это неуважение к себе самому…»

Керк припомнил этот разговор постепенно, нанизывая фразу на фразу, слово на слово, и пропустил реплику Макса, только потом уловив ее смысл.

– Когда-то давно я тоже встретил Техника. До сих пор пребываю в четкой уверенности, что таких нужно просто убивать.

– Бывает… – неопределенно отозвался Логус.

Через некоторое время снова заговорил Макс:

– Кстати, эти сведения не отрицают существования разумных

ИскИнов. Особенно в свете рассказанной истории.

– Поясни, – попросил кибер.

– Может быть, ты не заметил – в рассказе наделяется разумностью не один конкретный ИскИн, хотя и это тоже, а целая виртуальность. То есть разум, вышедший за пределы своих физических границ. Керк утверждает, что у ИскИнов есть душа. И, соответственно, жизнь после смерти. Так что отрицать разумность ИскИнов теперь глупо. Их физическая оболочка ушла в прошлое, а с душой и загробной жизнью человечество так и не разобралось. Даже в том, что касается непосредственно человека, а уж про другие «разумные» организмы и говорить не приходится. Может быть, они были, может быть, нет…

– «Они» – это разумные ИскИны? – спросил Логус.

– Ну да. – Макс посмотрел на часы. – Они самые.

– То есть ты хочешь сказать, что в нашем мире возможно все? Довольно дешевый постулат.

Макс улыбнулся:

– Дешевый или нет, но его еще никто не опроверг. Если попытаться разобраться детальнее, то получится, что целый ряд историй, реальных или выдуманных, не дают ответа на возникающие вопросы.

– Это же естественно.

– Я не это хочу сказать. – Керку показалось, что Макс растерялся. – Любое сколь-либо громкое событие прошлого при ближайшем рассмотрении составлено из целого ряда белых пятен. Если связывать воедино события «до» и события «после», то получается, что всего существовавшего «между» не могло быть. Если, скажем, вернуться к истории, поднятой Хесусом…

– Где он, кстати? – Логус поднял голову.

– Спит он. Где-то там, – ответил Керк, указывая на груду картонных коробок в углу.

– Молодец. – Логус кивнул, а затем обратился к Максу: – Извини, я тебя перебил…

– Если вернуться к истории с АН, – продолжил Макс, словно не заметив, что его перебили. Он все чаще и чаще смотрел на часы. Керк почувствовал, как разгорается в нем некая невидимая спираль накаливания. – Если вернуться к истории с АН… То получится, что ее быть не могло.

– Почему это?

– Весь тот кавардак, разворачивавшийся на фоне политической давки за власть, проходил под символом новой эпохи. Когда ИскИны могли встать на один уровень с человеком. И что же мы видим потом?

Макс посмотрел на Логуса, и тот, словно понимая, к чему

идет разговор, подсказал:

– Кривая Джоениса, конечно.

– Именно. Кривая Джоениса. Одно из доказательств того, что ИскИны не в состоянии подняться выше некоего предела. То есть истории с АН быть не могло!

– Но она же была, – сказал Керк.

– Была, – согласился Макс. – Большинству сейчас, правда, на это наплевать, но она была. Просто для нас сейчас в ней слишком много белых пятен.

– К чему ты это все? – подозрительно спросил Логус.

– К тому… – Макс провел руками по лицу. – К тому, что мне иногда кажется, что мы – это остатки от куколки.

– Какой куколки? – спросил Керк.

– Когда гусеница превращается в бабочку, она проходит через стадию куколки. Те, кто был в биологических садах на верхних уровнях, знают, что это такое. Это такая темная субстанция, в которой гусеница проходит через трансформацию. Когда наконец получается бабочка, кокон куколки становится не нужен.

– Ну и что?

– Мы – тот кокон.

– Который не нужен? А бабочка?

– А бабочка – это виртуальность. И она теперь поедает свой старый кокон.

– Ну, знаешь, – Логус усмехнулся. – Мы уже говорили, что не будет людей, не будет и виртуальности.

Макс скорчил кислую мину, посмотрел на часы и сказал:

– А бабочки вообще недолго живут.

Все молчали.

Макс встал со стула, потянулся словно после сна. Керку вдруг захотелось протереть глаза – каждое движение Макса было словно смазано. Или он двигался так быстро, или что-то случилось с глазами самого Керка.

– Времени осталось совсем чуть-чуть, – сказал Макс. – Фактически его уже нет. В оставшиеся минуты я хочу вам кое-что рассказать. Апофеоз всего этого затянувшегося вечера.

– О боже мой… – вздохнул Логус. – Что еще ты можешь нам рассказать?!

– Немногое, если учесть, что времени осталось впритык… – Макс посмотрел в потолок и нахмурился.

Из коридора в комнату осторожно заглядывала здоровенная лужа, значит, лестничный пролет уже весь был заполнен водой.

Видимо, вода заползла и под кучу мусора, в которой спал Хесус, потому что там завозились, и на свет вылез негритенок, с недовольным видом отряхивающий штаны.

– Все, стало быть, в сборе, – подвел итог Макс.

– Не тяни, – сказал Логус, тоже напряженно глядя в потолок.

– Из этой драки я, скорее всего, не выйду. Я юлил, сколько мог, но теперь, кажется, пришел мой черед. Однако я приложу все силы для того, чтобы кто-то из вас ушел из этой мышеловки живым. И мы должны сейчас решить, кто это будет. Участь этого человека будет несладкой, так что…

– Не понял? – Логус сделал несколько шагов вперед.

– Сейчас… – Макс остановил его движением руки. – Неожиданно это не начнется. Я уже говорил, что наш мир – это многомерные шахматы. Где относительной свободой выбора владеют только фигуры, которые, в отличие от пешек, выбирают, где и когда им оказаться. К сожалению, этот выбор часто бывает неосознанным и причиняет массу неприятностей в дальнейшем. Так или иначе, все вы оказались в нужное время в нужном месте. У каждого из вас, включая даже этого развозчика пиццы, в сегодняшнем спектакле есть своя миссия. И сейчас я хочу вам открыть истинную причину того, почему такая серьезная сила, как стая Гончих, преследует одного человека.

Макс откинул со лба волосы, и все увидели, что под его кожей, на линии волосяного покрова, находится некое вздутие.

– Имплант? – полуутвердительно спросил Керк.

– Что-то вроде, – отозвался Макс. И в то же мгновение кожа над вздутием начала распадаться, расходясь на несколько аккуратных лепестков. Там, среди красной плоти, обнаружился голубоватый вытянутый кристалл, уходящий своим острием куда-то внутрь черепа Макса.

– Биоимплант, – сказал Логус странным голосом. И, глядя на удивленные лица собравшихся, пояснил: – Накопитель, обладающий определенными качествами живого существа-симбиота. Запрещен к использованию. Входит в число технологий, запрещенных Особым Уголовным Кодексом. Подлежит немедленному уничтожению вместе со своим носителем.

– Почему? – выдохнул Хесус.

– Потому… – замолчал на полуслове Логус, но потом закончил фразу: – Потому, что в нем нашли следы неземных технологий.

– Ты что, хочешь сказать, что он, – проснувшаяся Циркуль указала на Макса, – пришелец?

– Нет, – Логус покачал головой. – Он-то как раз человек. И кристалл тоже наш, но вот его биологическая составляющая… Как бы не совсем.

– Как бы? Почему как бы?

– Потому что неясно, каким именно путем эта штука приживается в организме другого человека. Симбиот.

– Хорошо, что в нашей компании оказался Техник, – сказал Макс. – Я бы не смог этого объяснить. А теперь, когда основная масса вопросов оказалась разрешена, позвольте, я продолжу.

Возражений не последовало.

– Все наши сегодняшние рассказы вертелись вокруг одного и того же, кроме, может быть, истории Хесуса, но он человек в нашей компании почти случайный. Хотя ничего случайного тут нет, есть только… Не о том я хочу сказать! Мы говорили сегодня об одном человеке, личности, деятельность которой породила множество легенд, массу слухов и, так или иначе, оставила след в истории общества. Почему? А просто потому, что эта личность жива по сей день. Потому что она здесь!

Говоря это, Макс осторожно касался импланта в своей голове. Под его пальцами кристалл вспыхивал неровными синими искрами и словно бы растворялся, теряя свою жесткую структуру, становясь похожим на луч света, случайно принявший конусообразную форму, Макс легко вынул имплант из своей головы. На его ладони тот перестал светиться и стал выглядеть как простой камень, кристаллический накопитель, содержащий в структуре своей прочной решетки океаны информации.

– Прошу любить и жаловать, – сказал Макс, поднимая кристалл над головой. – Алекс. Бессмертная личность, переходящая по наследству из поколения в поколение. Человек, помнящий, как все начиналось, видевший если не все, то очень многое. Это его страхи, его жажда жизни, его любовь к смерти, его личность. Вся его жизнь заключена в этом объекте. Та инициация, о которой говорил ты. – Макс указал на кибера. – Его помощь помогала мне выпутываться из всех тех передряг, куда я ухитрялся попасть. Мне жаль прощаться с ним, но приходится. Сегодняшней драки я не переживу. Я устал. А отдавать Его в лапы Стаи… Или в лапы тех, кому они служат… Кто-то из вас должен сегодня унести его с собой. Это тяжело, но необходимо.

Молчанием были встречены его слова.

– Погоди, – начал первым Керк. – Но ведь у нас нет… Ни необходимой для имплантации техники, ни соответствующих разъемов. Черт, да я вообще впервые вижу этот биоимплант! Я о них и не слышал ничего!!!

– А и не нужно, – тихо сказал Логус – Я же сказал, что это технология запрещенная. И к тому же основанная на симбиотичности, на эффекте паразита. Достаточно принять этот кристалл в дар, и он сам найдет себе место в организме… Сам войдет в мозг, подстроит нервные окончания, выйдет на

контакт… Такого не могли придумать земляне… наверное.

– У нас мало времени, – напомнил Макс. – Кто возьмет это на себя? Я гарантирую этому человеку жизнь. Все остальные будут защищать его, пока будут живы. По крайней мере, я сделаю все от меня зависящее.

Никто почему-то не возразил, только Хесус растерянно хлопал глазами посреди комнаты – ему не давала покоя сцена, когда Макс достал у себя из лба камень и не помер при этом. Циркуль медленно качала головой.

– У нас совсем нет времени…

Все решилось само собой.

Макс стоял с кристаллом в вытянутой руке спиной к окну.

Керк еще видел, как в проеме мелькнуло что-то мокрое и черное. И в тот же миг прибор, установленный Максом на подоконнике, ожил. Пришли в движение какие-то скрытые механизмы, он поднялся на чем-то вроде лапок, и у всех в помещении пронзительно заболели уши. Керк однажды на себе испытал действие ультразвука и теперь только успел порадоваться тому, что раструб излучателя был направлен наружу. За окном кто-то крикнул и исчез. В тот же момент пол в коридоре вздыбился, в него хлынула вода, и из пролома начали выскакивать мокрые человеческие фигуры.

– Держи, – крикнул Макс и швырнул кристалл Керку в руки. Откуда-то в его руках взялся пистолет, и сразу же раздались первые выстрелы.

Камень сверкнул синим в воздухе. Керк поймал его легко, как будто всегда только этим и занимался, и сразу ощутил, какой он теплый, живой и пульсирующий. Тело пронзила истеричная дрожь, происходящее вокруг потеряло всякую значимость. Кто-то влетел в окно, преодолев ультразвуковой заслон, кто-то насел на Логуса, впиваясь ему в плечо. Керк стоял, не в силах побороть страх и отвращение. Камень был живым существом! В нем содержалась неведомая Керку жизнь и сознание человека, умершего много лет назад. Многих людей! Умерших, но продолживших свое существование на многие столетия.

Комната наводнилась Гончими… А Керк никак не мог решиться принять камень. Хотя чувствовал, что достаточно одного простого мысленного согласия…

Где-то сзади закричала Циркуль. Керк обернулся и увидел, что неведомо каким образом оказавшийся в тылу Гончий прижимает девушку к стене, оскалив страшные клыки, Керк попытался выхватить пистолет. Но ему мешал кристалл… И тогда он сделал то, чего сам от себя не ожидал. Керк швырнул биоимплант девушке через голову Гончего. Циркуль схватила

кристалл, как утопающий веревку.

Гончий, как в замедленном кино, повернул нечеловеческую голову в сторону Керка.

Пистолет сказал свое первое «Вам!».

И события вернули себе свою обычную скорость.

Рядом стрелял Макс, неизменно попадая в цель. На полу лежали люди. Вода, затекшая в помещение, окрасилась красным. Кибер, подняв Гончего высоко над головой, швырнул в окно, на лету рассекая его пополам. Окровавленный Логус сидел на полу, стараясь зажать разорванное плечо рукой. В груди у него кровоточили два пулевых отверстия. Керк даже поначалу не понял, на чем держится в нем жизнь, пока не увидел рядом две использованные капсулы из-под «Макселератора», вещества, способного, по слухам, и мертвого поднять. На некоторое время.

Внезапно наступившая тишина оглушала.

– Куда они подевались? – спросил кибер.

– Они еще за нас всерьез не брались, – успокоил его Макс.

И все началось сначала. Помещение наполнилось Гончими. Загремели выстрелы, полетели в воздух щепки и обломки пластика.

Керк выстрелил дважды, оба раза попав в кого-то, потом сильный удар в спину кинул его на пол, лицом в красную воду. Он закричал, преодолевая боль, перевернулся на спину, стараясь еще работающей правой рукой поднять оружие. Однако оскаленного Гончего заслонила чья-то фирменная курточка. Хесус, как в тире, буквально в упор разрядил свой «вессон» в лоб Гончему. Тот откинулся, и Керк успел увидеть закатившиеся под лоб глаза мертвеца. Керк упал.

Негритенок развернулся, наклонился, наверное, чтобы помочь Керку встать. Стоя спиной к Гончим, он не мог видеть приближающегося сзади человека. Керк попытался что-то сказать, но с губ срывались только хрип и кровавые пузыри. Он хотел оттолкнуть мальчишку, но не успел. Хесуса подняли сильные руки и швырнули куда-то туда, где под кучей Гончих тяжело барахтался кибер. Керк еще видел, как там, в гуще врагов, негритенка поймали. Подняли над толпой. И, растянув его за руки, словно бы распяв, стали рвать на куски. Керк увидел это в один долгий миг, картина запечатлелась в его памяти с фотографической точностью: бросок, распятый Хесус и поднимающийся откуда-то снизу растерзанный кибер, который, стараясь встать на искалеченные ноги, ухватился за негритенка, припадая к нему, как к распятому Мессии. Потом все заслонила черная воронка ружейного дула.

Смерть оказалась чем-то похожа на любовь.

Макс поймал одну из последних пуль. Стреляя и укрываясь от выстрелов, он еще ухитрялся прикрывать собой смертельно раненного Логуса и Циркуль, которая валялась без чувств. Где-то там, с ней, был имплант, и Макс разрывался, прикрывая и Логуса, и камень. Когда сильный удар в грудь опрокинул его на пол, Макс понял, что бронежилет пробит. Стало трудно дышать, на миг накатила непроглядная чернота, которая грозила стать вечной. Но вдруг что-то холодное кольнуло в шею, и тело окатила горячая волна. Логус использовал свой последний акселератор. Это позволило Максу пристрелить кинувшегося на него обезумевшего от запаха крови Гончего. Стало тихо.

Где-то рядом хрипел кибер, стараясь выбраться из-под груды мертвых изрубленных тел. В некоторых местах в теле кибера можно было увидеть какие-то странные железные конструкции. Вероятно, только они не давали ему умереть, таких ран обычный человек выдержать бы не мог.

Когда в окно снова полезли оскаленные хари, Макс попытался встать. Он знал, что для того, чтобы выбраться, нужно немного. Только бы встать… Ноги не слушались, становилось холодно.

Упав на колени мертвого Логуса, Макс услышал выстрелы. Последнее, что он увидел: перемазанная чем-то с ног до головы, вся в красном, Циркуль палит от бедра из трофейной винтовки. Лицо ее показалось Максу знакомым. Что-то похожее он иногда видел в зеркале.

Потом он как будто заснул.

Нулевой уровень Европейского Купола. Утро.

Она брела, по колено утопая в жидкой грязи, иногда проваливаясь в воду по пояс.

Дышать влажным воздухом было трудно. Автоматическая винтовка висела на шее.

Изредка кто-то попадался ей навстречу. В основном все старались спрятаться, некоторые пытались с ней заговорить, что-то сказать, спросить, остановить. Тогда Циркуль громко кричала и угрожала автоматом. Помогало.

Слезы текли по ее лицу. Все тело болело.

На спине болтался тяжело раненный чернокожий мальчишка. Он надсадно и горячо дышал в ухо девушке. Многочисленные повязки на его теле сбились, и раны снова начали кровоточить. Негритенок что-то говорил, бредил.

– Тихо, тихо… – приговаривала тогда Циркуль. – Все будет хорошо… Обязательно. Дойдем до какого-нибудь Айболита… Он нам даст таблетку… Ничего… Потерпи…

Когда власти наконец взяли под контроль сливные сооружения и вода начала стремительно убывать, в живых из всей компании оставался только Хесус. Парня сильно порвали, но кибер вытащил его, хотя и сильно поплатился за это.

Циркуль остановилась на перекрестке. В этом районе она не знала никаких подпольных клиник.

«Налево, два квартала», – прозвучал в голове незнакомый голос.

Макс сдержал слово, и человек, который принял на себя груз биоимпланта, остался жив. Теперь Циркуль несла в себе все бремя людей, когда-либо вступавших с кристаллом в контакт. Это было нелегко, но зато ей теперь никогда не грозило одиночество.